

Троицкие листки

(духовно-нравственное чтение для народа,
публикуемое в конце 19 века)

№ 601-650

Содержание

601. У мощей преподобного Сергия	2
602. Великий подвижник Саровский	5
603. Кому можно и кому грешно жить подаянием.....	8
604. Непостижимы судьбы Твои, Господи!	11
Почему добрые люди иногда умирают мучительной смертью, а злые — спокойно	13
605. Слово о голоде.....	14
606. Самая легкая заповедь	18
607. Как провести день по-Божьи?.....	21
608. Споручница грешных	24
609. Кому подобен осуждающий ближнего?	27
Не суди других — за собой смотри!	28
610. Чем отгонять леность духовную?.....	30
611. Наша духовная азбучка	33
612. Смирение святых.....	36
613. Бесплодная смоковница.....	39
Воспоминания Великого Понедельника	40
614. У гроба Христова	41
615. Плач Пресвятой Богородицы	44
616. Песнь Воскресения.....	47
617. Что значит: "Вышних ищите?"	50
618. Берегите деревца! («Хвалите Господа от земли... древа плодоносна и вси кедри...» (Пс. 148; 7, 9))	53
619. О том, как изобретательны пьяницы.....	56
620. Отеческие наставления святого апостола Павла (выписки из Священного Писания).....	59
621. Юноша - пустыннолюбец.....	62
622. Наедине с Богом	64
623. Учители Богом званые и самозваные	67
624. Равноапостольная Мирносица	70

625. Сказание о чуде, как святой Архистратиг Михаил избави отрока от потопления	74
626. Не бойся: Я с тобой!.....	77
Где ты, Господи?.....	78
627. Кто обитает в жилище Божьем?	81
628. Небесная слава Матери Божьей.....	83
629. Черниговский святитель-чудотворец.....	86
630. Вразумитель крадущих.....	90
631. Что нам делать в виду холеры?.....	92
632. Благоуханный цветок в пустыне	95
633. Первый — всем слуга	98
634. Благодатный старец	101
635. Слово любви к именующему себя старообрядцем о Символе веры	103
636. Взыскание погибших	106
637. Древние христиане во время чумы.....	109
638. Плач блаженного аввы Исаии.....	112
639. В чем главный грех штундистов?.....	115
640. Голос спасающей благодати	119
641. Заочное свидание святых друзей.....	121
642. Праведники во веки живут.....	123
643. Живём ли мы, христиане, по-христиански?	127
644. Счастливый страдалец.....	130
645. Смирение — мать всех добродетелей.....	133
646. Без любви к ближнему — не спасешься.....	136
647. Наше идолопоклонство («Яко вси бози язык бесове» (Пс. 95; 5)).....	139
648. Премудрая царевна-великомученица.....	142
649. Далеко ли от нас Вифлеем?.....	146
650. Дорожите временем!.....	149

601. У мощей преподобного Сергия

Счастлив ты, православный русский народ, что есть у тебя перед Богом теплые молитвенники и заступники — святые угодники Божьи! Только ты не забывай их, смиренно притекай к их покрову благодатному и молись своей простосердечной молитвой, а они не забудут тебя: они слышат твои вздыхания сердечные, видят скорби твои, твое смирение, веру твою крепкую, и молятся за тебя непрестанно милосердному Господу.

Одним из таких великих печальников перед Богом за землю Русскую был и есть преподобный отец наш и всяя России чудотворец Сергий

Радонежский. Вот уже пятьсот лет прошло, как отошел к Богу сей досточудный старец, но праведники, по слову святого Писания, «во веки живут» (Прем. 5; 15), и преподобный отец наш Сергей для нас, русских, никогда не умирал: он только "преставился", только перешел от земли на небо, и оттуда, с высоты небесной, с любовью призирая на нас, грешных, молится за нас той молитвой, которая много-много может у Господа.

И свято чтит наш православный русский народ святую память его: он знает и чтит в нем своего великого наставника и учителя в жизни духовно-благодатной, в подвигах Христоподрожательного смирения и беззаветной любви к православной Церкви Божией — нашей матери, — знает и чтит своего теплого молитвенника перед Богом, своего возбранного воеводу и чудотворца преславного. Едва ли какому другому угоднику Божьему, кроме, конечно, святителя Николая Чудотворца, посвящено в пределах древней Московской Руси столько храмов, сколько посвящено их смиренному чудотворцу Радонежскому. Благоговеют к его имени и венценосцы Русской земли: все они издревле любили приходить на поклонение святым мощам преподобного Сергия. Храмы Божьи в его обители блещут дарами от их щедрот, а в сокровищнице монастырской можно видеть, с какой любовью, с каким усердием трудились наши царицы и царевны, вышивая золотом и шелками дорогие воздухи и покровы, чтобы принести эти труды рук своих и возложить на святые мощи преподобного Сергия.

Редкий из иерархов Русской Церкви не припадал до праха земного у этих святых мощей; ни один вблизи путешествующий инок не минет обители Сергиевой. К нему, как к живому, притекают и теперь тысячи православных русских людей на поклонение, — не говоря уже о Средней России — даже из самых отдаленных окраин ее: из Сибири, с Амура, с далеких границ Китайских... Ему, как святому старцу — духовному отцу, повергаясь у подножия его священной раки, поведают они свои скорби и печали, изливают свое горе в слезах и, по вере своей, отходят с избытком утешения в сердце, с исцеленной душой, а нередко получают исцеление и неисцельных недугов телесных. Присмотритесь к этим простецам, которые с таким благоговейным усердием молятся у гроба преподобного Сергия: прислушайтесь к их вздохам сердечным, и вы поймете всю благодатную силу веры в нашем Православном народе, вы воочию увидите и узнаете: как нужно молиться, если хочешь, чтобы твоя молитва дошла до Господа Бога. Вот старец, убеленный сединами, удрученный заботами и трудами прожитой долгой жизни, смиренно преклонился под ношей своей дорожной сумы и поник до земли: он в слезах приносит благодарение угоднику Божию, что сподобил его, хотя бы на склоне жизни, поклониться его святым мощам, что исполнил свое заветное желание, которое много лет носил он в своем сердце, — что он теперь спокойно умрет: его очи видели, его уста коснулись благодатного сокровища нетленных мощей преподобного Сергия.

Или вот старица едва добрела, опираясь на свой незатейливый посох до обители чудотворца: она тихо проливает слезы умиления и беседует с

преподобным, как с живым: "Батюшка! Угодник Божий! Помолись ты за меня грешницу, помолись за деток моих, за внуков, за всех Православных Христиан!.." И идет потом она из храма, отирая свои сладкие слезы; спросите ее: — "О чем ты плачешь, бабушка?" — "С угодничком прощалась", — ответит она... Здесь мать умоляет преподобного, чтобы вразумил он ее несчастного сына-пьяницу; здесь вдова изливает свою скорбь и просит благодатной помощи нести свой нелегкий крест до конца; здесь сироты просят покрова и защиты у Богом данного отца Сергия; здесь нередко и кающийся грешник сокрушается в своем сердце и просит благодатного подкрепления в тяжелой борьбе с привычным грехом. Плохо давалась преподобному Сергию в его детском возрасте грамота: только по молитвам таинственного старца, в котором его родители видела ангела Божия, он скоро уразумел учение книжное. И вот теперь к нему прибегают родители и приводят своих малюток на благословение прежде, чем начнут обучать их грамоте, нередко и самую азбучку берут они в обители преподобного, и только с его благословения приступают к учению книжному, подражая примеру благочестивых предков, которые смотрели на грамоту, как на дело святое, как на ключ к уразумению Божественного Писания. И многое множество мужей и жен, юных и младенцев, с раннего утра до позднего вечера наполняют небольшой храм Живоначальной Троицы — сие смиренное покоище Сергиево, уготованное ему любимым учеником его — преподобным Никоном, и каждый истинный богомолец пришел к нему со своей скорбью, со своей заботой, а кто и с молитвой смиренного благодарения о полученном прощении. Каждый стремится благоговейно склониться до земли у раки святых мощей его, приложиться устами к священному покрову на главу угодника Божия, и отходит с миром и радостью в душе.

И несет он этот мир в свой дом, в свою родную семью, вместе с просфорой, вынутой о здравии всех близких его сердцу в обители преподобного и, укрепленный молитвой, живет он светлыми и святыми воспоминаниями тех благодатных ощущений, какие испытал под сенью преподобного.

Да, и еще раз повторим: жив он, угодник Божий, в народном сознании, живым выразителем этого сознания является смиренный царь наш Алексей Михайлович: он писал "Преподобным Отцом Сергию и Никону" послание, как живым лицам... И не страшны будут Русской земле никакие враги, пока будет живо это духовное общение нашего русского народа с небесными заступниками и молитвенниками за родную землю.

Будем же молиться, православные, будем просить угодника Божия, преподобного Сергия: "Не забуди, отче наш Сергие, якоже общался еси посещая чад своих — весь родной тебе русский народ; моли Святую Троицу о царе нашем батюшке, о всем его царствующем доме, о всей Православной Русской земле!

К тебе, яко нам сродному, притекаем и взываем: настави нас ходити путем твоим, вразуми и руководствуй! Вся Богопросвещенная Россия, твоими чудесы исполненная и милостями облагодетельственная, исповедает тя быти своего покровителя и заступника. Яви древние милости твоя, и ихже отцем спомоществовал еси, не отрини и нас, чад их, стопами их к тебе шествующих! Не промолчи о нас, вопия к Господу, поминай нас у престола Вседержителя, не отступай от нас духом, сохраняй нас от всех бед, пастырю наш добрый, да тобою ограждаеми и наставляеми в отечестве земном, не лишимся и Отечества Небесного, идеже ты радостно по трудех и подвизах ныне почивавши, прославляя со всеми святыми Бога в Троице славимого, Отца и Сына и Святого Духа. Аминь".

602. Великий подвижник Саровский

Со всех концов России стекается православный русский народ в пустынь Саровскую, чтобы помолиться на могиле старца Серафима и получить его незримое благословение. Что же влечет к нему верующую Русь? Ответ на это дает нам его святая подвижническая жизнь. Уроженец города Курска (в мире звали его Прохор Мошнин), он был даром Божиим его благочестивой матери-купчихи: она всю жизнь свою воспитывала бедных сироток, а Господь возлюбил ее сына и сохранил его — еще младенца — когда упал он с высоты здания; Мать Божия во сне явилась ему, болящему отроку, и обещала посетить его, и действительно: скоро пришла в дом их со Своей иконой и исцелила его. Семнадцатилетним юношей он уже решился оставить мать и родину и служить Богу в обители. Получив благословение матери и помолясь в Киеве у святых угодников, он поступает в Саровскую пустынь (1778 г.). Тут Господь посылает ему испытание — трехлетнюю болезнь; старцы предлагают ему врача, но он говорит: "Я предал себя истинному Врачу душ и телес Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери: если же любовь ваша рассудит, то не лишите меня, убогого, Господа ради, небесного врачевства". И вера его награждена полным исцелением, — Сама Царица Небесная сподобила его Своего божественного посещения, — в 27 лет он становится монахом, а через год иеродиаконом, и все время диаконства пять лет и девять месяцев ежедневно служит. На 34 году он посвящен в иеромонаха и продолжает свое ежедневное служение. Потом, почувствовав непреодолимое влечение к совершенному безмолвию, он удаляется в пустынную келию, в пяти верстах от обители. Единому Господу известны все его молитвенные подвиги; близкие к нему узнали только, что он в пустыне строго исполнял все дневные церковные службы, исключая литургии, прочитывал каждую седмицу весь Новый завет, любил пребывать в непрерываемом богомыслии, носил вериги с крестами и железный пояс, полагал по тысяче поклонов каждый день, спал сидя, стоя на коленях, или ничком к полу; при встречах с другими ограничивался

смирненным поклоном, будучи убежден, что «в молчании никто никогда не раскаивался». В свободное время он возделывал свой огородик, садил овощи, рубил дрова, благодушно переносил мороз и зной. Всякое воскресенье и праздник приходил он в обитель и приобщался Святых Таин. Почитая его строгую жизнь и духовную мудрость, братья двух обителей избрали было его в сан архимандрита, но он смиренно уклонился, любя уединение. Почувствовав затем сожаление о своем отказе и искушаемый от духа любоначалаия, он наложил на себя изумительный подвиг: выстоял тысячу ночей на одном камне и тысячу дней на другом, восклицая: «Боже, милостив буди мне грешному!» Среди искушений от невидимого врага, он подвергся еще нападению от разбойников: они били его в уста и голову, связали по рукам и ногам, перерыли все, что было в его келии и, ничего не нашедши, оставили изувеченным. Братья перенесли его в обитель, и он только милостью Царицы Небесной оправился в силах. Разбойников скоро схватили, но он выпросил им прощение и снова возвратился в пустынную келию. Через шесть лет немощи заставили его перейти в обитель, но по любви к безмолвию он заключился в затвор. Неизменно причащаясь Святых Таин во все воскресные и праздничные дни, в строгом безмолвии провел он пять лет. Наконец, убежденный просьбами близких, он стал принимать к себе посетителей, все-таки не покидая своего затвора. И со всех сторон народ устремился к нему рекой; слово его имело такую благодатную силу и сладость, что за советами к нему приходили в иные дни до 5000 душ и более. Он подавал — кому наставление, кому — утешение, некоторых исповедовал, каждому советовал — во все четыре церковные поста очищать свою совесть и соединяться с Господом; раздавал кусочки антидора, святую воду, сухарики; целовал, говоря: Христос воскрес, кланялся до земли; благословляя, сам целовал у многих непосвященных руки и наполнял всех святой радостью и крепким желанием исправить свою жизнь. Бегая славы человеческой, он во второй раз удалился в пустыню ближайшую (в двух верстах от обители). Изнеможенный великими подвигами, постоянно страдающий ногами, он однако ходил из пустыни в церковь для приобщения Святых Таин и всегда казался бодрым и веселым. Когда он выходил из церкви, многие тысячи народа стояли сплошной стеной по обе стороны его пути, желая получить его благословение, поцеловать хоть край его одежды или только взглянуть на него, и он почти совсем не имел покоя ни в пустыне, ни в дороге, ни в обители. Бывали в числе посетителей и мужи государственные: он принимал их с должной честью и христианской любовью. Более всего умолял он их охранять Церковь православную: "На это, — говорил он, — поставил вас Государь, к этому обязывает вас Бог, этого ждет от вас русский народ". В своих беседах он постоянно старался примирять хромающих (расстроенных) супругов; часто, не спрашивая, говорил каждому нужное: иным указывал монастырскую жизнь, иным семейную и всех склонял к любви христианской. "Радость моя, — говорил он: — молю тебя, стяжи мирный дух, — а иногда к этому прибавлял: — и

тогда тысяча душ спасется около тебя". Обыкновенно он учил ходить в церковь, хранить святые посты, не впадать в уныние и отчаяние, во всех скорбях прибегать к Царице Небесной "всех радостей Радости и сладкому Утолению всякой печали", внушал всем — не бранить, не укорять людей даже за самый порок, а только раскрывать перед ними, какое зло заключается в пороке и к чему он ведет. Однажды пришли к нему четыре глаголемые старообрядца: он немедленно взял одного из них за правую руку, сложил его пальцы в трехперстное знамение и, крестя его же рукой, сказал: "Вот христианское сложение креста; так молитесь и прочим скажите... Прошу и молю вас: ходите в церковь Православную". А посетителей лицемерных или просто любопытных и отступников от Церкви он прозорливо не допускал к себе. К нему посылали богомольцев старцы Киева и других мест, говоря: "Пойдите к отцу Серафиму и послушайте его слова, как бы сказанного устами Самого Господа". И богомольцы шли и беспрекословно исполняли его советы и повеления. В 1820-х годах под его руководством образовалась при селе Дивееве женская община; он заботился не только о спасении душ сестер "сирот", но и о всех их нуждах житейских. Много было скорбей и гонений за это, но старец переносил их благодушно и "сиротам" постоянно повторял: "Терпите, терпите Господа ради, все болезни и скорби: у вас будет такая радость, что среди лета запоете Пасху. Вас не оставит и Царь, и вся Царская фамилия своей милостью". Это пророчество старца буквально сбылось уже после его смерти, когда был утверждён их монастырь. — Так подвизался старец 53 года в Саровской обители. Еще за много лет до кончины своей он просил сделать ему дубовый гроб, поставил его в сенях своей келии и часто молился подле него. За год до смерти он начал прощаться с людьми, близкими ему по духу; некоторым велел писать, чтобы приехали к нему проститься, а на многие письма других, не распечатывая, давал нужные ответы и прибавлял, что больше не увидится с ними. В 1832 году, в праздник Рождества Христова, пришел он в обитель причаститься Святых Таин, простился с игуменом и братьями и назначил место для своей могилы. А одному из ближайших к нему братьев трижды сказал: "Жизнь моя сокращается и я приближаюсь уже к последним минутам; по телу я совершенно мертв, но духом благодати Божией как бы сейчас родился". С особенной заботой он заповедовал не оставлять его "сирот" в Дивеевской общине. 1 января 1833 года, пришедши к ранней литургии в больничную церковь, он сказал тому же ближайшему: "Ну, возлюбленный, прости: я с тобой уже больше не увижусь... Я говорю тебе это по Бозе... Уже пришли минуты моего отшествия... Я молю за тебя Господа и Пречистую Божию Матерь, и буду за тебя молить... Не смотри на оскорбления и поношения, но стяжи дух мирен, Господа ради, прошу тебя. Ты через это себя не потеряешь; твое не уйдет". И трижды повторил: "Я молился за тебя, молюсь и буду молить Господа и Пречистую Божию Матерь". Тот рыдал у ног старца. Отслушав обедню и причастившись Святых Таин, он простился с братьями, всех перецеловал, благословил, и утешая, говорил: "Спасайтесь, не унывайте,

бодрствуйте. Нам венцы готовятся!" — Возвратясь в свою келию, он долго пел пасхальные и другие духовные песни. — На другой день после ранней литургии, его увидели в келии стоящим на коленях, с распятием на шее, с крестообразно сложенными руками на груди, пред образом Божией Матери Умиления... Глаза его были закрыты, лицо оживлено богомыслием. Подошли к нему ближе — и он вдруг пал на грудь пришедшего, еще совершенно теплый: дух его оставил свою тленную оболочку среди молитвы... — Скоро разнеслась весть о его кончине и вся окрестность сбежалась в пустыню. Скорбь о вечной разлуке с великим подвижником была всеобщая, особенно у "сирот" Дивеевских. Восемь суток лежало тело в Успенском соборе; на погребение стеклось много народа даже из соседних губерний, и все, сквозь слезы и рыдания, спешили облобызать старца и просить молитв его в вечности. Тело его предано земле по правую сторону соборного алтаря.

После кончины старца преосвященный Антоний, архиепископ Воронежский, говорил, что старец Серафим писал к нему, когда еще ничего не было слышно об угоднике Божиим Митрофане, и пророчески поздравлял с открытием святых мощей. Владыка говорил о старце Серафиме: "Мы, как копеечные свечки, а он, как пудовая свеча, всегда горит перед Господом как прошедшей своей жизнью на земле, так и настоящим дерзновением пред Святою Троицею". Другой подвижник, Георгий, затворник Задонский, рассказывал, что отец Серафим, никогда его не выдавший, издалека провидел его мысли оставить монастырь и прислал сказать ему: "Никуда не ходи; Пресвятая Богородица велит тебе оставаться". Георгий стоял, как вкопанный, дивясь чудесному откровению тайных его помышлений. Многие по молитвам святого старца получали и получают исцеление в болезнях своих. Слава Богу, прославляющему Его славящих!

603. Кому можно и кому грешно жить подаянием

Много бедноты на свете; много рук протягивается за подаянием; но кто имеет право просить милостыню и кому грешно жить подаянием? — Со спокойной совестью могут принимать милостыню все калеки и увечные, которые не в силах прокормить сами себя. Господу Богу угодно было возложить на них этот тяжкий крест; Ему же угодно, чтобы мы облегчали им этот крест своей братской любовью. И тяжкий грех будет лежать на нас, если мы отвернемся от них с презрением или бессердечием. Имеют право на милостыню и бесприютные, беззащитные сироты, которые еще не могут добыть себе трудом кусок насущного хлеба. Войти в их горькое положение, подать им руку помощи — это прямая наша христианская обязанность, наш долг. Могут просить помощи и те, которые вдруг по каким-нибудь несчастным обстоятельствам, например — от пожара, неурожая и подобное, приходят в крайнюю нужду и временно просят у нас поддержки. Помочь им в несчастье необходимо не только по-христиански, но и просто по-

человечески. Всех нужд людских не перечтешь: велики они и разнообразны. Так же велики и разнообразны должны быть и дела христианского милосердия. Различен милостивый образ, говорит святой Иоанн Златоуст, и Ширака заповедь сия. Есть бедняки, которые боятся или стыдятся просить и бьются до последних сил; а мы знаем, что они терпят страшную нужду, что эта нужда и горе давит их на каждом шагу. Счастлив тот христианин, который войдет в их безотрадное положение и постарается облегчить его... Но ты не можешь помочь всем нуждающимся? Помоги немногим, помоги хотя бы одному. Ты не можешь помочь деньгами? Помоги ходатайством перед другими, помоги добрым советом. И того не можешь? Помоги словом утешения, участием сердечным, помоги вздохом от души, помоги, наконец, молитвой перед Всемогущим Господом. Все примет Он, что принесешь с любовью, и твой порыв любви благословит силой mnogой, и твое малое примет за великое. Даже чаша холодной воды, поданная утомленному и жаждущему во имя Его, не останется у Него без воздаяния. Послушай, вот как многократно, настоятельно и убедительно внушает тебе заповедь милосердия слово Божие: «Сын мой, не отказывай в пропитании нищему, не печаль души алчущей, не смущай сердца огорченного, не откладывай помощь нуждающимся, не отвращай лица твоего от нищаго» (Сир. 4; 1-5). «Блажен, кто помышляет о бедном и нищем; в день бедствия избавит его Господь» (Пс. 40; 1). «Дающий нищему не обедняет» (Притч. 28; 27). «Суд без милости неоказавшему милости» (Иак. 2; 13). Наконец Сам Спаситель говорит: «блажени милостивии, яко тии помиловани будут» (Мф. 5; 7). Он и словом и примером Своим учил людей милосердию, Он и в настоящей жизни не оставляет нищелюбцев Своей милостью; а когда придет судить живых и мертвых, то всякое добро, оказанное нами бедным и несчастным, Он примет так, как будто Ему Самому мы это сделали. О, приобретайте, братья, своим добром тленным — нетленное, временным — вечное, земным — небесное! Много, очень много на свете бедных и нищих; куда ни поди — везде их встретишь. Не тот только нищий, кто носит суму и просит именем Христовым подаяния; мало того: не каждый, кто ходит с сумой, есть действительно нищий... Увы, к величайшему прискорбию, есть и нищие самозванцы!.. Казалось бы: крайне незавидна доля нищего, и несмотря на это есть люди, которые любят притворяться нищими. Под окнами нашими то и дело слышно: "Подайте милостыню ради Христа!" А из церкви, в праздничный день пройти от них трудно. Но все ли они — те несчастные, которым Господь судил питаться куском хлеба, поданным ради Его святого имени? Нет, братья, действительно нищих между ними очень-очень немного... Одни из них считают нищенство за ремесло; другие избегают праведного труда — ведь легче кормиться именем Христовым, чем трудиться; а большая часть таких нищих — просто ленивые люди... Сказал бы я таким неразумным слово Премудрого: «сын мой, не живи жизнью нищенской; лучше умереть, нежели (без крайней нужды) просить милостыню» (Сир. 40; 29). И святой Апостол Павел говорит: «аще кто не

хочет делати, ниже да яст. Слышим бо некия безчинно ходящия у вас, ничтоже делающия, но лукавно обходящия. Таковым запрещаем и молим о Господе нашем Иисусе Христе, да со безмолвием делающе, свой хлеб ядят» (1 Сол. 3; 10 и др.). Послушайте вот, какое видение видел один святой затворник о приемлющих милостыню. Раз пришел в пустынную обитель, где он жил, один христороубец и оделил всех иноков по серебряной монете, а затворнику принес золотую и усердно просил его принять от него этот дар. Старец, питавшийся одним сухарем и чашкой воды в день, никогда не выдавший ни серебра, ни золота, на этот раз не хотел огорчить отказом доброго человека и взял от него золотую монету. И вот, в ту же ночь, в сонном видении представилось ему, что он вместе с братией стоит на широком поле, которое заросло густым и колючим тернием, а какой-то грозный юноша понуждает старцев, чтобы жали они это терние. Подходит он к затворнику и говорит: "Жни терны!" Когда же тот стал было отказываться, то юноша строго воскликнул: "Ты не смеешь отказываться, потому что вчера вместе с братьями ты нанялся и притом получил златницу, тогда как прочие получили только по серебряннику. Ты больше других получил, больше и трудиться должен. Эти густые и колючие терны суть дела того, кто вчера подал тебе милостыню. Иди же жни их!" Проснулся затворник и с ужасом понял, что за принятую милостыню он как бы взял на себя чужие прегрешения и должен молиться о своих благодетелях. Итак видите, братья, что с каждой копейкой, с каждым куском хлеба, какой принимаете вы во имя Христово, вы берете на себя великую ответственность перед Богом. Бог строго взыщет с вас за то, что так дерзко промышляете Его святым именем. Вы сами привыкли так легко и дешево кормиться, тому же учите и детей своих. И сколько их бродит — этих несчастных детей! Как рано они приучаются ко лжи и попрошайству! Как ожесточается их детское сердце при отказе! Жаль этих малюток бедных. Если бы вы, их родители, знали, какую злую долю, какую горькую участь готовите вы своим детям!.. Из ребенка, который с малых лет привыкнет кормиться даровым чужим куском, едва ли выйдет честный трудолюбивый хозяин, а скорее какой-нибудь бездомник или вор. И это очень понятно: когда из ребенка-попрошайки вырастет здоровый парень, ему и самому как-то совестно станет просить милостыню, да и плохо будут подавать такому детине: вот он и пустится в какие-нибудь позорные дела, лишь бы только избежать тяжелого труда... Так сказал бы я нашим нищим по ремеслу, да плохо они слушают слово вразумления. Что же делать нам-то, братья, с такими нищими? Как поступать с ними? Будем при всяком случае советовать им братски — оставить эту пагубную привычку и, вместо христорадничества обратиться к честному труду. Если у кого из вас в семействе есть охотники побираться, немедленно и строго запретите им это: они не только бесчестят себя и вас перед добрыми людьми, но и сами тяжко грешат перед Богом. Будет ли честь сыну, когда мать его ходит под чужими окнами? Не подумает ли каждый, что сын такой матери — или бездельник, или пьяница, или еще что-нибудь вроде этого,

когда не может или не хочет прокормить свою мать? А суд Божий много-много страшнее суда людского... Потом, когда вы намерены подать милостыню, то старайтесь подать ее действительно человеку убогому, и подать столько и так, чтобы она могла быть полезной и ему и вам. Ведь если бы вы, например, то же самое подаяние, которое роздали по копейкам на десятерых, отдали сразу одному или двоим нищим, они сыты были весь день и с благодарностью вспомнили бы о вас в молитве своей пред Богом. Знаю, вы, пожалуй, на это скажете: "Что ж дам я немного, другой столько же, потом третий, четвертый, — и нищий будет сыт". Хорошо, а что если кроме вас никто ему не подаст? Ведь это бывает гораздо чаще, почти сплошь и рядом, и ваша милостыня одинокая пойдет без пользы. Кроме того: если бы вы подавали с разбором и осторожностью, то у нас не было бы столько ленивых попрошаек. Старайтесь же подавать милостыню с рассуждением, с осмотрительностью, тогда она будет делом действительно полезным и добрым. Раздавая по копейке или по две, вы в год легко раздадите несколько десятков рублей; а не лучше ли было бы отдать разом эти деньги какому-нибудь осиротевшему бедному семейству, или погоревшим труженикам, или отправить голодающим — туда, где Бог посетил неурожаем хлеба? Если же это вам самим сделать неудобно, то обратитесь к своему священнику: истинно бедные в приходе ему хорошо известны — более чем кому другому; он и укажет вам безошибочно: кому и как надо помочь. Да будет ваша жертва во славу Христа Спасителя и на пользу Его меньшим братьям! Аминь.

(Из журнала "Кормчий" 1891 г.)

604. Непостижимы судьбы Твои, Господи!

Как велики дела твои, Господи! Весьма глубоки помышления Твои: человек несмысленный не знает, и невежда не разумеет сего" (Пс. 91; 6, 7). Поистине Ты Бог сокровенный, умом творения непостижимый! — Святой Антоний Великий, размышляя о сокровенных и неведомых тайнах Божиих и удивляясь им, однажды воззвал смиренно к Богу: "О Господи Боже мой! Тебе бывает иногда благо угодно даровать долголетнюю жизнь людям по видимому бесполезным и погруженным в бездну беззаконий, а иногда преждевременно лишашь Ты жизни сей людей весьма полезных для блага общего; одни, мало прегрешившие, казнятся Тобой тяжко; другие, напротив, живут себе без всяких скорбей, счастливо, и через это получают дерзость совершать преступления". При таком размышлении Антоний слышит голос: "Будь внимателен к себе самому: то, о чем ты размышляешь, есть суд Божий, и ты его не исследуй и не испытай".

Святой Афанасий, архиепископ Александрийский, описывает в деяниях сего Антония Великого такое происшествие: два монаха шли посетить святого Антония. Проходя по безводной и жаркой пустыне, они совсем

изнемогли от жажды: один из них уже умер, а другой находился при смерти. Святой Антоний, будучи в своем монастыре за много верст, призывает поспешно двух своих монахов и говорит им: "Как можно скорее бегите туда-то в пустыню, захватите с собой сосуд воды: один из двух братьев, которые шли к нам, уже умер от жажды, а другой еще дышит, но тяжело страдает и очень ослабел; если замедлите, то и другого не застанете в живых; так открыл мне Бог, когда я стоял на молитве". Иноки немедленно пустились в путь; они нашли странников, умершего похоронили, а другого освежили водой, подкрепили пищей и привели к святому Антонию. При сем рассказе Афанасий замечает, что может быть кто-нибудь спросит: а почему святой Антоний не послал своих монахов раньше для спасения странников, пока еще не умер один из них? Такой вопрос поистине неприличен для Христианина, потому что это не было делом святого Антония, но это был суд Божий: Сам Бог изрек Свой праведный приговор и над умирающим, и над тем, кто остался жив; Бог же открыл Свою волю и Антонию о спасении странника.

В 1117 году во всей Италии было землетрясение, несколько жителей города Медиолана находились в одном доме; вдруг слышится со двора голос, зовущий по имени одного из бывших в том доме, чтобы он вышел. Тот, кого вызвали, недоумевал: кто и зачем зовет его, а потому и не спешил выходить. Тогда какой-то незнакомец подходит к двери и просит, чтобы позванный поскорее вышел; и едва тот отошел на несколько шагов от дома, как дом падает и убивает своими развалинами всех, бывших внутри его. Спрашивается: почему один только из бывших в доме спасен, а все прочие погибли? Суды Господни — великая бездна! Кто не видит ясно в этом происшествии совершившихся древних чудес? Так вывел Ангел Господень и Лота с его детьми из Содома, а всех прочих жителей оставил на жертву огня. Таким же чудесным образом сохранены невредимыми и многие другие люди, которые находились вместе с теми, которые погибли при общем бедствии. Что сказать о всем этом, кроме справедливого изречения: суды Твои, Господи, бездна великая и неизмеримая! Кто дерзнет сказать Богу: зачем Ты, Господи, так делаешь? «Не суть бо советы Мои, как советы ваши, глаголет Господь: ни пути Мои, как пути ваши. Как далеко небо от земли, так далек путь Мой от путей ваших и помышления Мои от помышлений (или решений) ваших» (Ис. 55; 8, 9).

Святой Григорий сказал: исследовать сокровенные причины судеб Божиих значит противопоставлять нашу греховную гордость Его определениям. Наше дело — при всяком необыкновенном событии повторять слова Апостола Павла: «о бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» (Рим. 11; 33). В земной нашей жизни мы многого никогда не постигнем разумом. Довольно для нас знать и несомненно верить, что Бог справедлив и в последний день судный не найдется никого из подсудимых, который бы сказал что-либо иное Господу, кроме слов: «праведен Ты, Господи, и правы

суды Твои!» (Пс. 118; 137). Однажды Царь Давид, видя счастливых нечестивцев мира, которые и других увлекали к нечестию своим худым примером, желал уразуметь пути Божии о них; долго он размышлял о сем и наконец смиренно сознался: «трудно для меня уразуметь это, пока не войду во святилище Божие» (Пс. 72; 16, 17). Должно до будущей лучшей жизни и нам отложить полное уразумение непостижимых в нынешней жизни судеб Премудрости Божией. Да и зачем тебе, беспокойный и чрезмерно любопытный ум человеческий, разыскивать все это? Касаясь огня Божественных судеб, ты растаешь; ты только будешь кружиться около сего огня подобно тому, как ночные бабочки и комары кружатся ночью около свечи, пока сожгутся. Премудрый сын Сирахов говорит: «дивны дела Господни, величественны они, и сокровенны тайны Его пред человеком» (Сир. 11; 4). Предвечный всепремудрейший Бог все расположил мерой, числом и весом; «силе и воле Его кто противиться может?» (Прем. 11; 21). Зачем же мы, ничтожные, кичимся своей гордостью и дерзновенно силимся взвесить тяжесть огня, измерить скорость движения ветра или возвратить прошедший день? Довольно для нас веровать, что причиной всех причин есть воля Божия. Бог попустил, Бог восхотел, Бог сотворил все. Чего же ты еще доискиваешься?

(Из книги "Илиотропион" святителя Иоанна Максимовича)

Почему добрые люди иногда умирают мучительной смертью, а злые — спокойно

Был пустынный, старец жизни святой. Послушник его в одно время отлучился в город, который был недалеко от их пустыни. В городе хоронили тогда градоначальника, человека злого, порочного. Погребение однако было пышное: гроб был великолепный, покойника провожало все городское духовенство, народу было тьма, всякого звания и состояния. Послушник, посмотрев на погребение и исправив свои нужды, возвратился в свою пустыню, но что же он увидел? Святого его старца растерзал лютой зверь... "Увы! Господи, где же правда? — возопил ученик. — Злой градоначальник умер так славно, погребен так пышно, а мой святой старец..." Когда оплакал так, взывая к Богу, перед ним предстал Ангел и сказал: "Что ты плачешь о лютой кончине своего учителя и завидуешь славной смерти градоначальника? Тот градоначальник, живя во грехах, однажды сделал дело доброе, и в награду за то славно погребен на земле; но за злые свои дела он понесет наказание: муки вечные ожидают его в будущей жизни. Твой же учитель — старец всю жизнь делал угодное Богу; но как человек раз учинил некоторый малый грех, и за этот-то грех умер такой лютой кончиной. Зато теперь он будет чист от своего греха, и потому несомненно будет в раю".

Так вот почему иногда добрые и честные люди умирают злой и мучительной смертью, а злые и порочные умирают славной и по-видимому

спокойной кончиной. Так разрешает это недоумение святой Афанасий Александрийский; он говорит в одном месте: "Благочестивые, умирающие горькой смертью, имели какой-нибудь малый грех, от которого такой бедственной смертью разрешились, чтобы удостоиться больших почестей". И потому, братья, когда видите или слышите о лютой смерти праведного и славной кончине порочного, то не смущайтесь, а научитесь из этого тому, как всегда правдивы неисповедимые суды Божии. У Бога никакое доброе дело не остается без награды, никакое худое дело не оставляется без наказания. В Боге нет лицемерия: доброе и в порочном Бог награждает, а зло и в праведнике наказывает.

Итак, не слишком радуйся, когда тебе в жизни все удастся, когда во всем ты успеваешь: быть может это Бог воздает тебе за твои труды в сей жизни, а для будущей ничего не оставит; все здесь получишь, а там не будет тебе ничего. И особенно бойся доверять своему во всем счастью, когда ты за свое счастье Бога не благодаришь и ближних не делаешь счастливыми. С увеличением твоего счастья непременно надобно тебе умножать благодарения к Богу и прибавлять заботы о счастье других. Бедственно для того счастье, кто не делает счастливыми других. А как нелегко, как трудно при счастье своем помнить о несчастье других! И потому-то еще скажу: не слишком радуйся своему счастью. Но не предавайся излишней скорби и при несчастье. Всякое несчастье, малое и великое, посылается нам от Бога в наказание за наши грехи, малые и великие. А если Бог наказывает нас чем-нибудь здесь, то это явный знак, что Он хочет нас там помиловать. Тут потерпим временно за грехи, зато будем там покойны, вечно покойны! Аминь.

(Из поучения протоиерея Р. Путятина)

605. Слово о голоде

«Лев возревет и кто не убоится? Господь Бог глагола и кто не проречет?» (Амос. 3; 8). Во времена древние, когда народ еврейский оставил отеческое благочестие и впал в идолослужение, богодухновенный Пророк Амос был проповедником покаяния, увещевая к обращению и угрожая наказаниями. О, как бы я желал хотя бы несколько употребить той ревности, какую видим в сей древней истории! Только не дай Бог видеть окончания, подобного бывшему тогда! Ибо тот непокорный народ, подобно упрямому и необузданному коню, грызущему удила, не был обращен к полезному и потерпел за свое непокорство достойную гибель. Да не будет сего ныне с нами, дети мои, которых родил я благовествованием, которых повил благословением рук! Напротив, да будет слух ваш благосклонен и душа ваша благопокорна, да приемлет с нежностью мои увещания! Видим, братья, что небо запечатлено, чисто и безоблачно; земля, до крайней степени иссохшая, тверда для возделывания и бесплодна, расселась трещинами; обильные

источники у нас оскудели, потоки больших рек иссякли и мы терпим недостаток в самом необходимом для жизни. Убоимся, братья, чтобы голод не сделал нас новой притчей для поздних родов.

Видал я засеянные поля и много плакал об их бесплодии, пролил слезы, потому что не излился на нас дождь. Иные семена засохли до всхода: такими же остались в глыбах земли, какими зарыл их плуг; другие взошли несколько и, дав зелень, жалким образом завяли от зноя, так что ныне можно превратить евангельское изречение и сказать: делателей много, а жатвы нет и малой! Земледельцы, сидя на нивах и сложив руки на коленях (так обыкновенно сидят сетующие), оплакивают напрасно потерянные труды свои; посмотрят на малолетних детей и начнут рыдать; устремят взор на жен и зальются слезами; потрогают и пощупают сухие листья взошедших стеблей, и громко зарыдают, как отцы, потерявшие сыновей, достигших цветущего возраста. Познаем же, братья, что за уклонение наше от Бога и за нерадение насылает на нас Бог эти удары, не с намерением сокрушить, но с желанием исправить, как и добрые отцы исправляют нерадивых детей!

Смотрите, как множеством грехов наших и зной и стужа, немилосердно согласившись вредить нам, лишают людей пропитания и жизни. Какая причина сего беспорядка и замешательства? Ясны и очевидны сего причины. Сами берем, а другим не даем; хвалим благотворительность, и отказываем в ней нуждающимся; будучи голодны, насыщаемся, а того, кто скуден, проходим мимо; имея у себя нескудного подателя — Бога, стали мы скупы к бедным. За это-то угрожает нам праведный суд! За это-то и Бог не отвергает руки Своей — потому что мы заградили братолюбие! За это-то и нивы сухи, потому что охладела любовь! Голос молящихся раздается напрасно и рассеивается в воздухе, потому что и мы не слушали умоляющих!

Да и какая у нас молитва? Какое прошение? Вы, мужи, за исключением немногих, проводите время в куплях; а вы, жены, прислуживаете им в трудах для мамоны. Немногие уже остаются здесь со мной и на молитве, и у тех отяжелела голова; они зевают, непрестанно оборачиваются и наблюдают, скоро ли псалмопевец окончит стихословие, и скоро ли они освободятся из церкви, как из училища, и от молитвы, как из неволи. А сколько народа беспечно, свободно и весело ходит по городу, тогда как эти-то люди и носят в душах своих причину зол... Выступи на середину ты, оскверненный грехами, припадай, плачь и стони! Таково должно быть покаяние одержимых грехами! А мы грешим со всем усилием, а за покаяние принимаемся нерадиво и лениво. Кто у нас, молясь, проливает слезы, чтобы благовременно получить дождь и орошение? Кто, чтобы загладить грехи, в подражание блаженному Давиду, омочил ложе слезами? Кто омыл ноги странным и отер путешественную пыль, чтобы умилостивить Бога, испросить окончания засухи? Кто напитал лишившееся отца детище, чтобы и Бог напитал теперь для нас плоды, подобно сироте побитые неблагоприятием ветров? Кто призрел вдову, стесненную трудностью пропитания, чтобы теперь в награду себе получить необходимую пищу?

Раздери несправедливое писание, чтоб через это разрешен был твой грех: у тебя медь и золото все нерождающее родит вопреки природе, зато теперь земля, по природе способная к рождению, в наказание живущих на ней осуждена на бесплодие. Вскоре желтое золота сделаются те, которые копят его, если не будет у них хлеба. Представь, что хлеба не стало в житницах: какая тогда польза в мешках с деньгами?.. За тебя осудил Бог и всех на это бедствие, потому что ты, имея, не подавал, потому что ты проходил мимо алчущих, потому что ты не обращал внимания на плачущих, потому что ты не оказывал милости тем, кто кланялся тебе. И за злодеяния одного иногда приходит бедствие на многих. Поэтому и наедине, и всенародно все мы скажем словами мужественного Иова: «рука Господня коснувшаяся ми есть» (Иов. 19; 21); и несчастье свое припишем своим грехам!

Каждый сам так рассуждай: "Бог небесилен даровать пищу. Возможно ли это? Он Господь неба и всего мира; Он — мудрый Правитель вселенной. Он всемогущ. А если всемогущ, то ужели оскудела у Него благодать?" Рассуждая так, найдешь, что благодать Божия и донныне не оскудевает. Иначе, скажи мне: что препятствовало бы не только быть этой засухе, но и в одно мгновение сгореть всей вселенной? Что воспрепятствовало бы дождить огню с неба, по примеру бывших уже наказаний грешникам? Войти в себя, человек, и соберись с мыслями! Не поступай, как несмысленные дети, которые, быв наказаны учителем, рвут его книги или царапают ногтями лицо матери! Кормчего испытывает буря, военачальника — битва, христианина — искушение. И скорби избличают душу, как огонь золото. Беден ли ты? Не унывай, а имей надежду на Бога. Не может быть, чтобы Он не видел твоего стеснительного положения.

В его руках есть для тебя пища, но медлит дать тебе, чтобы испытать твое расположение: не походит ли оно на расположение людей неблагодарных, которые, пока пища у них в устах, ласкательствуют, а если трапеза отложена ненадолго, то мечут хулами в тех, которым недавно кланялись наравне с Богом. — Пересмотри Ветхий и Новый Завет: в том и другом найдешь, что многие различным образом были питаемы. Или служил жилищем Кармил, гора необитаемая; но он не умер с голода: напротив, самые хищные птицы приносили ему пищу, и служителями при столе праведника стали те, которые обычно сами похищают чужую пищу. И Вавилонский ров вмещал в себе юношу Даниила, но львы, вопреки своей природе соблюдали пост, а питатель сего юноши Аввакум летел по воздуху, потому что Ангел нес человека вместе с яствами, чтобы праведник не потерпел от голода. А этот народ в пустыне, которым управлял Моисей! Чем он питался в продолжение сорока лет? Без возделывания земли имел он пищу и камень давал источники воды... Покажи и ты несколько терпения в несчастии, как мужественный Иов, не поддавайся волнению и не бросай в море, если везешь с собой какой-либо груз добродетели. Помни Апостольское изречение: «о всем благодарите» (1 Сол. 5; 18).

Беден ты? Но без сомнения есть другой беднее тебя. У тебя хлеба на десять дней, а у него на один. Как человек добрый, уступи свой излишек неимущему. Если у тебя остается один хлеб, но стоит у дверей просящий, то принеси из кладовой и этот хлеб и, положив на руки, воздешь к небу, скажи такое жалобное и вместе благопризвательное слово: "Один у меня хлеб, который видишь Ты, Господи; но заповедь Твою предпочитаю себе и из малого даю алчущему брату. Подай и Ты бедствующему рабу! Знаю Твою благодать, возлагаю упование на Твое могущество: Ты не отлагаешь до времени Своих милостей, но расточаешь дары, когда Тебе угодно!" Если так скажешь и сделаешь, то хлеб, поданный тобой, будет семенем и принесет сторичный плод. Скажи и ты словами Сидонской вдовицы: "Жив Господь! Этот один хлеб имею у себя в доме на пропитание себе и детям". Если и ты дашь из остатка, то и у тебя будет чванец елея, источающий благодать, и неоскудевающий водонос муки, потому что милость Божия к верным уподобляется кладезям, из которых всегда черпают, и которых никогда не исчерпают. Скудный дай заем богатому Богу. Поверь Тому, Кто вместо утесненного Сам всегда берет на собственное Свое лицо и из Своего воздает благодарность. Поручитель достоверен; у Него везде рассыпаны сокровища, и на земле и на море. И если во время плаванья потребуешь свой долг, то среди моря получишь все сполна и с прибылью, потому что Он щедр на прибавки.

Каких же достоин наказаний, кто проходит мимо человека, изможденного голодом? Что еще можно прибавить к такой жестокости? Не стоит ли он того, чтобы причислить его к лютым зверям, признать злодеем и человекоубийцей? Кто имеет возможность помочь, но добровольно и по любостязательности откладывает это, того по справедливости можно осудить наравне с убийцами. Смотри, и Сам Бог наш нередко другие страдания оставлял без уврачевания, но сострадательно милосердствовал об алчущих, ибо говорил: «милосердную о народе сем» (Мф. 15; 32). Посему и на последнем суде, где Господь призывает к Себе праведных, первое место занимает щедрый. Питатель других призывается прежде всех, а скупой прежде других грешников предается огню (Мф 25; 34-12) — Много имеешь примеров братолюбия и в Ветхом, и в Новом Завете. Если видишь алчущего старца, призови и напитай, как Иосиф Иакова. Если находишь врага в крайности, то не мсти ему, но напитай его, как Иосиф продавших его братьев. Если встретишь человека юного, подавленного трудами, прослезись, как Иосиф над Вениамином, сыном старости. Может быть и тебя искушает любостязательность, как Иосифа госпожа, и тебя влечет за одежду, чтобы пренебрег ты заповедью и возлюбил более эту златолюбицу и миролюбицу, нежели Господне повеление? Свергни с себя одежды, удались с гневом, блюди верность к Господу, снабжай скудость хотя на один год, как Иосиф снабжал семь лет.

Не всем жертвуй сластолюбю: дай нечто и душе. Иначе, вместо долгой вечной блаженной жизни, ты сам себе заслужишь неугасимый огонь, геенну,

казни и горькие веки мучений. Не думай, что пугаю тебя ложными страшилищами, подобно какой-нибудь матери или кормилице, как они имеют обычай поступать с малолетними детьми, и вымышленными рассказами заставляют умолкнуть, когда те неутешно и долго плачут. Это не басня, а учение, проповеданное нёложным гласом. Знай, что по Евангельскому проречению «иота едина или едина черта не прейдет» (Мф. 5; 18). Каждому же по достоинству воздано будет Праведным Судьей. Ему подобает слава, держава и поклонение во веки веков. Аминь.

(Святого отца нашего Василия Великого)

606. Самая легкая заповедь

Жалуются люди грешные, что труден путь ко спасению, что не по силам для них заповеди Господни... Но вот милосердный Господь наш Иисус Христос дает самую легкую заповедь: «блажени, глаголет Он, милостивии», и тут же за исполнение этой заповеди обещает блаженство: «яко тии помилованы будут» (Мф. 5; 7), — будут помилованы на Страшном Суде Его, когда Он, праведный и милостивый Судья живых и мертвых, будет судить всех людей только по этой одной заповеди — о милосердии. И в самом деле: что может быть легче дел милосердия? Есть добродетели особенные и дела великие, для которых нужны особенные дарования и силы благодатные, нужны особенные случаи. Есть особенно трудные служения в Церкви Божией, к которым не всякий способен и призван. Но нет человека, который не мог бы быть милостивым к ближним своим, если только сам не ожесточил сердца своего; нет времени, когда не было бы множества случаев к милосердию; а следовательно, нет человека, который не мог бы получить Царства Небесного, обещанного всем милостивым.

Каких же дел милосердия требует от нас Господь наш? Слушайте: взалкахся, глаголет Он, «и дасте Ми ясти; возжадахся и напоите Мя; странен бех и введосте Мене; наг и одеясте Мя; болен и посетисте Мене; в темнице бех и приидосте ко Мне» (Мф. 25; 35, 36). И как сильно убеждает Он к исполнению перечисленных дел милосердия! Он, Создатель и Спаситель наш, все благодеяния, какие окажем мы ближним нашим, благоволит принимать так, как бы мы Ему лично благодетельствовали: «понеже, говорит Он, сотвористе единому сих братии Моих меньших, Мне сотвористе!» Чье сердце будет так жестоко и окамененно, чтобы, памятуя эти слова Спасителя, могло отказать в милости собрату своему нуждающемуся, когда в лице сего брата благоволит принимать наш малый дар Сам Господь наш? Тот, Кто дает и дал тебе плоть Свою ясти, просит у тебя куска хлеба: ужели ты в лице бедного не напитаешь Его алчущего? Тот, Кто испил за тебя чашу страданий и смерти, испил до дна, Кто дает тебе кровь Свою пити, просит у тебя чаши студеной воды: ужели ты в лице нищего не напоишь Его жаждущего? Тот, Кто крестом купил и даровал тебе в наследие небо, не

имеет где главы подклонити: ужели ты в лице странных не введешь Его в дом свой и не отворишь дверей Тому, Кто отверз тебе райские двери? Тот, Кто одел тебя в светлую боготканную одежду правды и веселия, терпит холод, едва прикрываясь рубищем: ужели ты в лице беспомощных не оденешь Его нагого? Тот, Кто исцелил тебя от смертельных ран греховных, очистил ступа беззаконий твоих, лежит и страждет на одре болезни: ужели ты в лице больных не послужишь Ему в болезни? Тот, Кто избавил тебя от уз адовых и даровал тебе вечную свободу чад Божиих, сидит в темнице, обложенный оковами: ужели ты в лице узников не посетишь Его и не послужишь Ему? Ужели ты постыдишься мрачного жилища узников ради Того, Кто не постыдился сойти в ад для искупления грешников?

Но может быть, ты скажешь: все такие дела милосердия доступны только богатым, здоровым и свободным от дел житейских, а я сам беден, нищ, наг, болен и даже лишен свободы: как же я могу творить дела милосердия, за которые обещано блаженство? Не смущайся такими мыслями, возлюбленный! Бог не требует невозможного; не можешь сделать много — делай немного; не можешь благотворить телу ближнего — благотвори его душе. Душа человека, как и тело его, имеет свои нужды, и нужды ее настолько важнее телесных, насколько душа сама важнее тела.

Помогай же ближнему в этих нуждах, твори дела милосердия духовного. Видишь, что ближний твой уклонился от веры истинной, что живет он не по-христиански, обрати его от заблуждения пути его добрым словом увещания от любящего сердца (Иак. 5; 20). заметишь неведущего — научи его истине и добру, подай ближнему добрый и благовременный совет в затруднении, предостереги его в опасности, которой он не замечает, молись за него Богу, утешай его в печали, не воздавай ему злом за зло, какое он тебе сделал, от всего сердца прощай ему обиды... Ужели ни одного из этих дел милости не можешь сделать? Ужели не можешь помолиться за других? Не воздавать злом за зло, прощать обиды? Ужели не можешь желать добра близким, радоваться с радующимися, плакать с плачущими? Есть у Бога награда не только за дела и слова, но и за благожелание, за слезы участия в горе ближнего, даже за самые вздохи. И о сем-то блаженный Иов говорит: «аз о всяком немощном восплакахся, воздохнув же, видево мужа в бедах» (Иов. 30; 25). Если же есть награда за слезы и вздох, то подумай, каково будет воздаяние, когда к этим слезам присоединятся слова, усердие и самые дела? — «Блажени милостивии, яко тии помиловани будут», говорит Господь. Вот награда милостивым! Им обещается помилование за то, что они сами были милостивы к ближнему.

От кого милостивые получают эту награду? Они получают ее даже и от людей, а главным образом от Бога. Бог, по премудрости Своей, разделяет между людьми дары Своей благодати так, что никого не лишает даров Своих, но и никому не дает всех даров. Иной богат, но не умен; другой и умен, но немощен; иной крепок телом, но не пользуется почетным положением в обществе; а другой и славен, да беден. Словом, нет ни одного

человека, который бы имел все и не нуждался в помощи других. Един Бог вседозволен: «ни от рук человеческих угождения приемлет, требуя что, Сам дая всем и живот, и дыхание, и вся» (Деян. 17; 25). А всякий человек нуждается в помощи собратий своих — ближних. Но кто больше имеет права на такую помощь от ближних, как не тот, кто сам помогает ближним? Кому с большей охотой мы обыкновенно оказываем милость, как не тому, кто сам милостив к другим? Всегда ожидай от других того, что сам делаешь другим. «В нюже меру мерите, воз мерится и вам» (Лк. 6; 38), сказал Господь.

Правда, нередко бывает, что люди по своему недоброжелательству не хотят, или по бессилию своему даже не могут — оказать помощи человеку милостивому; что до того? Отчаиваться ему не следует. Милостивый человек имеет постоянно и неизменно верного защитника и помощника в Том, Кто сказал: «блажени милостивии, яко тии помиловани будут». Сам Господь защитит и помилует милостивого во время бедствий, которые неразлучны с настоящей временной жизнью; Он Сам восполнит его скудость от сокровищницы даров Своих: «блажен разумевай на нища и убога, говорит святой Пророк Давид, в день лют избавит его Господь, и оживит его, и да ублажит его на земли, и да не предаст его в руки врагов его» (Пс. 40; 2, 3). Так милует милостивых Господь еще в сей жизни, а полная награда ожидает их в будущей жизни. В день Страшного всемирного Суда Царь и Судья скажет им: «приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира. Взалкахся бо, и дасте Ми ясти; возжадахся, и напоисте Мя; странен бех, и введосте Мене; наг, и одеясте Мя; болен, и посетисте Мене; в темнице бех, и приидосте ко Мне... Аминь глаголю вам: понеже сотвористе единому сих братии Моих меньших, Мне сотвористе!.. И идут сии в живот вечный» (Мф. 25; 34, 35, 36, 40, 46). — «Но суд без милости несотворившим милости!» (Иак. 2; 13). Им скажет праведный Судья на последнем Суде: «идите от Мене, проклятии, во огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его! Взалкахся бо, и не дасте Ми ясти; возжадахся, и не напоисте Мене; странен бех, и не введосте Мене; наг, и не одеясте Мене; болен и в темнице, и не посетисте Мене... Аминь глаголю вам: понеже не сотвористе едному сих меньших, ни Мне сотвористе!... И идут сии в муку вечную» (Мф. 25; 41,42,43,45,46).

Воистину ужасный приговор!.. Он ужасен тем более, что уже никогда не будет отменен или смягчен ни для кого; он навсегда останется таким — он вечен!.. Братия! Праведный Судья объявил нам этот ужасный приговор заранее, чтобы мы знали: какая участь ждет немилостивых, чтобы не считали заповеди о милосердии неважной, чтобы не обольщали себя пустой надеждой, будто можно и без дел милосердия войти в Царство Небесное. Нет, возлюбленные: дела-то милосердия и взыщет Господь прежде всего и паче всего; по делам этим Он и судить нас будет! Будем же, братья, делать добро всякому человеку, хотя бы малое, какое можем и как можем; не будем пропускать случаев, которых всегда так много, по милости Божией! "Бедный, который просит у тебя милостыни, говорит блаженный Августин, — это —

дверь твоя, а ты сам — нищий пред Божиими вратами. Как ты поступишь со своим просителем, так и Бог поступит с тобой!.. Аминь.

607. Как провести день по-Божьи?

Сей листок содержит в себе наставление духовного отца своему духовному сыну, после таинства Исповеди. Оно взято из книги покойного Костромского архиепископа Платона: "Напоминание священнику при совершении им таинства Исповеди".

Принуждай себя вставать рано, и без особенной нужды поспи более семи часов. Как скоро проснешься, тотчас вознеси мысль свою к Богу и осени себя с благоговением крестным знамением, помышляя о распятом Господе Иисусе Христе, Который для нашего спасения умер на кресте. Немедленно встань с постели, оденься и не позволяй себе долго нежиться и оставаться неодетым. Одеваясь, помни, что ты находишься в присутствии Господа Бога и Ангела Хранителя, и вспоминай о падении Адама, который грехом лишил себя одежды невинности, и смиренно проси у Господа Иисуса благодати — облечься в Него и так мыслить, чувствовать, говорить и делать, как Он Сам и мыслил, и чувствовал, и говорил, и делал. Потом умойся и немедленно начни молитвы утренние: молись тихо, внимательно и благоговейно, с глубочайшим смирением, как должно перед взором Всемогущего; испрашивай у Него веры, надежды, любви и благословения к занятиям того дня: проси себе сил к благодушному принятию всего того, что Ему будет благоугодно в тот день послать или попустить, к перенесению всех тягостей, трудностей, бедствий, смущений, напастей, скорбей и болезней души и тела, с твердостью и спокойствием, и с любовью к Иисусу Христу. Твердо решишь все делать для Господа Бога, все принимать от отеческой руки Его, и приноси всего себя в живую жертву Богу. Размышляй так: может быть, этот день есть последний день моей жизни, — и все так делай, как бы готовясь теперь же предстать на суд Божий. Благодарю Господа Бога за сохранение тебя в прошедшую ночь и за то, что ты еще жив и не умер во грехах. Сколько людей в прошедшую ночь смерть представила пред страшное судище Господа! Также возблагодари Бога, что еще есть для тебя время и средства для покаяния! Каждое утро думай о себе, что только теперь начинаешь и хочешь быть Христианином, а прошедшее время напрасно погибло. Хотя бы четверть часа каждое утро посвящай на краткое размышление об истинах веры, особенно о непостижимом таинстве воплощения Сына Божия, о втором пришествии Его, страшном суде, муке и рае. После молитвы и размышления, если позволяет время, то прочитай дневное зачало из Апостола и Евангелия и почитай какую-нибудь книгу духовную, например: святого Димитрия "Алфавит Духовный" или святого Тихона Задонского "Сокровище Духовное", и читай до тех пор, пока сердце твое придет в умиление. — После сего займись делами твоими, и все занятия

и дела твои да будут во славу Божию. Помни, что Бог везде видит тебя, видит все твои действия, занятия, чувствования, помышления и желания твои, и щедро воздаст тебе за твои добрые дела. Не начинай ни одного дела не помолясь Господу Богу: то, что мы делаем или говорим без молитвы, после оказывается или по-грешительным или вредным. Сам Господь сказал: «без Мене не можете творити нечесоже».

Среди трудов твоих всегда будь весел и спокоен, успех оных поручай благословиению Господа, и будь доволен тем, что ты сделал свое дело. Исполняй все для тебя тяжкое — как епитимию за грехи твои, в духе послушания и смирения; во время трудов произноси краткие молитвы, особенно молитву Иисусову, и представляй себе Иисуса Христа, Который в поте лица Своего ел хлеб свой, трудясь с Иосифом. Если твои труды идут успешно, по желанию сердца твоего, то благодари Бога; если неуспешно, то помни, что и это Бог попускает, а Бог делает все хорошо. Если останется время перед обедом, то рассмотри, как ты исполнил то, на что решился поутру, или во время благочестивого чтения, или размышления. — Во время обеда представляй Отца Небесного, отверзающего руку Свою, чтобы напитать тебя; никогда не забывай помолиться перед обедом, и во время обеда представляй, что Иисус Христос обедает с тобой; удели от своего стола и нищим.

После стола считай себя как бы одним из тех, которых в числе пяти тысяч напитал чудесно Иисус Христос; и благодари Его от сердца, и моли, чтобы Он не лишил тебя небесной пищи — слова Своего и святых Тела и Крови Христовых. — Если желаешь жизни мирной, то предай всего себя Богу. До тех пор ты не найдешь душевного мира, пока не успокоишься в едином Боге, любя Его единого. Всегда и во всем поминай Господа Бога и святую любовь Его к нам грешным. Во всем старайся исполнять волю Божию и угождать только единому Богу. Не делай ничего противного заповедям Божиим; не домогайся, не ищи ничего кроме Бога, делай и терпи все для Бога. Не заботься о том, чтобы уважали и любили тебя люди, но о том, чтобы угодить Господу Богу, и чтобы совесть твоя не обличала тебя во грехах.

Если хочешь непрестанно помнить о Боге, то скорби и несчастья переноси, как справедливо тебя постигающие. Наблюдай тщательно над самим собой, над чувствами, помышлениями, движениями сердца и страстями; ничего не почитай маловажным, когда дело идет о твоём спасении вечном. Умножай молитвы твои, чтобы Господь помянул тебя тогда, когда ты забудешь о Нем. Во всем да будет твоим Учителем Господь Иисус Христос, на Которого взирая оком ума своего, спрашивай себя самого чаще: что в этом случае помыслил бы, сказал и сделал Иисус Христос? Приучись во всем, что ни видишь, представлять что-нибудь доброе. Будь кроток, тих, смирен, молчи и терпи по примеру Иисуса Христа. Он не возложит на тебя креста, которого ты не можешь понести; Он Сам поможет тебе нести твой крест. Не думай приобрести какую-либо добродетель без скорби и болезней души. Проси у Господа Бога благодати исполнять, как можно лучше, Его

святейшие заповеди. А когда исполнишь какую-либо заповедь Божию, то ожидай искушения, ибо любовь ко Христу испытывается через преодоление препятствий. И на малое время не оставайся в праздности. Во время тягости душевной или охлаждения к молитве и ко всем благочестивым занятиям не оставляй дела благочестия: Господь Иисус Христос трижды молился, когда душа Его была прискорбна даже до смерти. — Более слушай, нежели говори: во многоглаголании не спасешься от греха. Заграждай слух, чтобы не слушать противного Господу Богу. Не любопытствуй о новостях: они развлекают дух; с охотой рассуждай о добрых делах.

Убегай даже самых малых грехов: кто не удаляется от малых, тот непременно впадет в большие и тяжкие. Если хочешь, чтобы не тревожили тебя злые помыслы, то со смирением принимай уничижение души и скорбь телесную. Всякий помысел, удаляющий тебя от Господа, особенно скверный плотский помысел, изгоняй из сердца как можно скорее, как сбрасываешь с одежды и одну искру, попавшую на нее. Когда приходит такой помысел, то молись крепко: Господи помилуй! Господи помоги мне, Господи, не оставь меня, избавь от искушений! — или иначе как. Но среди искушений не смущайся. Уповай на Бога: если Бог за тебя, то кто против тебя? Проси у Бога, чтобы Он отнял у тебя все, что питает твое самолюбие, хотя бы это было для тебя очень горько. Желай жить для Него одного и умереть, и всецело принадлежать Ему. Когда претерпишь какое-либо бесчестие от людей, то разумей, что это послано от Бога. Если имеешь пищу и одежду, то сим будь доволен, по примеру Иисуса Христа, нас ради обнищавшего.

Никогда не спорь и слишком не защищай себя и не извиняй, ничего не говори против начальников или ближних без нужды или обязанности. Будь искренен и прост сердцем; с любовью принимай наставления, увещания и обличения от других, хотя бы ты был и очень мудр. Чего не хочешь себе, того не делай другим. В беседе с другими будь кроток, ласков, благоразумен; помышляй, что Иисус Христос находится среди тех, с кем ты беседуешь. Твердо помни, что время кратко, что человек должен дать отчет во всяком бесполезном слове. Если согрешишь, то немедленно проси прощения у Бога со смирением, сокрушением и упованием на Его благодать, и поспеши принести покаяние пред отцом духовным. Если не будешь сокрушаться о грехе, соделанном тобой, то опять в него скоро впадешь.

Старайся делать всякому добро, какое и когда только можешь, не думая о том, будет или не будет он тебе благодарен. И радуйся не тогда, когда сделаешь кому-либо добро, но когда без злопамятства перенесешь оскорбление от другого, особенно от того, кому ты же сделал добро. — Во время ужина вспоминай о последней вечере Иисуса Христа и моли Его, чтобы Он удостоил тебя вечери небесной. Прежде нежели ляжешь спать, испытай твою совесть, проси света к познанию грехов твоих, кайся в них, обещай Богу исправиться. Потом передай себя Богу, как будто тебе должно в сию ночь явиться перед Ним; поручай себя Божией Матери, Ангелу Хранителю, тому святому, имя которого ты носишь. Представляй постель как

бы гробом твоим, и одеяло как бы саваном. Сделав крестное знамение и облобызав крест, который на себе носишь, усни под защитой Господа Бога, иже «храняй не воздремлет, ниже уснет». Если же не можешь спать во время ночи, то вспоминай слово: «среди полунощи бысть вопль: се Жених грядет...» или вспоминай о той последней ночи, в которую Иисус Христос молился Отцу Своему до пота кровавого; молись за тех, кто в эту ночь тяжело страдает в смертном томлении, кто подвергается опасности от бури на море, за усопших, и моли Господа, чтобы не покрыла тебя вечная тьма. — Во время болезни прежде всего возложи упование твое на Бога и занимай себя частым размышлением о страданиях и смерти Иисуса Христа, чтобы более и более укреплялось твое сердце. Непрестанно твори, какие знаешь и можешь молитвы; проси у Господа Бога прощения во грехах и терпения во время болезни. Всячески воздерживайся от ропота и раздражительности, которые так обычны во время болезни. Если Господь Иисус Христос потерпел ради нашего спасения самые тяжкие страдания и болезни, а мы что сделали или потерпели ради нашего спасения? — Как можно чаще ходи в храм к Божественной службе, особенно старайся как можно чаще быть во время литургии. А воскресные и праздничные дни непременно посвящай делам благочестия. Всегда, когда бываешь в церкви, представляй, что ты находишься в присутствии Бога, Ангелов и святых Божиих. День рождения твоего особенно посвящай делам благочестия. Исповедуйся и причитай Святых Таин как можно чаще. К причащению Святых Таин всегда приступай с сокрушением сердца, с благоговением, смирением, верою, упованием и любовью. — Как можно чаще размышляй о страданиях и смерти Иисуса Христа и умоляй Его ризою заслуг Своих покрыть все грехи твои и принять тебя в царство Свое. Имя Иисуса всегда имей в устах и в сердце. Как можно чаще размышляй о великой любви Господа к тебе, чтобы и самому тебе возлюбить Его всем сердцем твоим, всей душой твоей и всеми силами твоими и таким образом будешь вести мирную жизнь на сей земле и блаженную на небе во веки веков. Благодать Господа нашего Иисуса Христа да будет с тобой. Аминь.

608. Споручница грешных

Споручница грешных — так называется одна из чудотворных икон Владычицы нашей Пресвятой Богородицы — "Споручница грешных!" Как отрадно отзывается в сердце грешников такое наименование! Все мы должники неоплатные перед Господом Богом; каждый день взываем мы к Отцу Небесному словами молитвы Господней: «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим»; но на деле мы так редко сами оставляем долги ближним нашим, и потому каждый день и каждый час прилагаем долги на долги, грехи на грехи! И умножаются беззакония наши паче числа песка морского, и растет-растет без конца долг наш неоплатный

перед правосудием Божиим!.. Нечего, братья, и думать о том, чтобы мы сами когда-нибудь могли уплатить этот долг: для уплаты его приходил на землю Сам Единородный Сын Божий; ценой пречистой крови Своей, на кресте излиянной, Он купил Себе у правосудия Божия право прощать грехи всем, кто право верует в Него и слушается Его Божественных повелений, исполняет Его святые заповеди. А мы, грешные, исполняем ли их? Думаем ли о них? В суете текут дни наши; растут и растут долги наши, а нам и подумать некогда, что вот-вот позовут к ответу, потребуют уплаты долга, и прогневанный Господь повелит Своим Ангелам предать нас, как одного жестокого заимодавца, о котором говорит Он в притче Своей, — предать мучителям на муки вечные!.. "О человеце! — увещевает каждого из нас святитель Тихон Задонский: — Сладок тебе грех, которым ты оскорбляешь бесконечное величество Божие и разжигаешь на себя Его праведный гнев! Сладок тебе грех, за который испил горькую чашу страданий и смерти Христос Сын Божий! Сладок тебе грех, за который будешь вкушать горечь вечной смерти, если не покаешься! Видишь, сколь горьки плоды греха, хотя он и кажется тебе сладким! Но полно уже тебе обременяться этим долгом: пора сбросить это бремя с плеч, чтобы не явиться с ним на страшный суд Христов. Горе человеку, который с сим тяжким долгом явится там! Нет сомнения, что он погрузит его на дно адово..." Так тяжек, возлюбленные, долг греховный! Так необходимо развязаться с ним! — Но что же нам делать? Как освободиться от этого тяжкого бремени? — Да что делает должник, когда заимодавец требует уплаты, а ему платить нечем? Он просит, плачет, умоляет: «потерпи на мне, и вся ти воздам!» Мы, грешные, можем только плакать, но не можем обещать уплаты наших долгов: может только просить и молить: остави, совсем остави, вовсе прости нам, Милосердный Отче Небесный, Господи наш: прости все наши беззакония, все наши неоплатные долги! Можем и должны обещать пред Господом, что больше не станем любить свои привычные грехи, бросим, возненавидим их, будем исполнять Божии заповеди спасительные... Увы! Не раз мы и обещали это, но, получив прощение в грехах, снова принимались за них, снова оскорбляли Божие милосердие... Верит ли заимодавец должнику, который все только обещает, а не думает платить долга? Нет, он требует от него поручителя. Есть и у нас, возлюбленные, благодатная "Споручница" во спасение: это преблагословенная Матерь Господа нашего Иисуса Христа. Прочтите на Ее святой иконе, именуемой "Споручница грешных", надпись: она говорит от лица Самой Заступницы нашей небесной:

"Аз Споручница грешных к Моему Сыну; Сей дал Мне за них руце слышати Мя выну, Да тии, иже радость выну Мне приносят, Радоватися вечно чрез Мене испросят".

Как много утешительного и вместе поучительного говорит нам эта надпись! Не отчаивайся, грешник, не считай себя погибшим, должник неоплатный: есть у тебя милосердная Заступница и Споручница твоего спасения — Сама Царица Небесная, Матерь Господа твоего; как бы ни были

велики грехи твои, не бойся: к Ней прибегни, Ее проси и умоляй: слышишь? Она Сама честной иконой Своей говорит тебе, что Ее Божественный Сын и Бог ни в чем Ей не откажет, что Он Сам, как любящий Сын, "дал Ей руце", поручился, что будет всегда внимать Ее Материнскому молению за грешных людей... Воистину, «не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, разве Тебе, Владычице наша, Мати Божья! Аще бо Ты не бы предстояла молящи за нас недостойных, кто бы нас избавил от толиких бед?..» Ты нас и впредь не оставь, Ты нам помоги, «на Тебе надеемся, и Тобою хвалимся: Твои бо есмы раби, да не постыдимся!»

Но честный должник должен заботиться, чтобы не постыдить, не обмануть своего доброго поручителя. К вам слово мое, все, подобные мне грешники! Мать Божия готова поручиться за нас перед Сыном и Богом Своим, Она берет нас, говоря по-человечески, на поруки: ужели мы употребим во зло такую Ее милость, ужели оскорбим Ее материнское сердце своими новыми грехами? Но тогда где же мы найдем себе нового споручника?.. Нет, возлюбленные, не того ждет Она от нас: Она готова испросить у Сына Своего вечную радость для нас, но и от нас ждет, что мы будем всегда радовать Ее своей доброй жизнью, добрыми делами, братской любовью и христианским смирением: "Да тии, иже радость выну Мне приносят, радоватися вечно чрез Мене испросят". — "Добра есть нам Мати Пресвятая Богородица, — говорит святитель Димитрий Ростовский: — подобает, чтобы и мы не были злыми детьми Ее. Мы знаем, какого человека Господь наш усыновил Своей преблагословенной Матери под крестом на Голгофе: «видев, сказано в Евангелии, Иисус Мать и ученика стояща, его же любляше, глагола Матери Своей: Жено, се сын Твой! Потом глагола ученику: се Мати твоя!» (Ин. 19; 26, 27). Он девственника усыновляет Деве, чистого — Пречистой, любимого ученика — возлюбленной своей Матери. Значит, тот недостойн называться сыном Ее, кто живет нечисто, кто не Христов ученик, кто не стоит под крестом, то есть кто не умерщвляет своих греховных страстей. Ее Божественный Сын Иисус Христос умер на кресте: сопротивляйся и ты греху, и будешь без крови мученик, а такого мученика — о как любит Мать Божия! Поистине Она имеет его за сына Себе!" — Кто не пожелает быть сыном Матери Божией? А если желаешь, то не оскорбляй Ее своими грехами, — напротив: радуй Ее своими делами, будь послушен святым заповедям Ее Божественного Сына, и Она возлюбит тебя и будет верной Споручницей твоего спасения. Аминь.

* * *

Святая икона "Споручницы Грешных" находится в Одрине монастыре близ г. Карачева Орловской губернии. Неизвестно, кем и когда она написана. Сначала она находилась в ветхой часовне за монастырской оградой. В 1843 г. Мать Божия благоволила открыть о Своей иконе некоторым жителям г. Карачева, и тогда стали притекать к ней во множестве за благодатной помощью. Старец Серапион, тогдашний настоятель обители, омыл святую икону, прочел на ней надпись и перенес из часовни в церковь. Скоро от

святой иконы потекли чудесные исцеления: один исцелился от сведения рук и ног, другой от припадков младенческой болезни; были случаи исцеления от слепоты, но особенно прославилась святая икона во время холеры: в Одрин монастырь отовсюду тянулись богомольцы, и у самой иконы теснились многие уже заболевшие холерой, и несмотря на многолюдное стечение народа, не только никто не заболел, но и все заболевшие исцелялись. Жители города Орла пожелали принять эту святыню к себе, и лишь только икона посетила этот город, как холера прекратилась. — В 1847 году о. Серапион послал в Москву на благословение полковнику Димитрию Николаевичу Бонческуло, известному странноприимцу, копию с чудотворной сей иконы, в благодарность за радушный прием сборщика-иеромонаха. В следующем же году открылась холера, и Матери Божией угодно было прославить сей список с чудотворной Ее иконы в Москве чудесами. В первый день Пасхи г. Бонческуло стал замечать, что находящаяся у него икона "Споручницы Грешных" делается блестящей, как бы стеклянной, а во время молитвы пред ней является какой-то отблеск. Через неделю после того стали появляться на ней благоуханные маслянистые капли, и все больные, пользовавшиеся ими, получали исцеление от болезней. Д.Н. Бонческуло пожертвовал сию икону в приходский Николо-Хамовнический храм; ее поставили в алтарь на горном месте. И вот, по ночам, от 11-ти до 2-х часов, в алтаре стали замечать явления огня или света, в виде звезд, то ярких, то тусклых... Толпы народа и днем и ночью стекались во храм; пред святой иконой неумолкаемо совершались молебствия. В течение первых шести лет записано до 115 чудесных исцелений. — Подобным образом прославились списки с сей иконы в городах: Иркутск, Тобольск, Томск и в отделенной Кяхте, на Китайской границе. В Троицко-Савске в первые же годы записано до ста чудесных исцелений от иконы "Споручницы грешных". Празднование сей иконы совершается два раза в году: 7 марта и 29 мая.

609. Кому подобен осуждающий ближнего?

Никто не может угодить на лицемеров-фарисеев: они и святых людей считают грешными, а мнимых грешников прежде суда Божия посылают в ад. С болезнью сердечной глаголет о них Господь наш: «кому уподоблю род сей? Прииде Иоанн, ни ядый, ни пия: и глаголют: беса имать. Прииде Сын Человеческий ядый и пияй: и глаголют: се человек ядца и винопийца, друг мытарем и грешником» (Мф. 11; 18). Иоанна, ангела во плоти, называют бесноватым; воплощенного Сына Божия, Иже греха не сотвори и лесь не обретется в устах Его, вменияют со беззаконными... Но кому подобны сами эти судьи непризванные? — Тот, кто осуждает ближнего, подобен псу лающему. Лает пес на всех, кто проходит мимо него, и на добрых и на злых, кусает он не только того, кто его дразнит, но и того, кто его не трогает: так и

осуждающий осуждает и виновных и невинных, его слова кусают если не до крови, то часто — до слез и вздыханий сердечных... «Изощрен язык его яко змиин, яд аспида под устнами его» (Пс. 139; 3). Он говорит с тобой как бы дружелюбно, а на деле вливает в твое сердце яд смертоносный — приводит тебя к смертному греху осуждения ближнего, соблазняет тебя, нарушает мир и любовь, возбуждает вражду и ссоры, разрушает дома, города и целые царства. Своим злым словом он зараз вредит троим: себе самому, тому, кто его слушает, и тому, о ком он говорит. Он подобен антихристу, — мало того: святые Отцы его самого называют антихристом. "Кто судит ближнего, тот похищает сан Христов и есть антихрист", — говорит преподобный Леонтий (см. Патерик). Пишет святой Апостол Иоанн Богослов: «дети, последняя година есть, и слышасте, яко антихрист грядет, и ныне антихристи мнози быша» (1 Ин. 2; 18). Кто же это — многие антихристы? Вместо святого Иоанна Богослова отвечает нам блаженный Августин: "И мы знаем в наши времена многих антихристов: всякий, кто живет нечестиво и хулит добро, есть антихрист, слуга сатаны". Ах, как много среди нас есть таких антихристов! Едва ли не все мы таковы, едва ли не все мы живем несправедливо, осуждаем доброе... Посмотри всякий в свою совесть: и ты не такой ли антихрист?.. А вы знаете, каков будет конец антихристу? Он будет связан и ввержен в бездну, в озеро огненное. Таков же будет конец и всякому, кто осуждает своего ближнего. Великий старец Иоанн Савваит сам о себе рассказывает, что когда он раз сказал о согрешившем брате: "Горе ему!" — тотчас увидел себя на Голгофе пред крестом, на котором висел Господь и услышал из уст распятого Господа: "Прогоните его отсюда: это — антихрист, он прежде Моего суда осудил брата своего". И семь лет провел в покаянии Иоанн, пока получил прощение от Господа в грехе осуждения. А что будет с нами, каждый день осуждающими ближнего без числа? Какой милости Божией ждать нам? Не грозит ли нам бездна адская с вечными мучениями?!.. — И поделом: святой Иоанн Златоуст говорит: "Кто клеветает на брата, тот работает диаволу и сам есть диавол". Слышите ли вы, клеветующие и осуждающие ближнего? Кто осуждает ближнего, уподобляется самому демону! Его язык есть геенна огненная! О геенне говорят, что если бы одна только искра огня гееннского вышла, то всю поднебесную сожгла бы во мгновение ока. Так осуждающий язык обращает в ничто добродетели всех, в поднебесной живущих. Как огонь нуждается в дровах, так он ищет грехов людских. Огонь гееннский жжет только грешников, а язык злоречивый не щадит и праведных. За то и сам будет сожжен огнем гееннским, во веки неугасающим. Ибо кто чем согрешает, тем и наказывается: «в нюже миру мерите, возмерится вам», говорит Господь. Палил ты других, гори и сам огнем гееннским в нескончаемые века!..

(Из творений святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

Не суди других — за собой смотри!

«Не судите, да не судими будете, сказал Господь, имже бо судом судите, судят вам, и в нюже меру мерите, возмерится вам» (Мф. 7; 1,2). Не суди никак, не похищай Господня сана, ибо Бог — один судья живых и мертвых. А ты человек земной, за собой смотри, себе внимай. Ибо и ты имеешь то, за что достоин суда. Ты сам ожидаешь суда за свои дела, у тебя много своего зла, а ты дерзко устремляешься на другого. Пусть Бог, все сотворивший, и судит все, а ты себя смиряй. — Не суди, если не хочешь быть осужденным. Да если бы ты и во всем был совершен, — отнюдь не осуждай другого. А если осуждаешь, то и ты повинен тому же суду, как согрешивший. Если ты сам хранишь целомудрие, а осуждаешь блудника, то и ты равен согрешившему. Если бы даже и в малом чем не согрешил, но только с презрением осудил согрешающего, то ты уже делаешь то же зло, что и согрешающий, даже и больше того, похищая сан Божий. — Не смотри на чужие грехи, а смотри на свои, ибо не за то будешь судим, а дашь ответ за себя самого. Нет тебе никакой нужды испытывать о других, кто как живет, как грешит, но себе внимай: угождаешь ли Богу, творишь ли угодное Ему, подражаешь ли жизни святых, приятно ли твое делание перед Богом. Человек, осуждающий других, есть как бы злолукавое зеркало: всех он изображает в себе, а сам себя не видит; за всеми смотрит, кто как ест, как пьет, как грешит — все видит, а себя не видит. Если кто другой согрешит хотя и в малом — важное дело, а сам и тяжко согрешает — так ничего. Хочет, чтобы его греха никто не знал, чтобы на все его грехи никто не обращал внимания и все о них молчали, а сам он явно всех оговаривает, судит, оклеветывает. — Не осуждай, не дивись согрешению человеческому, но лучше удивляйся, когда кто сможет ускользнуть от сетей вражьих в наше время, когда кто сможет сохранить себя чистым перед Богом, ибо ходит сатана, яко лев рыкая и ища кого поглотить (1 Пет. 5; 8), старается, заботится о человеческой гибели, хочет, чтобы ни один человек не избежал от его сетей. Помни и ты о своих грехах, что и нехотя согрешаешь часто, и охотно делаешь то, что ненавидишь, волей и неволей пленяешься грехом, волей и неволей впадаешь в преступление. — И кто свободен от греха? Кто найдется ни в чем неповинным? Кто без греха, хотя бы и один день жизни его был? «Ибо в беззакониях мы зачаты и во грехах родила нас мать наша» (Пс. 50; 17). Если и не в том грех, так в другом, если и не великом, так в малом, но все грешим, все преступаем закон Божий, все грешны, все немощны, все требуем милости Божией, все нуждаемся в Его человеколюбии: «не оправдается пред Господом ни один из живущих» (Пс. 142; 2). — Посему не осуждай согрешающего, не восхищай Божия суда; что Христос предоставил Себе, не будь в том сопротивником. Если и своими глазами увидишь согрешающего, не поноси его, не осуждай гордо, чтобы и самому тебе не потерпеть ту же беду, ибо кого кто судит в чем, всячески сам тоже потерпит. Покрой милостиво его согрешение, и если можно, исправь человеколюбиво его преступление. А если этого не можешь, то пройди мимо, молча осуждая себя самого. Довольно с тебя своего зла: нечего смотреть на чужие грехи. —

«И что ты смотришь на сучек в глаза брата твоего, а бревна в своем глазе не чувствуешь?» (Мф. 7; 3) сказал Господь. Чужие грехи видишь, а своими пренебрегаешь? Никого не осуждай, чтобы и самому не быть осужденным, как фарисей. Не говори как он: Боже, благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди: «грабители, обидчики, прелюбодеи или как сей мытарь» (Лк. 18; 11). Вот за это-то осужденный им оправдан, а он, гордо его судивший, осужден. Не думай, что все грешны, а только ты один праведен, — все злы, а только ты один добр. Суди не других, а себя, не других укоряй, а себя хуже всех считай. Никого ты не знаешь так, как себя, ничьего греха не можешь так знать, как свой недостаток. — Если и самого злого злодея видишь, и его не осуждай и не говори, что он достоин муки, но неведомое человекам предоставляй Богу: Он все создал, все знает и как хочет, так и устроит, яко Бог всесильный. Помни душу, принесенную Ангелом ко старцу с вопросом: куда повелит ввергнуть ее, ибо в помысле ее осудил... — Не завидуй согрешающему, не радуйся чужим грехам. Ведь тот, кто согрешил, не получил через то чего-либо великого или славного, напротив: он много потерял и получил только скорбь и печаль; вкусивши греха, ему придется вкусить и горечь его — здесь или там. Иначе и быть не может. — Не радуйся падению ближнего, но лучше плачь и рыдай, считая его падение как бы за свое: нам ведь заповедано любить ближнего, как себя самого. Не радуйся, когда упадет враг твой, и да не веселится сердце твое, когда он споткнется (Прем. 24; 17), говорит Соломон. Не утешайся о согрешении другого, чтобы и твоему не порадовались бесы и люди. Не велика радость о чужом грехе, а больше печали и страха за самого себя. Только бесы радуются о погибели грешников, ибо и сами погибли всеконечно. А человек должен радоваться спасению человеческому, чтобы и самому получить спасение и найти милость у Бога и ныне и в день суда. Аминь.

(Из творений святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

610. Чем отгонять лень духовную?

Раз Христос Спаситель учил в одном доме в Капернауме: народу собралось множество, и за дверьми даже стоял народ: слушали все с необыкновенным вниманием, тишина была невообразимая, всем хотелось расслышать каждое слово. Но вдруг эта тишина прерывается шумом... Что это? — Четверо несут расслабленного; за многолюдством пройти нельзя, и вот они влезли на крышу дома, разобрали потолок и спустили расслабленного к ногам Иисуса Христа, молча, без слов, одним действием прося ему исцеления. Господу была благоугодна такая вера, по вере Он и грехи простил, и болезнь исцелил. Чадо, отпускаются тебе грехи твои, — востани, возьми одр твой и ходи, сказал ему Господь. И расслабленный встал, взял постелю и пошел здоровый по телу и по душе. — Грустно, тяжело быть расслабленным по телу. Но не столько страшно расслабление телесное,

сколько душевное. Да, братья: бывает и расслабление душевное, бывает, и многие, очень многие им страдают.

Вот вы чувствуете какое-то разлечение, вялость в душе, сухость в сердце, не хочется молиться, не хочется идти в храм, в храме стоите рассеянно, без внимания, пришел пост — не хочется говеть, или если и говеете, то с леностью, неохотно; не радует вас таинственное соединение со Христом через принятие Тела и Крови Его; тяжело вам взяться за книгу божественную; нехотя идете на помощь ближнему... Что все это показывает? Видимое дело — душа ваша болит, она страдает расслаблением сил своих, у нее нет крепости на добро, нет готовности, быстроты к совершению подвигов добродетели. — Кто бы ни был ты, страдающий подобной болезнью, подумай: ужели в таком состоянии остаться? Ужели так и жить, примириться с ним, как будто так и должно быть?

Но если так жить, то скажите: что же мы заготовим себе для будущего, когда ничего не делаем в настоящем? За что будем ждать венцов, когда не совершаем никаких подвигов, никаких трудов? Не уподобимся ли мы тогда тому ленивому рабу, который взял от господина талант, пошел и закопал его? — Вот как опасно оставаться в духовном разлечении; значит надобно принимать меры, как бы выйти из этого состояния. — Таким разлечением душевным болел один инок; чтобы подвигнуть себя на делание духовное, он вот что делал: всякий раз, как пробили часы, он начинал размышлять: "Горе мне бедному! Вот прошел еще час моей жизни и мне за него нужно отдать отчет в день судный!.." И затем он решался следующий час проводить лучше, чем прошедший, и таким образом победил в себе леность.

Так и вы говорите себе: часы за часами, дни за днями, месяцы за месяцами, годы за годами проходят; время для души пропадает без пользы, бесследно; как же мне тяжело придется отвечать, что я время жизни не употребил, как должно и на что должно! Ах, если бы мы помнили скоротечность жизни, неизвестность конца ее и суд Божий за гробом, мы не такими бы были, как сейчас! Но мы забываем смертный час и оттого живем кое-как... Преподобного Ахиллу спросил один брат: "Отчего я, отче, унываю в келии и готов бы из нее бежать?" — "Оттого, — отвечал авва, — что ты не созерцал ни вечного покоя, которого ожидаем, ни вечной муки, которой будут подвергнуты ленивцы беззаботные. Если бы ты о том и другом по крайней мере размышлял, то нисколько бы не унывал".

Преподобномученица Евдокия была прежде великая грешница и неверующая. Но вот случилось ей однажды ночевать в гостинице рядом с той комнатой, где поместился для ночлега один монах. Ночью, совершив молитвенное правило, монах раскрыл Евангелие и начал вслух читать его; читал он те места, где говорилось о блаженстве праведников и о вечных муках грешников; чтение свое он прерывал слезами. Все это слышала Евдокия и на нее это так подействовало, что она целую ночь не могла заснуть, а наутро сама пришла к иноку и просила его подробнее рассказать о том, что она слышала. И кончилось тем, что она уверовала во Христа, —

мало того: ушла в монастырь, долго подвизалась и наконец пострадала за Христа и причислена к лику святых. А святой Благоверный Князь Владимир почему, между прочим, решился принять Христианскую веру? Потому, что он был поражен картиной Страшного Суда, где было изображено блаженство праведных и мучения грешных. Так вот как действует на душу представление о мучении грешных! Да, братья, чаще и чаще нам нужно размышлять о том блаженстве, которое ожидает праведников за подвиги, и которого можно лишиться за нерадение, — чаще нужно думать и о лютости тех мучений, которые могут постигнуть нас за беззаботность. — А преизобильно изливаемая на нас любовь Божия ужели не может и в нас возреть любовь к Богу, чтобы иметь попечение о благоугождении Ему? Вспомни в самом деле, грешник, чего-чего не делал Господь, любя тебя, для блага души твоей? Ты гресишь, а Он долготерпит; ты о Нем забываешь, а Он тебя помнит: Сына Своего едиnorodного на смерть Он предал для тебя, кровью и телом сего Сына питает тебя; слово Божие, пастырей дал тебе, таинства учредил для тебя. Сверх того, Он наделил тебя земными благами: Им мы живем, движемся и существуем.

Размышляй чаще об этой любви Божией, и тогда чувство благодарности за эту любовь заставит тебя отложить леность, беспечность свою и горячо работать для Господа своего. Особенно чаще размышляй о Христе Спасителе. Чаще мысленно поставляй себя на Голгофе перед висящим на кресте Спасителем твоим. Вот где открылось море любви к тебе! За твои грехи эти раны, эта струями льющаяся кровь, этот томный лик, эта запекшаяся гортань, эти насмешки, поругания, оставление даже Отцом Небесным!.. Ах, почему ты так мало размышляешь об этих страданиях, претерпенных за тебя? Если бы ты помнил о них, тебе стыдно было бы, страшно было бы за такую любовь платить равнодушием к делу твоего спасения, ты непременно позаботился бы возреть в себе любовь к Богу и ближнему, всю жизнь отдал бы на дела Богоугодные!..

Посмотрите, наконец, вокруг себя. Все спешат, все трудятся, все беспокоятся. Купец все силы употребляет на расширение торгового дела своего; отец работает для семейства своего; ремесленник целые дни и ночи сидит над делом своим. Но они все это делают для временного благополучия своего. Ужели же не стоит потрудиться для вечного счастья своего? Для тела трудимся, а душа разве не дороже тела? Для земли не жалко ни сил, ни времени, а для неба разве не всем следует жертвовать?

Царствие Небесное есть тот драгоценный бисер, для приобретения которого всем дорогим, самой жизнью нужно жертвовать. Святитель Нон увидел однажды женщину, всем известную своим легкомыслием, которая шла мимо, окруженная толпой девиц и юношей, и поражала всех красотой и пышностью своего наряда. Увидев ее, Нон заплакал и сказал: "Многому может научить нас эта женщина, — на Страшном Суде ею осудит нас Господь: она поставила целью жизни своей — нравиться людям, и посмотрите, как она о том старается, как внимательно выбирает наряды, как

умеет украшать себя! А мы имеем Жениха бессмертного, на Которого не дерзают взирать и Ангелы, и не думаем украшать наши души! Не омываем мы их слезами покаяния, не одеваем красотой добродетели, чтобы достойно явиться перед Господом!" Что сказать на эти слова святителя Нона? Скажем словами Спасителя в притче о неправедном приставнике: «сыны века сего мудрее сынов света», то есть, Христианин: те лучше умеют достигать своих греховных целей, чем Христиане Царства Небесного.

Вот какими размышлениями нужно прогонять нам свое душевное разлечение или нерадение о спасении. Но, конечно, все это не придаст нам силы восстать от сна греховного, если не придет на помощь благодать Божия. Смотрите: расслабленного несут к Врачу Небесному Христу, к Его ногам полагают его. Понесем и мы свою больную, немощную на добро душу к тому же Врачу — Христу, будем к Нему чаще взывать, чаще к Нему припадать, перед Ним всемогущим повергаться... Господи, Ты всемогущ, а мы немощны; Ты всесвят, а мы омрачены прегрешениями, но простри руку с высоты святой Своей, коснись сердец наших, просвети нас, омраченных, восстави падших, приблизь к Себе удалившихся от Тебя, спаси погибающих, как спас мытаря, блудницу, разбойника... Господь услышит, придет, спасет и помилует нас! Аминь.

(Из "Общепонятных Поучений" священника о. Петра Шумова)

611. Наша духовная азбука

Что азбука для начинающих учиться читать, то смирение для Христиан, желающих научиться христианскому житию. Кто хочет научиться чтению, тот должен начать с азбуки: так и Христианам, если хотят научиться добродетельной жизни, надобно начать со смирения. Азбука есть начало и основание всякого книжного учения: так и смирение есть начало и основание всех христианских добродетелей. Не может быть истинной добродетели без смирения: если и начнется она, то скоро без него разорится. Без Бога человек ни начать, ни продолжать ничего не может, как сказано: «без Мене не можете творить ничесоже» (Ин. 15; 5), «а Бог гордым противится, смиренным же дает благодать» (1 Петр. 5; 5). Учись же, Христианин, сей христианской азбуке, и с успехом научишься христианскому любомудрию! А чтобы не без успеха учиться смирению, то учись познавать себя и свою бедность. Только от познания себя и своей бедности происходит смирение. Ибо кто, видя свою бедность, не смирится? Поистине беден человек, но не всякий видит свою бедность. Рождается человек на беды, и как бы предчувствуя их, плачет: ведь всякий младенец рождается с плачем! Живет он и воспитывается в бедах; чем дальше живет, тем больше умножаются ему беды. Умирает он со страхом и еще на большие беды, кроме того, кто умирает о Господе. Разные немощи и болезни удручают его в жизни. Восстает на него плоть с ее страстями и похотями, она

хочет обладать им и предать его вечной смерти, и чем больше он ей противится, тем больше она восстает на него. И это зло, этот яд, которым заражен человек, убивает его не временно, а на всю вечность. Постоянно расстилает перед ним сети диавол, стараясь уловить его в свою погибель. Различные соблазны мира уязвляют его. В таких бедах живет всякий человек, и тем он несчастнее, если не видит сего. Чем же человеку гордиться и хвалиться? Разве только самой бедностью своей, тлением и грехами? Но что это за похвала? Это уж не похвала, а хула, не честь, а бесчестие! Чем же будешь хвалиться, человек? Разве тем, что богатство, славу, честь и премудрость века сего имеешь? Но и это — что за похвала? Ведь все это — ничто! Не то дерево называем добрым, которое красиво и обильно ветвями и листьями, но то, которое приносит добрые плоды. Иной и богат, но душой нищ и убог; у людей в славе и почете, а по душе бесславен и бесчестен; по видимому мудр, а на деле безумен; кажется счастлив, а по душе самый жалкий человек. Так бывает по большей части. Поэтому не смотри, каков человек по наружности, — наружно и неверный турок может быть хорош, — смотри, каков он по душе, каков не перед людьми, а перед очами Божиими. Часто и по большей части так бывает, что человек перед людьми мудр, а перед Богом безумен; перед людьми славен, а перед Богом бесчестен; перед людьми богат, а перед Богом совершенно нищ; перед людьми велик, а перед Богом ничто. И это цветок благополучия, который расцветает только перед людьми, скоро увядает: смерть всеконечно его отнимает. Князь и вельможа — только до гроба князь и вельможа; славный только до гроба славен; богатый только до гроба богат; мудрый только до гроба мудр. Так и все сокровища мира служат человеку только до гроба, а потом все покидает его: тогда все видят себя нищими, убогими, бедными и жалкими, какими и были на самом деле; тогда князья, вельможи и господа являются такими же, как и самые последние рабы их; тогда и богатые познают нищету свою и являются беднее нищих. Вот и гордись, и хвались своим сокровищем, человек, если хочешь! Истину тебе говорю, что ты подлинно беден, как бы ты ни был богат и славен в этом мире! Посмотри во гробы мертвых и уверишься в этом. Где лежат князья, вельможи и господа, и где лежат их рабы — ей, распознать невозможно! Где богатые и нищие, где мудрецы и простецы, где благородные, и худородные, где славные и бесчестные лежат — поистине не узнаешь! Все там сравнялись и в землю обратились, как и были все — земля! Вот, смотри на это тление, и хвались счастьем, какое имеешь, перечисляй свои имена и титулы, гордись богатством и мудростью! Тут видишь, что все равны. Как все рождаются равными, так все равными и умирают, кроме того, что один спасается и отходит в вечную жизнь, а другой погибает и предается вечной смерти. «Блажени умирающие о Господе» (Апок. 14; 13). «Помяни мя, Господи, во царствии Твоем!» (Лк. 23; 42). Был человек подлинно блажен, но потерял свое блаженство. Был подобен Богу, по образу Божию и по подобию сотворен, но «приложися скотом несмысленным и уподобися им» (Пс. 48; 21). Был нетленен, но стал тленным; был бессмертен, но стал

смертным: «оброцы во греха смерть» (Рим. 6; 23). Был премудр, но стал безумен; был богат, но стал нищим; был прекрасен, и стал безобразен; был свят и чист, но стал скверен и нечист; был храмом и жилищем Духа Святого, ностал обиталищем нечистых духов; был господином, но стал рабом и пленником; был жителем пресладкого рая, как царь прекрасного дворца, но изгнан в мир сей как бы в ссылку: вот какого блаженства лишился, и какому несчастью подвергнулся человек! Подверглись и мы все, его потомки. «Тебе Господи, правда, нам же стыдение лица!» (Дан. 9; 7). «Согрешихом со отцы нашими, беззаконновахом, неправдовахом!» (Пс. 105; 6). Что же остается человеку в таком бедствии думать и говорить, как только одно: «согреших, Господи, помилуй мя!» — Бог хочет от нас одного, чтобы мы познали и признали свою бедность перед Ним и смирились, и в смирении жили, и тогда Он Сам поведет нас к нашему блаженству. Это и означают слова Апостола: «смиритеся убо под крепкую руку Божию, да вы вознесет во время: всю печаль свою возвергше на Нь, яко Той печется о вас» (1 Петр. 5; 6, 7). Бог наш есть Бог всемогущий: все из ничего делает. Мы видим, какие преславные дела — небо и землю со всем, что наполняет их — Он сотворил. Так и из того человека, который признает себя за ничто, Он творит нечто, но доброе, то есть, мудрого, благочестивого, добродетельного и святого человека. Бог кроме добра ничего не делает, ибо и Сам Он добр. Но вот в чем горе и несчастье человека: хотя он и подлинно ничто, но о себе мечтает высоко; думает, что все знает, но ничего не знает; думает, что он разумен, но он безумен; думает, что он счастлив, но поистине он несчастен и беден; думает, что он богат, но он подлинно нищ и убог; думает, что он добр, но он поистине зол; думает, что он свят и праведен, но он подлинно грешен и скверен; думает, что он есть нечто, но он подлинно ничто. Что же делать с таким человеком всемогущему Богу, Который все творит из ничего? И вот Бог оставляет его в мнимом его блаженстве, и делает дело Свое на том, кто себя унижает, делает блаженным того, кто познает и признает себя бедным и окаянным. Вот почему Господь и говорит Своему Небесному Отцу: «утаил еси сия (тайнства Евангелия) от премудрых и разумных, и открыл еси та младенцем» (Мф. 11; 2).

Книжники, фарисеи и законоучители еврейские думали о себе, что они мудры и разумны: «еда и мы слепи есмы?» (Ин. 9; 40). За то и сокрылись от них свет и премудрость Божия. Апостолы, как младенцы, просты и смиренны были, но просветились и умудрились от Самого Бога. Христианин! Великая слепота и безумие есть гордость; она не допускает человека познать и признать свое окаянство, он так и остается в своей бедности и окаянстве. Великое просвещение и мудрость есть смирение, которое происходит от познания своей бедности и окаянства! Смиранный человек непременно получит блаженство христианское. Бог не оставит его, ибо любит смиренных сердцем. «Блажени нищии духом, яко тех есть царство Небесное» (Мф. 5; 3). Вот куда ведет человека смирение! Всякий смиренный и есть нищий духом. Познавай же, Христианин, самого себя и свою бедность, и будешь смирен, а

когда будешь смирен, то будешь и блажен. Познавай и признавай свою нищету перед Богом, и будешь богат. Познавай и признавай свою слепоту перед Богом, и откроются твои очи сердечные. Познавай и признавай свое безумие перед Богом, и будешь мудр. Познавай и признавай свои грехи перед Богом, и будешь оправдан. Познавай и признавай свою нечистоту перед Богом и будешь чист и свят. Познавай и признавай свою неисправность перед Богом, и исправишься. Познавай и признавай свою немощь перед Богом, и будешь приходить в здравие. Познавай и признавай свое заблуждение перед Богом, и будешь взыскан. «Заблудих, яко овча погибшее: взыщи раба Твоего» (Пс. 118; 176). Познавай наконец и признавай, что ты беден и окаян, и будешь блажен. Все в тебе будет исправлять Божия благодать, которая будет с тобой, когда будешь смирен. Вот тебе, Христианин, азбучка христианского учения! Учись ей, чтобы с успехом научиться христианской мудрости. «Всяк возносяйся смирится, смиряй же себе вознесется!» (Лк. 18; 1).

(Из "Сокровища Духовного", святителя Тихона Задонского)

612. Смирение святых

Один святой старец молился Богу так: "Покажи мне, Господи, в чем состоит совершенство души, и я постараюсь достигнуть его". И Бог послал ему другого старца, который на его вопрос о том же отвечал: "Ступай, паси свиней". И старец стал выполнять тот совет, и все, кто видел его, думали, что он сошел с ума. Но Господь через это показал ему, что все дело спасения — в смирении, и потом призвал его опять к прежнему служению. Смирение — вот истинное совершенство души: оно показывает, что человек снискал благодать Божию. — Вот почему все святые Божьи паче всего и прежде всего старались научиться святому смирению, вот почему они ставили смирение выше всех добродетелей. Без смирения все добродетели — ничто, а смирение может заменить все добродетели, хотя и с трудом: так учат Богомудрые учителя смирения. "Горе той душе, которая не сознает язв своих, — говорит преподобный Макарий Великий: — такую душу не посещает и не врачует Врач небесный, ибо сказано: не требуют здравии врача, но болящии". — Однажды святитель Александрийский Феофил посетил гору Нитрийскую; к нему пришел Авва (начальник) горы той. "Что нашел ты лучшего на пути сем?" — спросил его святитель. Старец отвечал ему: "Постоянное обвинение и осуждение самого себя". И святитель подтвердил: "Поистине нет другого пути кроме сего". Преподобный Антоний Великий видел однажды все сети врага, распростерты по земле, и со вздохом сказал: "Кто же избегнет их?" И тут же услышал голос: "Смиренномудрие!" — Однажды преподобный Макарий Египетский набрал в пустыне финиковых ветвей и возвращался в свою келию. На пути встречает его диавол в виде человека с серпом в руке, и хочет этим серпом Ударить преподобного. Но сила Божия не допускает его

до этого, и он восклицает: "Макарий! Много беды терплю я, стараясь превзойти тебя; я все то делаю, что и ты: ты постишься, а я совсем ничего не ем; ты бодрствуешь, а я никогда не сплю. Одним только ты меня превосходишь..." — "Чем же?" — спросил преподобный. "Смирением", — отвечал диавол и исчез... Так высоко смирение, которое уподобляет человека Тому, Кто сказал: «научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем» (Мф. 11; 29). Вот почему в житиях святых подвижников мы видим такие прекрасные примеры этой ангелоподобной добродетели. — "Грешником я засыпаю, грешником и пробуждаюсь", — говорил преподобный Сисой Фивейский. "Когда я был юн, — говорил преподобный Матой, — я думал сам с собою: может быть и делаю что-нибудь доброе; а теперь, когда состарился, вижу, что я не имею в себе ни одного доброго дела". Чем ближе человек к Богу, тем больше сознает себя грешником; Пророк Исайя, увидев Бога назвал себя окаянным и нечистым (Ис. 6; 5). Преподобный Памва в самый час смерти своей говорил: "Никогда не раскаивался я в словах, которые когда-либо говорил до сего часа; а теперь отхожу к Богу так, как бы еще не начинал служить Ему". — Перед кончиной преподобного Сисоя лицо его сияло, как солнце, и он говорил отцам: "Вот пришел Авва Антоний, вот пришел лик Пророков..." И лицо его заблестало еще светлее. "Вот вижу лик Апостолов", — сказал он, и свет лица его удвоился. Он стал с кем-то разговаривать. Тогда старцы спросили его: "С кем ты, отец, беседуешь?" — "Вот — отвечал он, — пришли Ангелы взять меня, а я прошу чтобы на несколько времени оставили меня для покаяния". — Старцы сказали: "Да ты, отец, не имеешь нужду в покаянии". — "Нет, — отвечал им смиренный Авва: — я еще и не начинал покаяния". Вдруг лицо его заблестало подобно солнцу. Все пришли в ужас, а он говорит им: "Смотрите, вот Господь... Он говорит: "Несите ко Мне избранный сосуд пустыни!" — и святой старец предал дух свой Богу, и просияло лицо его, как молния, а храмина исполнилась благоухания... Рассказывали о преподобном Моисее: когда он был сделан клириком и облекли его в стихарь, архиепископ сказал ему: "Вот ты теперь весь стал белым" (у древних стихарь всегда был белого цвета). Он отвечал: "Ах, если бы, владыко, и изнутри быть таким же белым как снаружи!" Архиепископ, желая испытать его смирение, сказал клирикам: "Когда Авва Моисей войдет в алтарь, то изгоните его и идите за ним, слушайте, что он будет говорить". Старец вошел; клирики начали поносить его и выгнали, говоря: "Ступай вон, эфиоп!" А старец, выходя, говорил самому себе: "По правде с тобою сделано, чернокожий эфиоп: ты не человек, зачем же ходишь с людьми?" Так уничижал себя святой подвижник. — Преподобный Нил говорил: "Блажен из людей" тот, кто почитает себя хуже всех". — Один брат сказал старцу Сисою: "Я замечаю, что всегда помню о Боге". Старец отвечал ему на это: "Не важное дело, что ты размышляешь о Боге, но то важно, если видишь себя ниже всякой твари. Такое уничижение и труды телесные приводят к смиренномудрию". — Преподобного Арсения спросили: "Что значит уничижать себя?" И старец отвечал: "Это значит — ставить себя ниже

бессловесных". — Один брат спросил преподобного Пимена: "Как могу я думать о себе, что я хуже убийцы?" Старец отвечал: "Скажи себе: он однажды сделал сей грех, а я убиваю каждый день (словом осуждения)". — Преподобный Ксанфий сказал: "Разбойник был на кресте и одним словом оправдался; Иуда был в числе Апостолов и в одну ночь погубил весь труд свой, и с небес сошел в ад. Посему никто не хвалился успехом в добрых делах, потому что все, кто на себя надеялся, пали". — И преподобный Антоний говорил: "Я знаю монахов, которые после многих трудов пали и подверглись безумию потому, что понадеялись на свои дела". — Преподобный Ор говорил: "Если придет к тебе помысел высокоумия и гордости, то испытывай свою совесть: все ли исполнил ты заповеди? Любишь ли врагов своих? Болезнуешь ли об их несчастиях и считаешь ли себя рабом непотребным, грешнейшим из всех? Тогда не будешь гордо думать о себе, будто все исполнил. Притом знай, что помысел гордости все добро обращает в ничто". — Преподобный Пимен говорил: "Если будешь смиренно думать о себе, то найдешь покой везде, где бы ты ни был". — Без смирения ни одна добродетель не имеет цены в очах Божьих: так учат святые Отцы. Поэтому, надобно укрывать добродетель даже от собственных очей, елико то можно. Один подвижник много лет жил близ своего села и не позволял себе войти в него. Он говорил братьям: "Вот уже прошло сколько лет, и я не входил в село, а вы так часто туда ходите". Сказали о нем Авве Пимену. Старец отвечал: "Я пошел бы ночью и кругом обошел село, чтобы не тщеславиться мыслью, что не вхожу в село". — "В том и состоит смирение, — говорил преподобный Матой, чтобы не отличаться от других: где ни будешь жить, иди со всеми наравне, и что увидишь, делают люди благочестивые, и сам то делай". — Один брат просил преподобного Аммона: "Скажи мне что-нибудь в наставление". Старец отвечал ему: "Поди, имей такие мысли, какие имеют преступники, находясь в тюрьме. Они всегда спрашивают других: где судья? Когда он придет? — и плачут от ожидания. Так должен и ты непрестанно внимать и обличать душу твою, говоря: увы мне! Как я предстану на суд Христов? Чем буду оправдываться перед Ним? Если будешь всегда так размышлять, то можешь спастись". Авва Илья говорил: "Я боюсь трех событий: когда душа моя будет выходить из тела, когда предстану Богу и когда будет произнесено последнее определение о мне". — Много можно было бы и еще привести подобных примеров, святого смирения угодников Божьих. Может быть иной скажет: "То были великие угодники Божии; где уж нам грешным подражать им?" — Такому отвечаю: не только можешь, но и должен ты подражать их смирению. А что это возможно, вот тебе пример смирения не инока, не пустытника, а простого кожевника, который поставлен в пример величайшему из пустытников, преподобному Антонию Великому. Раз святой Антоний молился в келье своей и услышал голос: "Антоний! Ты еще не пришел в меру кожевника, живущего в Александрии". Услышав это, старец встал рано утром, взял посох и пошел в Александрию. Когда он нашел там кожевника, тот крайне удивился, увидев у себя Антония.

Старец сказал кожевнику: "Поведай мне дела твои, потому что ради тебя я пришел сюда, оставив пустыню". Кожевник отвечал: "Какие у меня могут быть добрые дела? Не знаю никаких, и потому, когда утром выхожу на работу, говорю сам себе: все жители этого города, от мала до велика, войдут в Царство Небесное за добродетели свои, а я один пойду в муку вечную за грехи мои. То же повторяю я в сердце моем и тогда, когда ложусь в постель". — Услышав это, преподобный Антоний сказал: "Поистине, сын мой, ты, как искусный золотых дел мастер, сидя спокойно в доме своем, стяжал Царство Небесное; а я, хотя всю жизнь провел в пустыне, но не стяжал того разума духовного, который ты имеешь..." Так, и живя в миру, и занимаясь житейскими делами, можно и должно учиться великой науке смирения, без которого невозможно и само спасение.

613. Бесплодная смоковница

«Глагола Иисус смоковнице: да николиже от тебе плода будет во веки. И абие изше смоковница» (Мф. 21; 19)

На другой день после Своего торжественного входа во Иерусалим Иисус Христос со Своими учениками возвращался из Вифании в святой град. На пути Он взалкал, и потому, увидев смоковницу, стоявшую недалеко от дороги подошел к ней и, не нашедши на ней ничего, кроме листьев, сказал: "Да не будет же впредь от тебя плода вовек!" — И смоковница та тотчас засохла. Братья Христиане! И мы, как смоковница, должны приносить плоды добрых дел. Господь и всегда ждет от нас этих плодов; но особенно Он ждет их от нас в святые дни Страстной седмицы. И когда же особенно нам приносить плоды добрых дел, как не в эти святые дни? Се ныне время благоприятное; се ныне дни спасения! Ужели мы грешники будем веселиться и тогда, когда плакал о наших грехах Господь Иисус Христос? Ужели мы не будем молиться и бодрствовать и тогда, когда Господь бодрствовал и молился о нас? Ужели мы не будем проливать слез сокрушения и тогда, когда Господь проливал кровь Свою за нас? Ужели мы не будем щадить наше здоровье и тогда, когда Господь не щадил жизни для нас? Ужели будем пить и есть вкусно в те дни, когда Господь за нас был напоен оцтом, с желчью смешанным?

Ах, братья! Если уже в нынешние дни мы не принесем плодов покаяния, то каких плодов ожидать от нас в другое время года! Если мы не станем молиться, поститься и каяться в нынешние дни, когда солнце затмевалось, земля трепетала, камни распадались при виде страдавшего за наши грехи Господа, то какой молитвы, какого поста, какого раскаяния во грехах ожидать от нас в другие дни, когда и солнце светит, и земля цветет, и все радуется?

Так, братья мои, кто в нынешние дни не приносит плодов покаяния, от того и во весь год едва ли можно ожидать их. Чего ожидать от дерева,

которое и весною не зеленеет? Нечего доброго ждать и от того Христианина, который и в неделю Страстей Господних не молится, не постится, не кается, не хочет вспоминать о грехах, когда все ему напоминает о них. Аминь.

(Из поучений протоиерея Родиона Путятина)

Воспоминания Великого Понедельника

1. Синаксарь

Во Святой и Великий Понедельник творим память блаженного Иосифа прекрасного; вспоминаем и об иссохшей смоковнице, потому что от сего последнего события начинаются святые страсти Господа нашего Иисуса Христа: а Иосиф вспоминается, как прообраз Иисуса Христа.

Иосиф был сын патриарха Иакова, рожденный от Рахили. Возненавиденный своими братьями за некоторые виденные им сновидения, он сперва ввергается ими в безводный колодец (между тем как отец, обманутый принесенной к нему детьми окровавленной одеждой, почитает его растерзанным от зверя); потом продается за тридцать сребренников Измаильтянам, которые опять продают его Пентефрию, начальнику евнухов Египетского царя Фараона. Здесь госпожа его, покушавшаяся на целомудрие юноши, который не хотел сотворить беззакония, а бежал от нее, оставив свою одежду, оболгала его перед господином, и он ввержен был в узы и темницу. Потом, за истолкование сновидений, выводится из темницы, представляется царю и поставляется от него господином всей земли Египетской. Наконец, по случаю продажи пшеницы, он открыл себя братьям своим, и проведя всю свою жизнь добродетельно, умер в Египте, кроме других добродетелей будучи велик и за целомудрие... Это образ Христа, ибо и Христу были наветниками единоплеменные Ему иудеи, и Его продал ученик за тридцать сребренников, и Он заключен был в темном и мрачном рове — в гробе. Но Он восстал Своей властью от гроба и царствует над духовным Египтом, то есть над всяким грехом, и побеждает его совершенно; владычествует над миром, и искупляет нас человеколюбно подаванием нам таинственной пшеницы, предавши Самого Себя за нас и питая нас хлебом небесным — Своим живоносным Телом. По сей-то причине воспоминается ныне прекрасный Иосиф.

Ныне же вспоминаем и об иссохшей смоковнице, ибо божественные Евангелисты Матфей и Марк, после сказания о ваиях, повествуют: «и наутрие, изшедшим им от Вифании, взалка» (Мк. 11; 12); и другой: «утру же, возвращен во град, взалка. И узрев смоковницу едину при пути, прииде к ней, и ничтоже обрете на ней, токмо листовое едино. И глагола ей: да николиже от тебе плода будет во веки, и абие исше смоковница» (Мф. 21; 18,19). Смоковница означает здесь Иудейскую синагогу, в которой Спаситель не обрел подобающего плода, а только тень Закона, почему отнял от них и эту тень, упразднив ее совершенно. Спросит кто-либо: за что иссушается бездушное дерево? За что оно, несогрешившее, подвергается проклятию? Да

ведает таковой, что иудеи, видя Христа всегда благодетельствовавшим всем и никому не делавшим чего-либо прискорбного, думали, что Он имеет силу только благодетельствовать, а не наказывать. Господь, по человеколюбию Своему, не хотел показать сего над каким-либо человеком; но чтобы уверить неблагодарный народ, что Он имеет силу и наказывать, только не хочет сего, как Всеблагий, являет образ казни на бездушном и нечувственном дереве. Но есть и другое, более таинственное изъяснение, дошедшее к нам от премудрых старцев, о котором говорит святой Исидор Пелусиот: что древо сие было древо преслушания, которого листья употребили в покров себе первые преступники, наши прародители, почему оно теперь и подвержено от Христа проклятию, которого прежде не понесло: «да николиже от тебе мода будет» — плода, вделавшегося причиной греха. А что грех уподобляется смокке, причина очевидна: ибо и грех имеет в себе приятность удовольствия — сладость греха, но производит потом и горечь — в совести. Впрочем, Отцы положили здесь (в Великий Понедельник) повесть о смоковнице ради умиления, так же, как об Иосифе потому, что он носил образ Христа. Бесплодная смоковница есть всякая душа, не имеющая никакого духовного плода, которую Христос — «утре», то есть, по скончании настоящей жизни, если не обретет в ней плодов добрых, иссушает проклятием и ввергает в огонь вечный. И бывает она, как иссушенный столп, устрашающий тех, которые не приносят подобающего плода добродетели. Молитвами прекрасного Иосифа, Христе Боже, помилуй нас! Аминь.

2. Из церковных песнопений

Кондак, глас 8:

Иаков рыдаше Иосифова лишения, и доблий (а доблестный) Иосиф, сидяще на колеснице, яко царь почитаем: египтяныни бо тогда сластем (сластолюбю) не поработав, воспрославляшеся (за сие) от ведущего человеческая сердца и посылающего венец нетленный.

Икос:

На рыдание ныне приложим рыдание, и излием слезы со Иаковом, плачущеся Иосифа приснопамятного и целомудренного, поработенного убо телом, душу же непоработену соблюдшаго, и Египтом всем царствовавшего: Бог бо подает рабом Своим венец нетленный.

Иссохшия смоковницы за неплодие прещения (наказания) убоявшеся, братие, плоды достойны покаяния принесем Христу, подающему нам велию милость.

Вторую Еву Египтяныню обрет змий глаголы, тцашеся ласканьми запяты Иосифа, но той оставив ризу, бежа греха, и наг не стыдящеся, якоже первозданный прежде преслушания. Того молитвами, Христе, помилуй нас!

614. У гроба Христова

«Бе же ту Мария Магдалина и другая Мария, сидяще прямо гроба» (Мф. 27; 61)

Сейчас возлюбленные братья, совершили мы один из самых трогательных обрядов нашего православного Богослужения: умом и сердцем мы присутствовали на святой Голгофе, созерцали там снятие Господа со креста, обвитие Его пречистого тела чистою плащаницей с ароматами и перенесение в сад праведного мужа, Иосифа Аримафейского... В настоящую минуту сей святой храм изображает как бы самый этот сад: вот Иосиф и Никодимом полагают тело своего Божественного Учителя-Страдальца во гробе нове; вот они закрывают погребальную пещеру тяжелым камнем, и с не менее тяжелым камнем скорби на сердце удаляются... Только святые жены не могут еще покинуть священного места: уже поздно, уже солнце готово скрыться за вершинами гор Иудейских, а святые жены все еще тут, сидят против погребальной пещеры Господа: «бе же ту Мария Магдалина и другая Мария, сидяще прямо гроба» (Мф. 27; 61). Да и могли ли они, всем сердцем преданные своему Божественному Учителю, так скоро расстаться с местом Его последнего, как думали они, упокоения? Давно ли Он, милосердный Господь Иисус, был с ними, обходил грады и веси родной Ему Галилеи, повсюду проповедуя Царствие Божие, повсюду исцеляя всяк недуг и всяку болезнь?.. Еще так недавно, всего несколько дней тому назад, совершил Он величайшее чудо: воззвал от гроба Своего друга, четверодневного мертвеца — Лазаря, и с каким восторгом после того встречал Его, как Царя своего, иудейский народ — здесь же, в Иерусалиме!.. А теперь... Вот Он, милосердный Владыка жизни, лежит бездыханный в этом гробе, — весь изъязвленный, измученный, с прободенным ребром, со страшными ранами на руках и ногах... Умолкли Его святые уста, которые источали глаголы, сладчайшие меда и сота; померкли Его пресветлые очи, которые с такой любовью взирали на всех труждающихся и обремененных, которые одним милосердным взглядом обращали грешников к покаянию; охладели святейшие руки, от прикосновения которых не только убегали все недуги и болезни, но содрогалась и сама смерть!.. Упокоилась на ложе смертном и святая глава, во всю жизнь не имевшая, где преклонится... О какой же нестерпимой болью сжималось сердце святых жен при виде сего гроба, сокрывшего их Радость, их Жизнь, их светлую Надежду!.. И как могло все это случиться? Как смерть дерзнула коснуться Того, Кто прогонял ее властным словом Своим даже от смертных, ей уже обреченных на жертву людей?!.. Что сие, еже о Нем, бысть таинство?..

Такие думы, такие чувства темной тучей облегли их сердца, и горько плакали, и неутешно рыдали святые жены, «сидящи прямо гроба..».

Братья Христиане! Что для святых жен в то время было еще покрыто тайной, что они, быть может, только смутно чувствовали своим добрым сердцем, то для нас — ясная, как Божий день, спасительная истина. Мы знаем, что и на крест возвела, и во гроб свела, и даже до ада низвела нашего Господа — все та же Его Божественная любовь, которая творила чудеса,

которая исцеляла недугующих, чудесно питала алчущих, воскрешала мертвых, — что Господь наш, пришедший на землю призвать падшего Адама, и не нашедший его на земле, даже до ада преисподнего дошел, чтобы и там обрести Свое овча заблудшее... И обрел Он овча сие, а с ним и весь род человеческий, и возложил его на рамо Свое, и принес к Отцу Своему Небесному... Он Сам сказал: «Аз душу Мою полагаю за овцы», — и исполнил слово Свое: яко агнец незлобивый, Он веден был на заклание и со беззаконными причтен... И все это — нас ради человек и нашего ради спасения: возлюбленные о Господе братья! «Еще грешником сущим нам Христос за ны умре», поучает нас святой Апостол Христов: «врази бывше примирихомся Богу смертию Сына Его!» (Рим. 5; 8,10). Вот в чем тайна Его невинных страданий: «Той язвен бысть за грехи наша, и мучен бысть за беззакония наша, язвою Его мы исцелехом!» (Ис. 53; 5). О Любовь Божественная! Согрей хотя малою искрою от Твоего неистощимого пламени наши хладные, грешные сердца!..

Но братья мои! Огонь не может не согревать; Христос Спаситель наш не может не любить нас, а любя Он тем самым учит и нас любить. Только бы мы сами отверзали свое сердце к Его благодатному внушению! Вот и теперь, пречистыми язвами Своими не поучает ли Он нас все той же любви? Не слышится ли в сердце вашем Его любящий отеческий голос: чадца Моя! «Вам глаголю ныне» — особенно ныне, в день Моей крестной смерти за вас: «заповедь новую даю вам, да любите друг друга. Якоже возлюбих вы», — а вы знаете, вы вот видите, как Я возлюбил вас: желаю, заповедую, «да и вы так же любите друг друга. О сем разумеют в си, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собой» (Ин. 13; 33-35). «Больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (15; 13). Но внимайте, смотрите: Я не за друзей только, но и за врагов Моих душу Мою положил. И со креста молился Я за них Отцу Моему Небесному: «Отче, отпусти им!» (Лк. 23; 24). Чадца Моя! И вы «любите враги ваша», как Я любил, «добро творите ненавидящим вас», как Я творил добро Моим врагам, «и молитесь за творящих вам напасть» (Мф. 5; 44), как и Я молился за врагов Моих, за Моих распинателей. «Аще любите Мя, заповеди Моя соблюдайте» (Ин. 14; 15). «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, и — любите враги ваша!» Брат мой возлюбленный, ты, который не можешь погасить в себе чувства злобы к тому, кого ты называешь врагом своим! Поди сюда, стань у гроба Господа твоего, взгляни на Его язвы пречистые и устыдись своего сердца грешного!.. Его ли мы с тобой не оскорбляем грехами своими? А вот, смотри: чего не вытерпел Он за эти наши грехи? Что же значат все оскорбления, какие нам с тобой могут причинить люди, в сравнении с теми муками крестными, какие претерпел за нас Христос Спаситель наш?! И кто же после этого посмеет считаться с ближним своим из-за какого-нибудь слова обидного? Кто посмеет у гроба сего не простить даже самому заклятому своему врагу? Или скажешь: не могу сломить себя, не слажу со своим сердцем грешным? Не новость это, друг мой: на то жаловался даже Апостол

Христов Павел: «окаянен есмь человек, взывал он: не еже бо хочу сие творю, но еже ненавижду, то соделоваю!» (Рим. 7; 24,15). Но он же говорит: «вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе» (Флп. 4; 13). Пожалуйся и ты на свое бессилие Христу, твоему Спасителю, и Он подаст тебе благодатную силу возлюбить врага твоего. Ведь тот, кого ты считаешь врагом своим, дорог Ему так же, как и ты: ведь и за него, как и за нас с тобой, Господь страдал на кресте; суди же сам: приятно ли отцу, когда дети ссорятся? Приятно ли Спасителю нашему, если мы будем враждою утешать своего истинного врага — диавола? Сделай же ради Христа Спасителя твоего над самим собой хотя малое усилие, забудь хотя на минуту, в виду сего святого гроба Христова, что тот человек — враг тебе; представь, что это — любимый брат твой, и спроси себя: как бы ты поступил, если бы он почему-нибудь стал немирным к тебе? И как подскажет тебе совесть твоя, так и поступи с врагом своим, и тогда — верь — в твоём сердце загорится тот благодатный огонек любви к нему, который разгонит мрак вражды, согреет твоё сердце и незримо коснется сердца твоего врага и сделает тебе из него лучшего друга... О Любовь Божественная, сладчайший Спаситель наш, Иисусе Христе! Научи нас любить Тя от всего сердца нашего, да в любви Твоей пребывающе, возлюбим друг друга и возлюблены будем Отцом Твоим Небесным! Аминь.

(Слово в Великий Пяток по перенесении Плащаницы, произнесенное в Троице-Сергиевой Лавре 3 апреля 1892 г.)

615. Плач Пресвятой Богородицы

Какими трогательными чертами изображают наши церковные песнопения несказанно великую скорбь Матери Божией у креста и у гроба Ее Божественного Сына! Вслушайтесь внимательнее в тот неподражаемо-трогательный канон на плач Пресвятой Богородицы, который читается на малом повечерии в Великую Пятницу, после поклонения Плащанице; прочтите дома этот дивный канон или те краткие, но глубоко-трогательные погребальные песнопения Господу Спасителю, которые положены на утрени Великой Субботы: если ваше сердце еще не совсем очерствело, если ваша душа еще способна отзываться на чужую скорбь, то у вас невольно польются слезы умиления, вы забудете все окружающее и в чувстве сокрушения сердечного повергнетесь перед крестом Господним и будете плакать сладкими слезами вместе с Пречистой Его Матерью! Предлагаем нашим читателям несколько сих прекрасных песнопений.

Из канона на плач Пресвятой Богородицы

«Плачущи глаголаше Браконейскуная ко Благообразному: потщися, Иосифе, к Пилату приступити, и испроси сняти со древа Учителя твоего! — Видев Пречистую горце слезящу, Иосиф смутися, и плачяся приступи к Пилату, даждь ми, вопия с плачем, тело Бога моего! — Приимши Его с плачем Мати неискусомужная, положи на колену, молящи Его со слезами, и

облобызаючи, горце же рыдаючи и восклицаючи: Едину Надежу и Живот, Владыко Сыне Мой и Боже, во очию свет раба Твоя имех: ныне же лишена был Тебе, сладкое Мое Чадо и любимое! — Болезни и скорби и въздыхания обретоша Мя, увы Мне, видящи Тя, Чадо Мое, възлюбленное, нага и уединена, и вонями помазана Мертвеца! — Се Свет Мой сладкий, Надежда и Живот Мой благий, Бог Мой угасе на кресте: распалаюся утробою... — Солнце незаходяй, Боже превечный и Творче всех тварей, Господи! Како терпиши страсть на кресте. Мертва Тя зрю, Человеколюбче, оживившаго мертвыя... Хотела бых с Тобою умрети, не терплю бо без дыхания мертва Тя видети ! — Не изглаголеши ли рабе Твоей слова, Слове Божий? Не ущедриши ли (не пожалеешь ли) Владыко, Тебе Рождшую?.. Помышляю, Владыко, яко к тому сладкаго Твоего не услышу гласа, ни доброты лица Твоего узрю, якоже прежде раба Твоя: ибо зашел еси, Сыне, от очию Моєю! Где, Сыне Мой и Боже, благовещение древнее, еже Ми Гавриил глаголаше? Царя Тя, Сына и Бога Вышняго нарицаше: ныне же вижу Тя, Свет Мой сладкий, нага и уязвлена мертвеца!.. Приими Мя с Собою, Сыне Мой и Боже, да сниду, Владыко, в ад с Тобою и Аз: не остави Мене едину, уже бо жити не терплю, не видящи Тебе, сладкаго Моего Света!.. Увы Мне, что вижу? Камо ныне идещи, Сыне Мой, а Мене едину оставляеши?!.. Како во худом гробе полагаешися, мертвыя повелением възставляяй во гробех?!.. Ни от гроба Твоего востану, Чадо Мое, ни слезы точащи престану раба Твоя, дондеже и Аз сниду во ад, не могу бо терпети разлучения Твоего, Сыне Мой! — Радость Мне николиже прикоснется отселе: Свет Мой и Радость Моя во гроб зайде, но не оставлю Его одинаго, zde же умру и спогребуся Ему!.. Изнемогаючи и рыдаючи Непорочная, Мирносицам глаголаше: срыдайте Ми и сплачитесь горце: се бо Свет Мой сладкий и Учитель ваш гробу предается!.. Душевную Мою язву ныне исцели, Чадо Мое, Пречистая вопияше слезящи: воскресни и утоли Мою болезнь и печаль, можеши бо, Владыко, елико хочещи и твориши, аще и погреблся еси волею».

Из надгробных песнопений Великой Субботы

«Агница Агнца зрящи в заколении, острием (тяжкой скорби) прободаема, рыдаше...

Гвоздьми Тя кресту пригвоздена зрящи, Мати Твоя, Слове, гвоздьми печали горькия и стрелами пронзает душу.

Тя, всех Наслаждение, зрящи питием напаяема горьким, Мати слезами лице омакает горце.

Лежаща Тя видящи, Слове, Пречистая матеролепно (как Мать) плакаше.

Плакаше горько пренепорочная Мати Твоя, Слове, егда во гробе виде Тебе, неизреченнаго и безначальнаго Бога.

Плачет и рыдает Тя, Пречистая Мати Твоя Спасе мой, умерщвленнаго.

Мертвость Твою зрящи, Христе, непенная Мати Твоя горько к Тебе вещаше. Увы Мне, Свете мира! Увы Мне, Свете Мой, Иисусе Мой вожденный!.. Увы! Симеоново совершился пророчество: Твой бо меч пройде сердце Мое, Еммануиле! — Увы Мне, о Сыне!.. Егоже бо яко Царя

надеясь осуждений зрю ныне на крест! — Сия ли Гавриил Мне возвести, егда слете, иже рече царство вечное Сына Моего Иисуса?.. О сладчайшая Моя Весно, сладчайшее Мое Чадо! Где Твоя зайде доброта?.. Сыне Божий, Всецарю, Боже Мой, Создателю Мой! Како страсть подъяла еси? — Уязвляюся люте и растерзаюся утробою, Слове, зрящи неправедное Твое закование...

Слезоточная рыдания накрапляючи на Тебе, о Иисусе, Чистая матерски вопияше: како погребу Тя Сыне? — Иосифе преблаженне, погреби тело Христа Жизнодавца!.. О чудес странных, о вещей новых! Дыхания Моего Податель бездыханен носится, погребаем руками Иосифовыма ! — Свет очию Моею, сладчайшее Мое Чадо! Како во гробе ныне покрываешия? — О ужаснаго и страннаго видения, Божий Слове! Как земля Тя покрывает? — О Божий Слове! О радости Моя! Како претерплю тридневное Твое погребение? Ныне терзаюся утробою матерски! — Когда вижду Тя, Спасе, безлетнаго Света, Радость и Сладость сердца Моего?.. — Едина (из) жен родих Тя кроме болезней, Чадо, болезни же ныне терплю, страстию Твоею, нестерпимыя!.. Виждь ученика, егоже любил еси, и Твою Матерь, Чадо, и даждь вещание сладчайшее... — Ужасея солнце, видевшее Тебе, невидимый Свет, Христе Мой, во гробе скрывается, бездыханна же, и помрачи свет... — Иисусе сладкий Мой, и спасительный Свет! Како во гробе темном скрылся еси? О несказаннаго и неизреченнаго терпения!

О горы и холми, и человек мнужества, восплачитея, и вся рыдайте со Мною, Бога вашего Матерью!..

Кто даст Ми воду и слез источники, да восплачу сладкаго Ми Иисуса?!

Востани, Чадо, якоже предрекл еси... Не косни, Животе, в мертвых!.. Потщися воскреснути, Слове разрешая печаль чисто Рождшия Тя... Воскресни, Жизнодавче!»

Так изображается великая, безмерная скорбь Матери Божией в церковных песнопениях; поистине, как говорит один святитель, мера Ее величайшей любви к своему Сыну была и мерой Ее безмерной скорби и жалости к Нему. Но, как видно из тех же песнопений, и эта безмерная скорбь не была безнадежной: та же всемогущая десница Ее Сына, которая была простерта над Ней на кресте, она же поддерживала Ее и в Ее скорби неутешной, когда Она стояла под крестом и рыдала над Его гробом. Она как бы слышала из сего гроба таинственные слова утешения:

«О како утаилася Тебе есть бездна щедрот? — Матери в тайне изрече Господь. Тварь бо Мою хотя спасти, изволих умрети; но и воскресну, и Тебе возвеличу, яко Бог небесе и земли. — Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе, Егоже во чреве без семене зачала еси Сына: востану бо и прославлюся и вознесу со славою непрестанно, яко Бог, верою и любовию Тя величающия. — (Дабы) Адама и Еву свободити сия стражду: Мати не рыдай! — Да человеческое обновлю сокрушенное естество, уязвлен есмь смертию, хотя (добровольно) плотию, Мати Моя, не терзайся рыданьми!»

На сии таинственные утешения Сына Пречистая Матерь-Дева ответствует в песнопениях прославлением Его неизреченного милосердия к роду человеческому:

«Воспою милосердие Твое, Человеколюбце, и поклоняюсь богатству милости Твоея, Владыко: создание бо Твое хотя спасти, смерть подъял еси, рече Пречистая.. Прославляю Твое, Сыне Мой, крайнее благоутробие, егоже ради сия страждеша! — Смерть смертию Ты умерщвляеши, Боже Мой, Божественною силою Твоею!»

Так святая Церковь изображает плач Пресвятой Девы Богородицы у гроба Ее Божественного Сына; в заключении она обращается к Самой Богоматери с убожением и смиренною молитвой:

«Блажим Тя, Богородице, чистая, и почитаем тридневное погребение Сына Твоего и Бога нашего верно. — Видети Твоего Сына Воскресение, Дево, сподоби рабы Твоя!»

616. Песнь Воскресения

Нет праздника радостнее Светлого Христова Воскресения, нет во всем году утрени торжественнее Светлой заутрени! В самую полночь, едва раздастся торжественный благовест, как тысячи рук поднимаются для крестного знамения, из миллионов уст несутся теплые благодарения Господу: "Слава Тебе Господи! Сподобил Ты нас грешных еще раз встретить Светлое Твое Воскресение!" И вот не только зрелый возраст и резвая юность с притрепетной радостью спешат в храмы Божии, но и самая дряхлая старость, одолевая немощи, собирает последний остаток сил и спешит туда же, чтобы еще раз услышать сладостное и радостное: Христос Воскресе! Войдите в самый бедный сельский храм в эту святую ночь; весь он и внутри, а нередко и вокруг — горит огнем в знак светлой радости и того духовного света, которым Воскресение Христово озарило небо и землю. И среди этого моря света звучит одна непрерывная песнь Воскресения: это дивный пасхальный канон. Кто не знает этого прекрасного канона Пасхи? Даже дети, даже многие безграмотные простецы знают его почти весь наизусть: так он сладостен для сердца, так легко напечатлевается в душе! Прислушайтесь к его чудным тропарям, проследите за каждым его словом, за каждым тоном, звуком — во всем одна и единственная мысль: Христос Воскресе! Вдохновенный певец святой Иоанн Дамаскин в этом каноне как бы обтекает мысленно весь мир, видимый и невидимый, небо и землю, и самую преисподнюю, всех, все и повсюду призывая к торжеству и радости. Радостен восход животворного солнца после мрачной ночи; радостно пробуждение природы к новой жизни после зимнего омертвения; радостно будет всеобщее Воскресение: но несравненно сладчайшим чувством наполняет сердце наше — явление из гроба Христа, Солнца правды, восставшего из мертвых в новой славе после тридневного погребения и

соделавшегося начатком будущего Воскресения всех людей. Веселился древний Израиль, празднуя свою Пасху в память избавления от руки Ангела-губителя и освобождения от Египетского рабства; скакал в восторге Давид пред ветхозаветным ковчегом, когда сей возвращался из плена; радовались святые жены Мироносицы, когда увидели живым Того, Кого они со слезами искали между мертвыми, но еще выше радость нового Израиля, всех верующих во Христа, которые торжествуют в честь Его, яко Бога во плоти, освободившегося от уз смерти... Святой песнопевец ублажает день и ночь, ознаменованные чудным событием Воскресения, призывает самое место Воскресения — Иерусалим и Сион — ко всеобщей радости и наконец возносится благоговейной молитвой ко Всевышнему о совершеннейшем соединении всех нас со Христом в безвечерний день Его Царства. — Таков этот дивный канон; предлагаем его в русском переводе, дабы наши читатели могли в часы пасхального досуга вникнуть в каждое слово сего канона, тем более, что в нем есть слова, для многих малопонятные.

Песнь 1

Ирмос. Воскресения день! Просветимся люди! Пасха Господня Пасха! Ибо от смерти к жизни и от земли на небо Христос Бог привел нас, поющих (песнь) победную.

Тропари. Очистим чувства, и мы узрим Христа, сияющего неприступным светом Воскресения и "радуйтесь явственно услышим от Него, воспевая (песнь) победную (Мф. 28; 9, 1 Тим. 6; 16).

Небеса достойно да веселятся, земля — да радуется, и да празднует весь мир, видимый и невидимый; ибо востал Христос — веселие вечное (Пс. 95; 11, 1 Кор. 15; 20).

Песнь 3

Ирмос. Приидите, станем пить питье новое, чудесно изводимое не из камня бесплодного, но из гроба, изведшего источник нетления, из гроба Христа, на Котором мы утверждаемся (Исх. 17; 6, Мф. 26; 29).

Тропари. Ныне все наполнилось светом, — небо, земля и (места) преисподнии; да празднует же вся тварь востание Христа, на Котором она утверждена (Еф. 4; 10).

Вчера я погребался с Тобою Христе, сегодня встаю с Тобою — воскресшим: вчера я распинался с Тобою: прославь же Сам Ты, Спаситель, и меня в царствии Твоем! (Рим. 6; 3, 8; 17).

Песнь 4

Ирмос. Богоглаголивый Аввакум да станет с нами на Божественной страже и покажет светоносного Ангела ясно восклицающего: ныне спасение миру, ибо воскрес Христос, как всесильный! (Авв. 2; 1, Ис. 9; 6).

Тропари. Вот наша Пасха — Христос! (Он во всем уподобился пасхальному агнцу ветхозаветному): как разверзший девственную утробу, Он явился первенцем мужского пола; как предлагаемый в снесь (в таинстве Причащения). Он назван Агнцем; (назван) непорочным, как непричастный

скверны (греха), а как истинный Бог, наречен совершенным (Исх. 12; 5-11, Ин. 6; 54).

Благословенный для нас венец — Христос, как однолетний агнец добровольно заклался за всех: Он — Пасха очистительная, и опять из гроба воссиял нам (как) прекрасное солнце правды (Пс. 64; 12, 1 Кор. 5; 7).

Богоотец Давид в восторге скакал пред прообразовательнш ковчегом: мы же, святой народ Божий, видя исполнение преобразований, (тем более) будем веселиться священно, ибо воскрес Христос как всесильный (2 Пар. 6, Еф. 1; 18).

Песнь 5

Ирмос. Встанем в глубокое утро, и вместо мира принесем песнь Владыке, и узрим Христа — Солнце правды, всех жизнью озаряющего (Лк.24; I, Мал. 4; 2)

Тропари. Узрев безмерное Твое милосердие, содержимые в адовых узах радостными стопами потекли к (Тебе) свету, Христе, прославляя вечную Пасху (Ис. 49; 9, 1 Петр. 3; 19).

Со светильниками в руках пойдем во сретение Христу, исходящему из гроба, как Жениху, и с радостно празднующими чинами (Ангелов) будем праздновать спасительную Божию Пасху (Мф. 25; 1).

Песнь 6

Ирмос. Снисшел Ты в преисподния (места) земли, и сокрушил вечные заклепы, содержащие узников, Христе, и в третий день, как Иона из кита, вышел из гроба. (Ефес. 4; 10).

Тропари. Неповредивший заключенной (утробы) Девы в рождении Твоем, Христе, Ты восстал и из гроба, сохранив целыми печати его, и отверз нам райские двери (Мф. 27; 66, Иез. 44; 2).

Спаситель мой! Живая и, как Бог, незакалаемая Жертва! Добровольно проведши Себя к Отцу и восстав из гроба, Ты воскресил с Собою и родоначальника Адама. (Лк. 23; 46, Рим. 6; 4, 5).

Песнь 7

Ирмос. Избавивший отроков из печи, соделавшись человеком, страждет, как смертный, и страданием (Своим) облакает смертное в красоту бессмертия; един Бог отцов — благословен и препрославлен!

Тропари. Богомудрые жены вслед за Тобой спешили с благовонными мастьями; но Кого они, как мертвого, искали со слезами, Тому поклонились с радостью, (как) живому Богу, и ученикам Твоим, Христе, возвестили таинственную Пасху (Мк. 16; 1-7).

Мы празднуем умерщвление смерти, разрушение ада, начало другой вечной жизни, и в восторге воспеваем Виновника (сего) единого Бога отцов, благословенного и препрославленного (Ос. 13; 14, 1 Кор. 15; 54).

Поистине священна и достойна всякого торжества сия спасительная и светозарная ночь, предвозвестница светоносного дня Воскресения, в которую безлетный (вечный) Свет в плоти для всех воссиял из гроба (Ин. 20; 1).

Песнь 8

Ирмос. Сей именованный и святой день, единственный, царь и господь, суббот, праздник из праздников и торжество из торжеств: в сей (день) благословим Христа во веки.

Тропари. Приидите, приобщимся нового виноградного плода — божественного веселия, в именованный день Вокресения и царствия Христа, воспевая Его, как Бога, во веки (Мф. 26; 29, Пс.103; 15).

Возведи взоры твои, Сион, вокруг себя и посмотри: вот стеклись к тебе, как богосветлые светила, от запада, севера, моря и востока, дети твои, благословляющие Христа во веки (Ис. 60; 4, 49; 12).

Отец Вседержитель и Слово и Дух! Существо единичное в трех Лицах, всевышнее и Божественнейшее! Мы в Тебя крестились, и Тебя будем благословлять во все века (Мф. 28; 19).

Песнь 9

Ирмос. Озаряйся светом, озаряйся, новый Иерусалим! Ибо слава Господня воссияла над тобой; торжествуй ныне и веселись, Сион! И ты, Пречистая Богородица, радуйся о восстании Рожденного Тобой! (Ис. 60; 1, Лк. 1; 47).

Тропари. О, как божественны, любезны и пресладостны глаголы Твои, Христе! Ты обещался неложно с нами быть до кончины века; имея их опорой надежды, мы верные радуемся (Мф. 28; 20).

Пасха, великая и священнейшая, Христе! О Премудрость, Слово Божие и Сила! Удостой нас совершеннее приобщаться Тебя в безвечерний день царствия Твоего (1 Кор. 5; 7, 13; 12).

617. Что значит: "Вышних ищите?"

Где сокровище наше, там должно быть и сердце наше. Вознесся от нас на небо Господь наш Иисус Христос, наш Спаситель; туда, к Нему, сидящему одесную Бога Отца, всегда должны быть устремлены все наши мысли, наши желания и надежды. Сего требует и святой Апостол Павел, когда говорит: вышних ищите, идеже есть Христос, одесную Бога сидя; горняя мудрствуйте, а не земная (Кол. 3; 1,2). — Но как, скажете вы, мудрствовать о небесном, когда мы многого и вокруг нас-то, на земле, не понимаем? И нам ли, скажете, людям темным, неграмотным, мудрствовать о таких высоких, недоступных нашему уму вещах? Пусть занимаются этим люди ученые, мудрые, а у нас голова постоянно занята тем, как бы добыть кусок насущного хлеба, прокормить себя и семью. — Братие! Мудрствовать о небесном не так трудно, как представляется с первого раза. Для этого не нужно много голову ломать, или долго сидеть за книгами; мудрствовать о небесном может легко всякий простой и неученый человек. Что значит мудрствовать о горнем или небесном? Это значит постоянно помнить, что мы живем не для земли, а для неба, и стало быть все дела свои располагать так, чтобы мы по смерти могли жить в обителях небесных, иначе сказать:

мудрствовать небесная значит при всех своих делах помнить о Боге, нашем Отце небесном, и творить Его святую волю. — Положим, ты трудишься в поле, пашешь землю, засеваешь ее, или же собираешь на ней жатву, ты весь занят своей трудной работой, спешишь сделать ее вовремя, чтобы не опоздать посевом или жнитвом, с утра до вечера не имеешь покоя... Когда бы, кажется, думать тут о небесном, когда все приковывает к земле, которая ежеминутно находится пред глазами? А между тем и при этой тяжелой работе можно мудрствовать о небесном. Начинай каждый раз твою работу молитвой к Богу, оканчивай благодарением Создателю, призывай Его во время труда к себе на помощь, помни, что все зависит от Бога. Кто распоряжается твоим временем: дает тебе день для труда, а ночь для отдыха? Кто подкрепляет твои силы и силы скотины, которая трудится вместе с тобой? Кто дал тебе самое поле для работ твоих? Все это дал тебе Бог. Помни об этом, когда ты трудишься в поле, и ты, при своих земных трудах, будешь мудрствовать о горнем, небесном. — Вот все тяжкие труды твои в поле увенчались наконец добрым успехом. Ты свез хлеб на гумно свое, видишь, что трудился не даром, что у тебя станет хлеба прокормить себя с семьей круглый год, и еще будет остаток. У тебя сердце радуется, глядя на все это обилие, ты соображаешь заранее, как лучше сберечь собранное, что оставить для себя и как распорядиться избытком, когда повыгоднее продать, чтобы выручить побольше денег. Забот и хлопот немало, а между тем и при этом ты можешь мудрствовать о горнем, небесном. Возблагодари прежде всего Господа, щедрого подателя всех благ. Подумай, что не одной твоей силой, не одним твоим трудом собрал ты это добро на гумне своем, но получил его от щедрой десницы Господа, Который вовремя посылал дожди на твою ниву и вовремя согревал ее Своим солнцем. Размысли о том, чтобы избыток трудов твоих употребить не на пьянство или гулянье, а на то, чтобы привести в порядок твое хозяйство или сделать какое-нибудь богоугодное дело: помочь, например, вдове, сироте, накормить нищего голодного, заботиться, чтобы при земном твоём богатстве собиралось и умножалось твое сокровище на небеси, — то есть чтобы умножались твои добрые и богоугодные дела. Если такие мысли станут занимать тебя, то ты будешь мудрствовать горняя, небесная. — Но в трудах твоих неудача: червь подточил на ниве твоей корни при самом всходе, зной иссушил жатву прежде, чем она созрела, или град побил хлеб в то время, когда ты, радуясь урожаю, готовился уже собрать его; на гумне твоём пусто, видишь, что не достанет и самому тебе прокормиться с семьей целый год, все твои труды пропали. Тут ли мудрствовать о горнем, небесном, когда голова невольно поникает к земле, тоска грызет сердце? А между тем и при этом тяжком горе можно мудрствовать о горнем, небесном. Отчего это случилось такое несчастье? От воли Божией. Богу так угодно. А Богу ничего не бывает угодно без причины. Он хотел наказать тебя за какие-нибудь дурные и нечестные дела или испытать тебя: так ли ты будешь любить Его, как любил в счастье? Пораздумай с самим собой об этом, не отдавайся весь твоей тоске и унынию, не заливай горя твоего водкой,

которой никогда его не зальешь, больше себе повредишь, постарайся исправить, что замечаешь за собой дурное, принимай наказание от руки Божией с такой же благодарностью, с какой принимал Его щедроты, — и ты будешь мудрствовать горняя, небесная. — В домашнем быту у крестьянина на каждом шагу заботы и хлопоты. В семье своей он первое лицо: жена и дети от него зависят. Много нужно подумать о том, чтобы они были сыты, обуты, одеты и довольны. Немало хлопот требуется, чтобы удержать в семье порядок, лад и тишину. Занимаясь всем этим, когда, кажется, тут мудрствовать о небесном? А между тем и при всех этих заботах и хлопотах домашних можно мудрствовать и о небесном. Для чего Бог дал тебе семью, жену и детей? Для того ли только, чтобы ты кормил их и одевал, или показывал над ними свою силу и власть? Он дал их тебе для того, чтобы ты научал их добру и соделал их людьми Богу угодными, чтобы ты мог вместе с ними предстать пред Господа и сказать: "Се аз и дети, которых дал Ты мне, Господи!" Если при всех твоих семейных заботах и хлопотах ты будешь стараться, чтобы домашние твои чтити Бога и благодарили Его за тебя, чтобы они любили друг друга и получили доброе имя у людей, если ты будешь помнить, что и их нужно приготовить для вступления в обители небесные, как и сам ты должен туда готовиться, то ты, при всех твоих заботах и хлопотах домашних, будешь мыслить горняя, небесная. Где, кажется, менее всего можно заняться мыслью о горнем и небесном, как не на сельском сходе, куда призывают тебя или для выбора старшины, сотского, или подать голос о каком-нибудь общественном деле? Со всех сторон тут шум и толкотня, да и дела-то тут таковы, что при них о небесном нет и помину. А между тем и здесь ты можешь мудрствовать о горнем, небесном. Ты призван, например, выбирать старшину. Пред тобой два лица: один — человек честный, правдивый и богобоязненный, у другого и смыслу большего нет, и за правду много он не постоит, но он чем-нибудь угодил тебе или угостил тебя. За кого из этих двух подашь ты свой голос? За первого, которого считает достойным твоя совесть, или за последнего, который польстил тебе? Если послушаешься ты своей совести, если пожелаешь поступить так, как велит правда Божия, а не так, как твоя грешная воля, ты будешь мудрствовать по-небесному. Тебя призывают сказать свое суждение о каком-нибудь общественном деле: о пожертвовании на школу, об отдаче рекрутов, о раскладке недоимок, об опеке над сиротами и т.п., во всех этих делах можно рассудить по правде, по Божиюму, можно сказать и кривду по грешной воле человеческой в угоду каким-либо богачам или приятелям. Когда ты постараться судить по совести и по Божиюму, ты будешь мудрствовать не земная, а небесная. — Видите, братие, что мудрствовать о небесном не так мудрено, как представляется с первого раза. Я перечислил вам только немногие случаи из вашей жизни, но это можно делать на каждом шагу, всегда и везде, для этого нужно только чаще вспоминать о том, как научил нас жить Иисус Христос и не забывать, что мы на земле только жильцы временные и должны приготовиться к вечной жизни в обителях

небесных — Но у нас есть место, где более всего можно возноситься мыслью к небесному и научиться, как нужно мыслить о небесном. Это — храм Божий. Здесь во всем, что читают и поют Божия сила и премудрость. Стоя во храме Божиим, мы стоим не на земле, а на небе. Нужно только, чтобы мы ходили в храм Божий чаще, по крайней мере в праздничные и воскресные дни, и не стояли рассеянно, а внимательно слушали, что читают и поют в храме Божиим. — Итак, всякий из нас может исполнить волю Христа Спасителя, Который, вознесшись на небо, тем самым показал нам, что мы должны мудрствовать не о земном, а о небесном. — Воспомявая ныне вознесение Господа нашего Иисуса Христа, постараемся, братие, чтобы это воспоминание послужило нам на пользу. Будем обращать чаще мысли наши туда, куда вознесся Иисус Христос, тому же будем учить и детей наших, и вознесшийся на небо Господь наш Иисус Христос за это ниспошлет Свое благословение на нас и на детей наших. Аминь.

(Из Екатеринбургских Епархиальных Ведомостей 1891 г.)

618. Берегите деревца! («Хвалите Господа от земли... древа плодоносна и вси кедрі...») (Пс. 148; 7, 9))

Как хорошо бывает на душе, когда видишь вокруг себя зелень цветущих садов и лесов! Не потому ли это, братие мои, что наша родина — рай Божий, насажденный Самим Богом для наших праотцов, рай, в котором было всяко древо красное в видение и доброе в снєдь? Не напоминают ли нам леса и сады этот Божий рай, которого мы лишились за грех наших прародителей? Правда, убогое напоминание, потому что земля, за грех человека, лишена прежнего Божия благословения, а все же — напоминание... Но никогда это напоминание не говорит так много душе нашей, как в праздник Пресвятой Троицы: "Троицын день" — это преимущественно праздник зелени и цветов, праздник обновления всего мира силою Пресвятого Животворящего Духа Божия. В этот день существует от времен древних знаменательный обычай — украшать и храмы Божии, и свои жилища, и даже могилы усопших, зелеными ветвями и цветами, в этот день и в церкви Божией стоят с цветами в руках. И как много говорят сердцу эти цветы, эти зеленые ветви! Весна — самое веселое, самое приятное время года: и вот, мы приносим Господу начатки обновляющейся и расцветающей природы, как дар благодарения Всеоживотворяющему Духу Божию за весну благодатную. Вместе с тем мы вспоминаем и весну Церкви Христовой — те времена, когда Церковь Божия, по сошествии Святого Духа на Апостолов, процвела яко крин — как прекрасная лилия, дарами Духа Божия — мучениками, преподобными, чудесами от святых икон, от святых нетленных мощей угодников Божиих, множеством чудесных знамений и исцелений... Вся совершает Дух Святой! В ветхозаветные времена у евреев был праздник Кущей, то есть шалашей или палаток, в память их сорокалетнего странствования и житья в палатках в

пустыне Аравийской. В этот праздник евреи выходили из своих домов и жили в саду, в поле, под шатрами, в палатках, в шалашах, и обсаживали их деревцами, ветвями. Ветвями дерев, душистой травой и цветами они украшали дома свои и в день Пятидесятницы: значит, и горница Сионская, в которой были Апостолы, когда сошел на них Дух Святой, была украшена ветвями древесными и цветами. Вот почему и мы исправляем этот добрый обычай в день Святой Троицы.

К сожалению, не всякий добрый обычай добре нами исполняется. Для украшения наших жилищ и храмов Божиих вполне достаточно было бы несколько зеленеющих веток березки, а мы часто губим эти деревца без всякого сожаления. Справедливо говорит один пастырь (в Душевном Чтении 1891 г.): "Иной добрый человек во всю жизнь свою не посадил в своем огороде ни рябинки, чтобы было где детям поиграть в жаркий полдень в тени деревьев, а в Троицын день поусердствует обсадить свою хату целой дюжиной березок, да еще каких березок! Молоденьких, стройных, как восковая свечка, зелененьких, как шелковая лента! И какие бы вышли из них деревья! А он поторопился сгубить их; он не подумал, что и ветвями дешевого тальника можно так же украсить свое жилище, как и березками... Он рад, что даром припустили его к лесу и, пожалуй, понарубил с расчетом, что эти деревца пригодятся ему на изгороди, на жердочки, на колышки. Это уж не почитание праздника Господня, не угождение Богу, а какое-то барышничанье... Если ты рад празднику, если желаешь почесть его, то лучше бы сделал, если бы вырыл несколько кустиков и молодых деревьев, и посадил их к Троицыну дню около дома и в огороде: это был бы действительно праздник! А если не поленишься хоть по праздникам поливать их, то на следующий год у тебя будет уже настоящий праздник; весь дом будет в венце из самородных деревьев, которые уж не повянут, не посохнут, не свалятся. То ли дело: вся весна и все лето — непрерывный праздник, как бы в Троицын день. У нас, слава Богу, есть еще немало прекрасных лесов, но мы их не бережем, и не думаем, и не чувствуем, какой это прекрасный дар Божий. Именно — прекрасный дар Божий — лес, зеленый, кудрявый, благоуханный лес! Глазам загляденье — его зелень, ушам наслаждение — пение птиц, сердцу отрада — его тень, его шум, его прохлада. Мы и представить себе не можем, какая тоска одолевает человека в тех местах, где нет зелени лесов, как например, в Африканских песчаных раскаленных пустынях, или в наших степях, по ту сторону Каспийского моря, в Хивинских песчаниках. Мы там не бывали, но наши воины бывали: спросите их, что лучше: наши ли снеговые пустыни Сибирские, или эта песчаная степь без края, без конца, где нет ни кустика, ни травинки, ни прутика деревца, ни болотца, ни лужицы с водой. — Где есть лес, там дольше держится тень, чаще ложится туман, обильнее роса, больше падает дождя: это все благодеяния. Где есть лес, тут дольше лежит снег и сочится водица. Заметьте, что все большие реки выходят из лесов, из лесистых гор. Где никогда не было лесов, там пустыня или степь. Где люди истребили леса, там они дорого

поплатились за это, например, в Греции, в Палестине. Ручьи и речки пересохли, рыба — редкость, цветов, ягод — нет. Луга и пашни тощат от сухости, делаются год от году бесплоднее. Скоту становится все хуже, голоднее, пчелам негде собирать мед. Некоторые народы, наученные нуждой, уже дошли до того, что сами стали разводить леса. В старые времена вся наша земля почти сплошь была покрыта густыми лесами, непроходимыми дубравами. Людей было мало, села стояли редко, а городов было еще меньше. Зато из этих могучих лесов выходили многоводные реки: богатырь Днепр, матушка Волга, славный Дон. В этих лесных пустынях стояли огромные, глубокие, многоводные озера, в которых водилось многое множество рыбы: и большой и малой, и дорогой и дешевой. Все эти приволья, все эти уголья зависели от того, что много было лесов. С тех пор многое изменилось: народу стало больше, сел и гордоов прибыло, а ума у нас не прибыло: осталась прежняя беззаботность с обычными неумными поговорками: "Земля наша велика и обильна, по наш век достанет, а после нас хоть трава не расти!" Нечего сказать — умные речи!..

А между тем завелись везде фабрики, заводы, и прошли железные дороги, и все стали дружно истреблять леса, а воровство и лесные пожары помогали их истреблению. Только после этого хватились, что дело плохо. С истреблением лесов стало меньше падать рос и туманов, земля стала суше. С истреблением лесов снега не стали лежать подолгу и таять медленно, как это бывает в глухих лесных трупобах; снег ныне сносит в овраги; весной эти овраги бушуют и затем высыхают; от этого большие реки мелеют, пересыхают; суда, пароходы останавливаются. Прежде в лесных трупобах снег лежал и таял до Ильина дня, и реки питались постоянными притоками лесных ручьев и речек: теперь не то; сбегут все вешние воды в какой-нибудь один месяц, и большие реки обмелеют и ждут только дождей — дождей! А дождей год от году все меньше, потому что, бывало, лес привлекал к себе росы и туманы, а ныне голая земля, да еще песчаная не только не может привлекать, но и прямо втягивает в себя влажность и сушит воздух. Где были леса — остались пустыри, не годные даже для обработки под пашню, негодные под луга и покосы. Где были многоводные реки или речки — остались безводные суходолы, которые бушуют только три дня в году. Где были рыбные озера, остались сухие болота, ни к чему не годный кочкарник, на котором даже трава не растет, а только мох зеленеет. Переводятся звери, переводится лесная дичь, птица, переводится рыба — отчего? Все от истребления лесов. О дороговизне дров, о дороговизне построек уже и не говорю: каждый, особенно бедный человек, сам это хорошо знает. Как же после всего этого не сказать: чем губить лес, стройные березки рубить, постарайся каждый обсадить свой дом деревцами: березой, черемухой, калиной, рябиной — вот у тебя и будет все лето как бы Троицын день. А леса государственные, казенные, общественные надо беречь как можно заботливее: от них зависят дожди и росы, а стало быть и урожай наших полей и лугов; от них зависит и обилие нашего скота, рыбы и пчел. Не истребляй

даже и мелкий кустарник по берегам речек, напротив: где есть мало-мало пустопорожнее место, ложбина, овраг, везде старайся разводить деревья, где какие по месту удобнее и способнее. И место не пропадет, и глаза веселит, и пользу принесет. А в праздник Святой Троицы можно и ветками украсить свои жилища, чем губить молодые деревца. Ужели Богу приятно, чтобы мы губили Его создания без всякой нужды и без пользы для себя? И человеку жаль смотреть, как без дела срубают молодое деревцо...

619. О том, как изобретательны пьяницы

Чего-чего не придумает несчастный пьяница, чтобы только лишний раз выпить, лишний раз удовлетворить своей страсти? Пьет он и в будни, пьет и в праздник, пьет с горя, пьет и с радости; только и думает он о том, как бы и где бы выпить? К кому бы пойти, или, если есть на что угостить, то кого бы к себе пригласить?.. Жаль смотреть на такого человека, так и видно, что беспьянственный овладел его бедной душой и водит его, куда хочет... Но что сказать, если тот же бес овладеет не одним каким-нибудь человеком, а целым обществом, если целое общество будет придирается к каждому случаю, чтобы только выпить на мирской ли, или просто на чужой счет? К несчастью, у нас на Руси и это нередко бывает. Стоит повнимательнее присмотреться к нашим деревенским порядкам, и скорбно — скорбно станет на душе! При каких только случаях не бывает там пьянства! Ни в хозяйстве, ни в соседстве, ни в обществе почти никакое дело не обходится без вина. — Вот бедняк или горемычная вдова с сиротами просит земли понарезать. Пошли, нарезали, но всенепременно требуют водки с просителя!.. И пошла выпивка, разгул, потеря времени, упущение по хозяйству... И еще говорят в свое оправдание: "Нельзя, следует попотчевать мир..." А того и знать не хотят, что на эту попойку пойдут у бедного соседа или соседки, сироты-вдовы, может быть, последние, горевые, потом и слезами добытые гроши! Если уж людей не стыдится этот, величающий себя "православным", мир, то хотя бы Бога-то побоялся он: ведь Бог-то все видит, Он видит, как этот мир сироту или бедняка обидит...

Вот пошли сенокос или лес делить. Разделили по полосе; остается еще немножко — так, что на всех нечего делить, неудобно. Куда бы этот остаток девать? "Отдать кому-нибудь за водку и погулять сообща", решают любители водки. И не находится благоразумного человека, который пристыдил бы этих любителей, показал бы, как они нехорошо, недобросовестно поступают; — напротив, все охотно соглашается на их предложение и вот пошла пирушка! А почему бы не решить в подобном случае: отдать этот остаток на пользу бедных, или в пользу своего родного сельского храма, или на школу приходскую, словом: на какое-нибудь доброе дело? Так нет: этого и на ум не придет никому, а если бы и пришло, то осмеют только такого доброго человека, назовут святошей, и все же настоят на своем: непременно этот

остаток пропьют! — Любители водки так и высматривают случай: как бы с кого на водку и на попойку мирскую затребовать. Постановляют мирские приговоры, для всех обязательные, хотя и не всегда справедливые, в роде того, например, чтобы не работать в какую-то Ильинскую пятницу, которой ни в каком уставе церковном не найдешь, — и тот, кто осмелится нарушить мирской приговор, должен поставить "миру" водки ведро... И "мир" пьет за здоровье такого нарушителя "мирского приговора", и воображает, будто он дело Богу угодное делает: "Как же де не наказать человека, который работал в такой великий праздник?" Что это как не кощунство какое-то? Ужели поработать в такой день, которого сама святая Церковь не считает праздником, грешно, а пить водку, да еще чужую — дело доброе?.. О лукавство человеческое!.. Хотя бы спросили отца своего духовного: так ли они рассуждают? Не погрешают ли? Но им и на ум этого не придет спросить: а вот упустить случай к даровой выпивке — этого они никогда не упустят!.. Побранились два соседа, не поделили чего-нибудь между собой. Идут они на сход мирской, жалуются, просят рассудить их по правде, по совести. И судит их "мир православный", но как? Кто больше посулил ему водки, тот и прав. Да и с того, кого признают виновным, тоже требуют водки... И вот, на примирении двух враждующих начинается попойка, которая иногда кончается новой ссорой, новой враждой самих опьяневших примирителей... На что это похоже? У татар некрещенных, у жидов, у язычников этого не бывает, а у нас, к несчастью, это не редкость, — это у православных-то Христиан! Вот до какого позора мы дожили: правду стали менять на водку...

Но бывает у нас и еще хуже. Вот например крестьянин — один работник в доме, семья большая, дела у него дома, что называется — по горло, нужда одолела, — а его с намерением выбирают в какую-нибудь должность, например в сотские или десятские, в какие-нибудь рассыльные; хорошо знают, что он — смиренный небожий человек, что он не в состоянии будет отговориться, но и принять должность для него значит совсем разориться, остается одно: надобно выставить "миру православному" полведра, а не то — и целое ведро водки... И идет бедняга в корчемницу, несет туда иной раз последний мешок хлеба, чтобы угостить своих безжалостных односельчан-избирателей... Если уж так с людьми бедными поступают, то станут ли жалеть того, кто побогаче? Нарочито выбирают состоятельного человека на должность, для него неподходящую и нежелательную, чтобы только выжать от него лишнее ведро водки. И когда тот просит освободить его, то так прямо и объявляют: "Попотчуйешь, так, пожалуй, и отменим тебя!" А тот, кому хочется получить более видную и выгодную должность, например, сельского старосты или даже волостного старшины, тот и сам потихоньку, чрез своих благоприятелей, особенно чрез общественных крикунов и заправителей, заявляет, что он не прочь угостить мир и поставить вот столько-то водки, если его выберут. И такого охотно выбирают на желанную должность! Того ли ожидал от своих подданных покойный Царь-мученик, Александр Николаевич, когда даровал им свободу и право управлять собой? О, конечно,

ему, Царю-Освободителю, и на ум не приходило, что не совесть и правда Божия, а пагубная водка будет решать в деревне дела общественные, что освобожденные им крестьяне забудут, что они Христиане, и станут пропивать свое собственное счастье, будут менять на водку свою честь и совесть, за водку будут выбирать себе в сельские старосты и другие почетные должности не того, кто отличается умом и правдивостью, честностью и усердием, житейской опрятностью и христианским характером, а того, кто ищет должности лишь для своей же выгоды, который их же, своих избирателей, станет потом обманывать, притеснять, а нередко пожалуй и вовсе обирать, их же общественные гроши растрачивать... О водка, водка! Сколько зла творится из-за тебя на Руси-матушке! Сколько добра гибнет по твоей милости! Ведь добро-то так сродно, так любо и мило русскому сердцу православному! Ведь никто на свете не умеет так добра творить, так широко, такой щедрой рукой его рассыпать, как православный русский человек! И как много-много мешает этому добру эта водка злосчастная! Она встречает младенца у самой его колыбели: лишь только окрестили малютку, как уже начинается пир на радостях и нередко колыбель новокрещенного дитяти, охраняемая светлыми крылами Ангела Хранителя, уже оглашается пьяными песнями и сквернословием пирующих на его крестинах, и горько плачет Ангел Божий у колыбели младенца, взирая на сие великое безчиние!.. Водкой же ныне провожают и в могилу: бывало еще так недавно, каких-нибудь полсотни лет тому назад, грехом считали православные русские люди ставить водку на поминальных обедах, говорили: "Вино веселит человека, а теперь не до веселья, когда человек умер", — а теперь ни одни поминки не обходятся без водки, и как бывает горько видеть, что эти поминки обращаются в тризну языческую, и родные покойника, если сами не пьют, то вместо утешения в тяжелой скорби своей вынуждены бывают выносить грубости и неприятности от гостей своих, которые собрались под добрым предлогом — разделить скорбь их, а на деле — только бы выпить и напиться!.. Но кто же виноват? Конечно те, кто ставит водку на поминальную трапезу. Каждый сам хозяин в своем доме: не угощай, скажи, что совесть твоя не позволяет этого делать, вот к тебе и не пойдут такие гости, которые идут не погоревать с тобой, а только страсти своей пьянственной удовлетворить. Не велика беда, если даже и обранят тебя за такую "новость", на всех ведь не угодишь, а добрые люди, нет в том сомнения, только похвалят тебя, мало того: может быть, и сами возьмут с тебя добрый пример. Да и на одних ли поминках хорошо обходиться без вина? Сколько в году разных праздников, сколько на них выпивается водки! Сочти, умный человек: во что тебе обходятся все эти праздники? А много ли получаешь ты пользы от того, что каждый праздник расходуешься на водку? Уж конечно — никакой пользы нет, а вреда несомненно много-много. Есть праздники особые, которые установлены в некоторых селениях по особым случаям: в благодарность Господу Богу за избавление от мора, от язвы, от пожара, от скотского падежа. В такие дни берут святые иконы из сельской

церкви, приглашают священника с причтом служить молебен на полях и в домах своих, а потом... потом начинают пировать и пьянствовать... Ужели и это Богу приятная жертва? Не обманывайте сами себя, все вы, таковые богомольцы: Бог не только не услышит ваших благодарственных молений, но и прогневается еще за таковое поругание молитвы, когда вы ее мешаете с пьянством!.. Но довольно. Может быть, жестоко покажется иным слово мое против губительного порока пьянственного: что делать? Из наболевшей души вылилось оно... Разве не больно смотреть, как широким потоком разливается пьянство по Руси-матушке? Разве не горестно видеть, как оно еще даже ищет себе якобы законных оправданий каких-то, чтобы все шире, все беспрепятственнее разливаться по лицу бедной родной земли? О, да вразумит Господь всех пьющих и непьющих, как положить конец этому злу великому, как прекратить пьянство — окаянство на святой Руси!

620. Отеческие наставления святого апостола Павла (выписки из Священного Писания)

Братие! Настал уже час пробудиться нам от сна. Ночь прошла, а день приблизился (Рим. 13; 11,12). Вот теперь время благоприятное, вот теперь день спасения (2 Кор. 6; 2). Итак, отвергнем дела тьмы и облечемся в оружие света (Рим. 13; 12), чтобы нам можно было стать против козней дьявольских; потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных (Еф. 6; 12). Как днем, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пиروваниям, ни пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти (Рим. 13; 13). Очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святую в страхе Божиим (2 Кор. 7; 1). По данной мне благодати всякому из вас говорю: не думайте о себе более, нежели должно думать; но думайте скромно, по мере веры, какую каждому Бог уделил. Отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру. Будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте (Рим. 13; 9,10). Ничего не делайте по любопрению или по тщеславию, но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя. Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других (Флп. 2; 3,4). Отвергнув ложь, говорите истину каждый ближнему своему, потому что мы члены друг другу. Гневаясь, не согрешайте; солнце да не зайдет во гневе вашем. И не давайте места диаволу. Кто крал, впредь не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся. Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим. И не оскорбляйте Святого Духа Божия, Которым вы запечатлены в день искупления.

Всякое раздражение, и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякой злобой да будут удалены от вас; но будьте друг к другу добры,

сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас. Итак, подражайте Богу, как чада возлюбленные, и живите в любви, как и Христос возлюбил нас. Блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас, как прилично святым. Также сквернословие и пустословие и смехотворство не приличны вам, а напротив, благодарение (Еф. 4; 25, 6; 4). В скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны. Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинаяте. Будьте единомысленны между собой; не высокоумствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе; никому не воздавайте злом за зло. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию; ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь. Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напои его: ибо делая сие, ты соберешь на голову его горящие уголья. Не будь побежден злом, но побеждай добром зло (Рим. 12; 14, 16-21). И то уже весьма унижительно для вас, что вы имеете тяжбы между собой. Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? Для чего бы вам лучше не терпеть лишения? Но вы сами обижаете и отнимаете, и притом у братьев. Или не знаете, что неправедные царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники, царства Божия не наследуют. Бегайте блуда; всякий грех, какой делает человек, есть вне тела; а блудник грешит против собственного тела. Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога и в телах ваших, и в душах ваших, которые суть Божии (1 Кор. 6; 7-10, 18-20). — Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон. Ибо заповеди: не прелюбодействуй, не укради, не лжесвидетельствуй, не пожелай, и все другие заключаются в сем слове: люби ближнего, как самого себя. Любовь не делает ближнему зла; итак, любовь есть исполнение закона (Рим. 13; 8-10). Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, а сорадуется истине. Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает (1 Кор. 13; 2-8). Не будем же тщеславиться, друг друга раздражать, друг другу завидовать. Братия! Если и впадет человек в какое прегрешение, вы духовно исправляйте такового в духе кротости, наблюдая каждый за собой, чтобы не быть искушенным. Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов (Гал. 5; 26, 6; 2). Делая добро, да не унываем: ибо в свое время пожнем, если не ослабеем. Итак, доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче своим по вере (Гал. 6; 9, 10). Кто сеет скупое, тот скупое и пожнет; а кто сеет щедро,

тот щедро и пожнет. Каждый уделяй по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением; ибо доброхотно дающего любит Бог. Бог же силен обогатить вас всякой благодатью, чтобы вы, всегда и во всем имея всякое довольство, были богаты на всякое доброе дело, как написано: расточил, раздал убогим; правда его пребывает в век. Дающий же семя сеющему и хлеб в пищу подаст обилие посеянному вами, и умножит плоды правды вашей (2 Кор. 9; 6-10). Не судите (никак) прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит сокрытое во мраке, и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога (1 Кор. 4; 5). Кто ты, осуждающий чужого раба? Пред своим Господом стоит он или падает. И будет восстановлен; ибо силен Бог восстановить его. Все мы предстанем на суд Христов, и каждый из нас за себя даст отчет Богу. Не станем же более судить друг друга, а лучше судите о том, как бы не подавать брату случая к преткновению или соблазну. Если за пищу огорчается брат твой, то ты уже не по любви поступаешь. Не губи твоей пищей того, за кого Христос умер. Да не хулится ваше доброе. Ибо Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе. Кто сим служит Христу, тот угоден Богу и достоин одобрения от людей. Итак, будем искать того, что служит к миру и ко взаимному назиданию. Ради пищи не разрушай дела Божия. Худо человеку, который ест на соблазн. Лучше не есть мяса, не пить вина и не делать ничего такого, от чего брат твой претывается, или соблазняется, или изнемогает (Рим. 14; 4, 10, 12, 13, 15-21). Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть. Никто не ищи своего, но каждый пользы другого. Едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте во славу Божию (1 Кор. 12; 24, 31). Сильные должны сносить немощи бессильных, и не себе угождать. Каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию. Ибо и Христос не Себе угождал. Принимайте друг друга, как и Христос принял вас в славу Божию. Бог же надежды да исполнит вас всякой радости и мира в вере. Я уверен о вас, братия мои, что и вы полны благости, исполнены всякого познания, и можете наставлять друг друга. Умоляю вас, братия, остерегайтесь производящих разделения и соблазны, вопреки учению, которому вы научились, и уклоняйтесь от них. Ибо такие люди служат не Господу нашему Иисусу Христу, а своему чреву, и ласкательством и красноречием обольщают сердца простодушных. Желая, чтобы вы были мудры на добро и просты на зло. (Рим. 16; 18-19). Братия! Не будьте дети умом, на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетны (1 Кор. 14; 20). Вы храм Божий и Дух Божий живет в вас. Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят, а этот храм — вы. Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость сего мира есть безумие пред Богом (1 Кор. 3; 16-19). Итак, братия мои возлюбленные и вожделенные, радость и венец мой, стойте так в Господе, возлюбленные (Флп. 4; 1). Умоляю вас: подражайте мне, как я Христу. Будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспевайте в деле Господнем, зная, что труд ваш

нетшетен пред Господом. Все у вас да будет с любовью (1 Кор. 4; 16, 15; 58, 16; 14). Наконец, братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте. Чему вы научились, что приняли и слышали, и видели во мне, то исполняйте (Флп. 4; 8). Бог же мира сокрушит сатану под ногами вашими вскоре (Рим. 16; 20). Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Святаго Духа со всеми вами. Аминь. (2 Кор. 13; 13).

621. Юноша - пустыннолюбец

Благодать Божия, как нежная, любящая мать, дает новонаначальному подвижнику вкусить тех благ неизреченных, которые ожидают его по совершении подвига, — дает без всякой с его стороны заслуги для того, чтобы он знал, что получит по очищении своего сердца от страстей, и потому не ослабевал в борьбе с врагами спасения. И блажен, кто не был рабом своих страстей, кто сохранил непорочность детства в юности, и от юности взял крест свой, чтобы идти за Господом! Тогда как другие подвижники всю жизнь свою проводят в тяжелой борьбе со своими страстями, и благодать Божия действует в них сокровенно, лишь изредка утешая их сладостным ощущением своего присутствия, и снова скрываясь, дабы они не впали в высокое о себе мнение, — сей избранник благодати за свою детскую простоту, за чистоту своего сердца, незнакомого с грязью порока, скоро сподобляется благодатного покоя души. К числу таких избранников благодати принадлежал и преподобный Сергей. Варфоломей (так звали его в миру) был еще отроком, когда мысль его уже витала в дебрях пустынных. И вот, как только отошли к Богу его праведные родители-схимники, он поспешил в Хотьков, где смиренно подвизался его старший брат Стефан. Скромный, с детства привыкший подчинять свою волю воле старших, юноша Варфоломей и теперь боялся положиться на себя, и надеялся иметь в брате-иноке верного спутника и опытного руководителя на новом многотрудном жизненном пути. Остаться в Хотькове у него не было намерения, — его душа жаждала безмолвия пустыни: чем больше было в нем лишений, чем больше представляла труда одинокая жизнь пустытника, тем для него казалось лучше. — И вот, Варфоломей в Хотьковской обители. Он спрашивает брата идти с ним, искать места для пустынножительства. Стефан не вдруг решается на такой подвиг. Недавний мирянин, поступивший в монастырь не столько по влечению чистой любви к Богу, сколько потому, что его сердце, разбитое семейным горем, искало врачевания в тишине святой обители, он не думал принимать на себя подвиг выше меры своей, и желал проходить обычный путь монашеской жизни в стенах монастырских. Но Варфоломей просит, умоляет, и добросердечный Стефан уступает наконец неотступным просьбам любимого младшего брата и — "принужен

быв словесы блаженнаго" — соглашается. Братья оставляют гостеприимную обитель и идут в самую глушь соседних лесов... В те времена каждый, желавший уединенной жизни, мог один или с товарищем свободно идти в лес, на любом месте строить себе хижину или копать пещеру и селиться тут. Земли было много свободной, не принадлежавшей частным владельцам. Когда собиралось около пустынников несколько человек, то строили церковь, испрашивали у князя право на владение местом, а у местного святителя разрешение освятить церковь, и обитель основывалась. Но Варфоломей не думал строить обитель, не желал собирать около себя братию, — у него было одно заветное желание: укрыться навсегда от мира в глубине непроходимой чащи лесной, укрыться так, чтобы мир никогда не нашел его и совсем позабыл отшельника. — Долго ходили братья по окрестным лесам; наконец им полнобилось одно место, удаленное не только от жилищ, но и от путей человеческих. Это место было Самим Богом предназначено к устройению обители: над ним и прежде видали достойные люди — одни свет, другие огонь, а иные ощущали благоухание. Оно находилось верстах в десяти от Хотькова и представляло небольшую площадь, которая возвышалась над соседней местностью в виде маковки, почему и названа Маковицей. Глубокая дебрь с трех сторон окружала Маковицу: густой лес, до которого еще никогда не касалась рука человеческая, одевал ее со всех сторон сплошной чащей, высоко поднимая к небу свои тихо шумящие вершины... В окружающих эту возвышенность дебрях можно было найти немного и воды, хотя ходить за ней было и не близко. Любуясь первобытной красотой местности, говорит святитель Платон, Варфоломей представлял себе в мыслях земной рай, в котором жили праотцы рода человеческого в невинном состоянии, до грехопадения. Мы не можем представить себе того восторга, который наполнял тогда душу и сердце молодого отшельника. Наконец-то сбываются его заветные желания, его душевные мечты: вот она — давно желанная пустыня, вот он - дремучий лес! Мир со всей его суетой, с его житейскими тревожностями остался там, где-то далеко позади Варфоломея; отшельник более не вернется туда, — здесь он найдет свой покой, здесь поселится навсегда, будет беседовать с единым Богом, разделяя труды со своим родным не по плоти только, но и по духу братом!..

Горячо помолились братья на избранном месте пустынного жития; предавая самих себя в руки Божии, они призывали Божие благословение и на самое место своих будущих подвигов. Потом стали рубить лес; с великим трудом переносили они тяжелые бревна на своих, хотя и привычных к труду, но все же боярских плечах; мало-помалу редела чаща лесная, открывая место, на котором впоследствии суждено было Богом процвести славной Лавре Сергиевой. Отшельники устроили себе сначала шалаш из древесных ветвей, а потом убогую келлийку; наконец подле келлии поставили и малую церковицу. Все это было сделано руками самих братьев-тружеников; они не хотели приглашать посторонних людей, потому что телесный труд был

необходимым условием самой жизни подвижнической. — Когда церковь была готова к освящению, Варфоломей сказал Стефану: "По плоти ты мне старший брат, а по духу — вместо отца; итак скажи мне: во имя какого святого следует освятить нашу Церковь?" — "Зачем спрашиваешь меня о том, что сам лучше меня знаешь? — отвечал ему старший брат. — Ты помнишь, как не раз покойные родители наши говорили, что Сам Господь назнаменовал еще прежде твоего рождения — быть тебе учеником Пресвятой Троицы: пусть же церковь наша будет посвящена Пресвятому Имени Живоначальной Троицы; это будет не нашемышление, а Божие изволение". Вздохнул из глубины сердца юный подвижник и сказал брату: "Ты высказал господин мой, то самое, что давно было у меня на душе, чего я всем сердцем желал, но не дерзал высказать. Любезно мне слово твое: пусть эта церковь будет освящена во Имя Пресвятой Троицы. Ради послушания я вопрошал тебя; не хотелось мне иметь в сем волю свою, и вот Господь не лишил меня желания сердца моего!" Затем оба брата пошли в Москву, чтобы испросить благословение Всероссийского Митрополита Феогноста на освящение церкви. Святитель милостиво принял просителей и послал с ними священнослужителей, которые взяли с собой святой антиминс с мощами святых мучеников и все потребное для освящения храма. Церковь, по желанию братьев, была освящена во имя Пресвятой и Живоначальной Троицы. — Так скромно, по пустынному смирению было положено основание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, столько прославленной впоследствии именем преподобного Сергия! — Это произошло в 1340 году, уже при Великом Князе Симеоне Иоанновиче Гордом.

Какой несказанной радостью радовался юный подвижник наш, когда увидел освященным дом Божий. Теперь оставалось ему и самого себя всецело уготовать в жилище Духа Святого. И он, действительно, еще с большей ревностью стал подвизаться в посте и молитве, в трудах и терпении. Мира как бы вовсе не было для юного отшельника: он умер для мира и мир умер для него навсегда...

622. Наедине с Богом

Проста нас, преподобие отче Сергие, если мы дерзнем мысленно войти в твою пустынную, убогую келлию, чтобы грешным умом своим приникнуть в сокровенное святилище души твоей и утешить себя созерцанием незримых миру твоих подвигов!.. Ведаем, преблаженне и Богомудре, что недостойны мы сего дивного созерцания, что мало способны к тому и наши сердечные очи, страстями омраченные; но взирая на твою Христоподражательную любовь, уповаем, что ты, благоволивший в назидание присных учеников твоих поведать им многое из того, чему был один Бог-сердцеведец свидетелем в пустынном житии твоём, — ты, любвеобильный отче, не

изгонишь и нас, желающих собрать некие крупички сего брашна духовного, оставшиеся от трапезы учеников твоих, во утоление наших алчущих душ!..

"Вот он, — скажем словами приснопамятного святителя Платона, — вот он, подвижник наш, в сладком своем уединении, в убогой, но спокойной келлии, очи свои возводит всегда к Живущему на небесах, — очи, исполненные слезами покаяния!.. Мысль его беседует с Богом; язык прославляет Владыку всех; его сердце — жилище всякой добродетели, а потому и Духа Святого; руки же его служат его требованиям телесным... Он далек от всякой суеты и от соблазнов мира, работает Господу в приятном уединении, имея всегда ничем не смущаемые мысли, не обремененный заботами рассудок и спокойный дух... О дражайшее и любезное состояние!.. — Но прежде нежели Сергей достиг сего блаженного состояния, прежде чем вкусил он сладость пустыни — сколько браней должен был он претерпеть, сколько борьбы вынести!.. "Кто может поведать, — говорит его блаженный ученик Епифаний, — кто может поведать все уединенные подвиги сей твердой души, неусыпно соблюдавшей все требования устава подвижнического? Кто изочтет его теплые слезы и воздыхания к Богу, его стенания молитвенные и плач сердечный, его бдения и ночи бессонные, продолжительные стояния и повержение себя пред Господом? Кто сочтет его коленопреклонения и земные поклоны, кто расскажет о его алкании и жажде, о скудости и недостатках во всем, об искушениях от врага и страхованиях пустынных?" — Силен Бог и всегда готов на помощь призывающим Его: "Но испытавшие знают, — говорит святитель Филарет, митрополит Московский, — каким трудностям подвержена иноческая жизнь в совершенном уединении". Эти трудности столь велики, что неиспытанные их с трудом верят повествованию о них, а иногда и вовсе не верят, потому что в таком повествовании пред ними открывается совершенно иной мир, миру грешному вовсе неведомый... Радостно вступает в свой подвиг отшельник пустынный: никто не понуждал его к тому, горячая ревность к подвижничеству увлекла его в пустыню. Все скорби, все лишения для него вожделенны; его молитва изливается в слезах; он весь горит пламенным желанием божественным... Так бывает в начале подвига; но вот первый восторг проходит; дни, когда сердце полно горячей ревности и умиления, при которых так легки подвиги самоумерщвления, сменяются днями сухости душевной, тоски невыносимой: мысли не покоряются разуму и бродят повсюду; молитва не действует в сердце; сердце ноет; душа рвется бежать из-под креста и становится холодна ко всему духовному... А тут еще голод и жажда, холод, опасение за жизнь со стороны диких животных, или от скудости и беспомощности, и общее расслабление души и тела... Даже невинное, по-видимому, отдохновение и естественный сон — и те становятся врагами подвижника, с которыми он должен сражаться!.. А мир между тем манит его к себе воспоминаниями прошлого: ведь там ему так тепло и уютно жилось, ни в чем он такой, как теперь, нужды не терпел; ведь и там можно спастись: зачем этот подвиг выше сил? Зачем эта страшная пустыня со всеми

ее лишениями?.. Идти бы в обитель какую-нибудь, где добрые братья разделили бы с ним скорби его, помогли бы ему в борьбе со врагами и добрым советом и братской молитвой... Так мир и плоть пристают к отшельнику со своими требованиями, не говорим уже о грешных движениях сердца, когда точно буря поднимаются страстные порывы и гонят пустытника в мир, сожигая его внутренним пламенем... И если бы не благодать Божия, по временам утешающая подвижника своими прикосновениями к его страждущему сердцу, если бы не сила Христова, в немощи совершающаяся, то никто из пустытников не устоял бы в этой тяжелой непосильной для человека борьбе! — Но и это еще не все трудности пустынного жития. Уже и в то время, когда благодатные утешения изливаются в душу отшельника, в его сердце стремятся проникнуть помыслы услаждения подвигами, помыслы гордости, доводящей иногда неосторожных подвижников до грубого падения, или до помрачения ума Таким образом, для ревнителя жизни духовной, по мере преуспевания в ней открывается борьба уже не к плоти и крови, а к духам злобы поднебесной. "Как скоро, — говорит святитель Филарет, — сии невидимые враги примечают, что человек, оставив мир и презрев плоть, все более и более усиливается проникнуть в область духовную, к общению с небесными Силами и Самим Богом, то, чтобы воспрепятствовать ему, с невероятной дерзостью на него устремляются, так что не только издалека пускают в него разжженные стрелы противных помыслов, но, так сказать, вторгаясь в пределы его воображения и чувств, представляют ему странные образы и нелепые мечтания". Иногда сии мечтания бывают направлены к тому, чтобы прельстить подвижника ложным мнением о своей святости: вот тогда-то и нужно труженику спасения ограждать себя отовсюду Хриstopодражательным смирением и, по слову Христову, быть мудрым яко змию, дабы не погибнуть от хитрости змия, исконного человекоубийцы-диавола... Таков многотрудный подвиг отшельника. С весельем вступил Сергей в сей узкий путь. Подвизаться против плоти с ее страстями он обучил себя еще задолго до удаления в пустыню.

Возвышая дух свой Богомыслием, он укреплял и тело свое неустанными трудами. В зимнее время, когда самая земля расседалась от жестоких морозов, Сергей, точно бесплотный, оставался в одной обычной своей одежде, и претерпевая стужу, думал только о том, как избежать будущего огня вечного. Никогда, во всю свою жизнь, он ни на что не жаловался, ни на что не роптал, ни унывал, ни скорбел: нет, он всегда и всем был доволен. Поистине он мог с дерзновением повторить слово Апостола: мне мир распяся, и аз миру (Гал. 6; 14); благодатию Божией я так живу, как бы не имел ничего общего с миром. Это был истинный воин Христа Бога, облеченный во все оружия Божии против всех слабостей человеческих и искушений бесовских. — Особенно много скорбей и искушений претерпел он от бесов в самом начале своего пустынного подвига. Невидимые враги нередко принимали видимый образ страшных зверей и отвратительных

гадов, чтобы устрашить подвижников. С пронзительным свистом и зверской свирепостью, со страшным скрежетанием зубов устремлялись они на Сергия; но мужественный подвижник не боялся их суетных угроз, вспоминая слово Писания: не убоишися от страха ночного, от стрелы летящая во дни, от вещи в тьме преходящая, от сряща и беса полуденного (Пс. 90; 5,6). Пользуясь частым чтением душеполезных книг, знал он искусство духовной брани, которому один из опытных духовных воинов поучает, говоря: "Вооружайся молитвой и бей супостатов именем Иисусовым, и тогда придет к тебе Ангел Божий, добрый хранитель твой, и помолится с тобой" (Лествица). Крепкой, но смиренной, нерассеянной и слезной молитвой преподобный Сергий разрушал пустынные страхи и мечтания, как тонкую паутину. И Господь хранил его Своей благодатью, а он, видя над собой покрывающую руку Божию, день и ночь прославлял Господа. Сатана, этот "коварный старец", как называет его преподобный Варсанофий Великий, наученный тысячелетним опытом борьбы с христианскими подвижниками, видел, с каким мужем силы имеет дело, и потому все свои усилия направлял к тому, чтобы остановить подвижника в самом начале его подвига; но что все козни сатаны против благодати Христовой? Что все усилия бессильного в своей злобе врага против силы Божией? Мы знаем, что Сергий вышел победителем из этой борьбы и основал свою Радонежскую Лавру, которая стала матерью многих обителей — и в пустынях и в городах обширной Русской земли!..

623. Учители Богом званные и самозванные

Спаситель говорил о фарисеях: любят зватися от человек: учителю, учителю. И потом, обратясь к народу и ученикам Своим, сказал: вы же не нарицайтесь учителя: един бо есть ваш учитель Христос, вси же вы — братия (Мф. 23; 7, 8). Спаситель не говорит: пусть не будет между вами учителей, но не нарицайтесь учителя. Без учителей нельзя быть в Церкви: если должны в ней учиться истине и благочестию, то должны быть и учителя. Святой Апостол Павел прямо писал, что Бог положил в Церкви учителей (1 Кор. 12; 28). Значит — учителя от Бога. Не люди сами по себе придумали в Церкви учителей, — учителей Церкви поставляет Бог. Спаситель осуждает фарисеев за то, что они самовольно брали на себя звание учителей и величались этим званием. То же самолюбие гонит Он и из общества Своих учеников. Не нарицайтесь, говорит, учителя. Не восхищайте себе звания учителя самовольно, не вызывайтесь учить других, когда не призваны к тому; а когда и призваны, не гордитесь званием, которое принадлежит вам только по милости Христа, Который и есть на самом деле един ваш Учитель. — В Церкви Христовой, как в училище премудрости Божией, есть чему учить и учиться: в целую вечность не изучим всего, что открыто Сыном Божиим. Но истинно-духовные учителя, доколе могут, скрываются от людей, закрывая смирением и от себя и от других свою способность к учительству. Когда

призывают их к званию учительства, они умоляют с Моисеем: «избери могущаго иного, егоже послеши» (Исх. 4; 13); или говорят с Иеремию: «не вем глаголати, не умею говорить, не вижу в себе способностей наставника» (Иер. 1; 6). Вот самое главное отличие учителей истинных: они не ищут учительства, а уклоняются от него. Потому, если являются мнози учителя, если многие спешат самовольно и торопливо занять место учителей, — дело плохое. Не мнози учителя бывайте: кто своевольно ищет учительства, тот идет не путем истинных учителей, не путем рабов Божиих; ужели же сии искатели не желают быть рабами Божиими? Сохрани Бог! Осуждая самовольных искателей учительства, Апостол усиливает свое предостережение: не мнози, говорит, учителя бывайте, ведяще, яко большее осуждение пришем: «много бо согрешаем вси» (Иак. 3; 1). Вот, почему не должно искать учительства: учитель подлжит более строгому осуждению, чем ученик: большее осуждение пришем. Апостол говорит по искреннему убеждению в том, что кто бы ни был учитель Евангелия, он подвергается опасности тяжкого осуждения за свое дело и должен приступить к званию учителя со страхом и трепетом. Если же так думал о себе Апостол, что должны думать о себе обыкновенные учителя? — "Говорю, что думаю и чувствую, — пишет святой Иоанн Златоуст: — не думаю, чтобы нашлись между священниками многие, которые спасутся; напротив, гораздо более таких, которые погибнут, и это от того, что дело требует великой души". Учитель должен отвечать не только за себя, но и за учеников своих; с него спросят: не ввел ли он кого учением своим в ошибку и заблуждение? Не сказал ли лишнего? Не опустил ли нужного? Вовремя ли поспел на помощь? Не проповедовал ли своего учения вместо учения Христова? Не был ли примером соблазна, вместо того, чтобы быть примером добродетели? Он в сильной опасности тем более, что все мы, сколько бы ни были внимательны к себе, слабы, много грешим. Если говорим, что не имеем греха, то обманываем сами себя, и истины нет в нас (1 Ин. 1; 8). Если же и те, которые поставлены в учителя Самим Богом, если и те, которые очищены Его благодатию и ограждены послушанием закону избрания, должны быть в сильном страхе за себя, как же те, которых не посылал Бог учить, дерзают самочинно и самонадеянно выставлять себя наставниками Церкви? Как они, без всякого страха и опасения, принимают на себя право, какого им не дано? Как они до того самонадеянны, до того горды, что вовсе не думают о своей человеческой немощи, о своей склонности к ошибкам, заблуждениям, грехам? Долго ли им бедным до того, что своими нечистотами внесут они порчу в свое учительское делание? О, как бы им надобно помнить, что гордость, по которой они взяли на себя учительство, не обещает им ничего доброго? Удержится ли она от того, чтобы не вступать в споры с учителями, поставленными волей Божией? Самый темный невежа, но полный гордостью, считает себя умником первого сорта и других ставит ни во что. Гордость самозванного учителя может только разделять, а не соединять чад Церкви, заводить соблазны, смятения, расколы, ереси, к скорби Церкви Божией и в

оскорбление Господа, столько пекущегося о единстве Своего стада. Таковы были, таковы всегда будут дела самодельного учителя! Апостол Иоанн пишет: писал Церкви, но первенстволубец ил Диотреф не приемлет нас. Сего ради аще прииду, вспомяну его дела, яже творите, словесы лукавыми укоряя нас и не доволен бывая о сил, ни сам приемлет братию и хотящим возбраняет и от Церкви изгонит (3 Ин. 1; 9, 10). Смотрите, каковы подвиги страсти к первенству! Диотреф, о котором неизвестно, была ли в нем искра здравого понятия о вере и Церкви, не принимает Иоанна, возлюбленного ученика Христова, зрителя тайн Бога-Слова, великого пророка о судьбах Церкви новозаветной! Диотреф не уважает того, что писал избранный между Апостолами, осыпает его укоризнами, выгоняет из Церкви учеников его и запрещает другим принимать их... Видите ли, до чего может доходить гордость человеческая? Понимаете ли, какие бессмысленные беспорядки, какие богопротивные дела, какие нелепые нечестия совершает в Церкви желание быть первым по собственному счету? Вот что значит гордость, довольная собой! Она не хочет знать наставников, от Бога поставленных, кто бы они ни были! Не правда ли, что надобно твердо помнить заповедь Апостола: не мнози учителя бывайте? А у нас что бывает? Ученики, вместо того, чтобы принимать всякое слово учения, как земля принимает всякую каплю воды, — с важностью рассуждают: так ли говорит учитель? Кстати ли говорит? Не слишком ли строго? Не слишком ли мягко? Зачем о том, а не о другом говорит? Судите сами: ученики ли это слушают учителя, или судьи его полномочные? — Друг мой! Не вступайся не в свое дело; не учи учителя, как ему учить; смотри на себя самого, добрый ли ты ученик? Смотри на свое сердце: каково оно? Добрая ли земля, способная принять семя в глубину, или камень, едва прикрытый землей, или же и рыхлая земля, но засоренная дурными травами? Вот о чем надобно тебе заботиться; довольно для тебя труда, если займешься собой, как следует! — Ныне говорят: ты не ребенок, чтобы ходить тебе в школу, то есть, в церковь. Но в том-то и беда наша, что мы любим считать себя умными и зрелыми, любим зватися: учителю, но не любим быть учениками. Не того ожидает от нас Христос Господь. — Не нравятся учителя? Диотрефу не нравился и Апостол: но кто был виноват в том? Пусть осмотрятся, не находятся ли в числе Диотрефов? Ныне много является учителей и много недовольных отцами и учителями в Церкви. По духу мира, по духу гордости житейской, это понятно: там столько же учителей, сколько голов, кое-как мыслящих. Зато каких басней, каких лжей не услышите там? Какому нечестию не научитесь, если достанет охоты? Сохрани Бог каждого от такой науки: это не просвещение, а омрачение ума. Возможно ли совершенство без помощи Христа? В мире христианском велят изучать слово Божие при помощи людей опытных в жизни духовной, велят прислушиваться к их голосу, потому что они вразумляются Божией благодатию. Да и как полагаться на себя, когда знаешь немощь свою? Так, в мире христианском немного учителей, зато они все надежные, все знают одну истину, сами идут и других ведут по одному пути. Какое счастье —

быть учениками таких учителей! Мне скажут: ужели христианская вера позволяет только избранным для звания учителям наставлять других? Нет, скажем и мы, следуя слову Апостола: вразумляйте друг друга псалмами, словословием и песнями духовными (Кол. 3; 16). Только, как видите, это вразумления частные и братские, не облеченные правом власти, а внушаемые только любовью. — Итак, Бог поставил в Церкви учителей. Пусть люди не хотят слушаться Божия установления, но не может не слушаться его Церковь Божия. Горе мне, аще не благовествую (1 Кор. 6; 16). Пусть какой-нибудь первенстволюбец Диотреф не приемлет нас, пусть не принимают нас жалкие слушатели его: это их дело, за которое они расплатятся на суде Божиим. Церковь, по долгу любви, увещевает их к раскаянию: придите в себя, говорит она: расстаньтесь с гордостью, которая и Ангелов некогда претворила в духов тьмы, Богом отверженных. Не свои слова говорим мы, пастыри Церкви: говорим слова Апостола, что такие люди поступают по своим нечестивым похотям, отделяясь от единства веры (Иуд. 18). Аминь.

(Из слов Филарета, архиепископа Черниговского)

624. Равноапостольная Мироносица

Ни одна из святых Мироносиц не любила столько Господа и не была так предана Ему, как Мария Магдалина; потому и в Евангелии она всегда именуется первой между ними. По ревности к вере Христовой она трудилась в проповедании веры подобно Апостолам, и потому святая Церковь назвала ее равноапостольной. Родом она была из Сирии, а жила в Галилее, именно в городе Магдале. Судя по происхождению ее из Сирии и потому, что она некогда страдала беснованием, можно думать, не была ли она дочь той Сирофиникиянки, которая усильно просила Господа исцелить беснующуюся дочь ее и получила от Него похвалу за великую ее веру (Мф. 15; 22-28, Мк. 7; 25-30).

Некоторые думают, что она была та грешница, которая со слезами раскаяния лобызала ноги Иисуса и мазала их драгоценным миром (Лк. 7; 37). Но такое мнение, принятое у латин, не имеет основания; а если бы оно было и справедливо, то не должно унижать Магдалины; и Спаситель говорит: большая радость будет на небеси о едином грешнице кающемся, нежели в девяносто девяти праведниках, иже не требуют покаяния (Лк. 15; 7). — Магдалина была одержима страшным недугом, который в Евангелии называется беснованием, и от которого Спаситель исцелил ее, изгнав из нее семь бесов.

Ныне многие не верят, что злые духи существуют и могут иметь влияние на человека, а посему думают, что недуг беснования происходит и ныне бывает не от действия злых духов, а от телесных болезней; но с таким мнением нельзя согласиться, потому что слово Божие ясно и многократно свидетельствует об изгнании злых духов из людей. — Великое благодеяние,

оказанное Господом Марии изгнанием из нее бесов, произвело в признательном ее сердце такую любовь и приверженность к Спасителю, что она решилась посвятить Ему всю жизнь свою и при всяком случае показывала самое искреннее к Нему усердие. Иисус Христос, пришедший на землю взыскать и спасти погибших, всюду искал заблудших овец дома Израилева и для сего переходил из города в город, из веси в весь, переплывал моря и реки, восходил на горы, углублялся в пустыни, и Мария всюду Его сопровождала, хотя непрерывные путешествия, без сомнения, были тягостны для женской ее слабости.

Иисус Христос, нас ради обнищавший, не имел, где главу приклонить, терпел во всем крайнюю нужду, — и Мария усердно служила Ему именем и трудами рук своих. Иисус Христос, совершив дело Свое на земли, идет положить душу Свою за спасение мира, — и Мария следует за Ним на Голгофу, неутешно рыдает о Нем с женами Иерусалимскими, с трепетом взирает на Его распятие. Сперва она стояла со знакомыми Его издалеча, но потом, забыв всякий страх и повинувшись только влечению своего сердца, приблизилась к самому кресту Христову, сострадала Божественному Страдальцу в тяжкие минуты Его смерти и приняла последний вздох Его в свое сердце. Так-то любила она Спасителя! Ее любовь к Нему, по слову Писания, была крепка яко смерть (Песн. 11; 8, 6).

Нет, любовь Марии к Иисусу Христу была крепче смерти, она не ослабела и по смерти Его. Тогда, как все, и друзья и враги, оставили Распятого по смерти, тогда оставалась при Нем Мария Магдалина с одной из подруг своих. Она видела, как Иосиф и Никодим снимали со креста пречистое тело Иисуса; она сопровождала Его на место погребения; она смотрела и на то, где и как Его полагали. Если же сама не принимала участия в Его погребении, то это, без сомнения, произошло от чрезмерной скорби, которая так истощила ее силы, что она, по замечанию Евангелиста, не могла стоять, а сидела против гроба (Мф. 27; 61). Впрочем, она мысленно стремилась туда, где полагалось сокровище ее сердца — сладчайший Иисус, и потому, заметив, что Иосиф и Никодим, поспешая кончить Его погребение до наступления приближавшейся субботы, только обвили тело Его пеленами и осыпали благовониями, а не помазали оно ароматами, как то бывало при иудейских погребениях, немедленно решилась восполнить это опущение погребальных обычаев, а вместе оказать умершему Учителю последний долг усердия.

Проведши субботу в покое, по известному иудейскому обычаю, Мария Магдалина тотчас купила разных ароматов и на другой день но поутру, еще в сущей тьме, поспешила с ними ко гробу Спасителя в сопровождении некоторых подруг своих. Мрак ночи, уединенное положение гроба Господня, близость к нему страшной Голгофы, — ничто не могло удержать благочестивых жен. Они идут и только думают о том, как бы скорее помазать тело возлюбленного Учителя Мария Магдалина опередила подруг своих и увидев, что камень отвален от гроба, тотчас побежала к Иерусалим к

Апостолам Петру и Иоанну и сказала им в испуге: взяша Господа от гроба и не вем, где положиша Его.

Весть сия поразила Апостолов и они бросились ко гробу; туда же побежала и Мария. Но пришедши ко гробу, и увидев в нем одни пелены Спасителя и платок, бывший на главе Его, Апостолы возвратились к себе, дивясь бывшему. А Мария? Она не пошла с ними, но осталась при гробе, думала об Иисусе, и горько плакала о Нем. О, как трогателен сей поступок ее! Как умилительны ее слезы! В них ясно выразилась такая искренняя преданность Иисусу, такая нежная любовь к нему, какой не имели, кажется, самые усердные и любимые ученики Его. — Такую любовь и преданность Господь не мог оставить без награды и утешения. Так и было. Когда Мария стояла и плакала у гроба, ей вздумалось еще посмотреть: нет ли в нем где-нибудь тела Иисусова? Но проникши во гроб, она увидела в нем двух Ангелов, которые сказали ей: жено, что плачешься? Мария отвечала им то же, что и Апостолам: взяша Господа моего и не вем, где положиша Его. Сказав это, она обратилась назад и увидела Иисуса Христа, но не узнала Его, вероятно, потому, что по скромности и в унынии не смотрела Ему в лицо, или вид Его много изменился по воскресении, а, может быть, и одежда скрывала оный. Тогда Спаситель сказал ей: жено, что плачешь? Кого ищешь? Она же, будучи занята мыслью об Иисусе Христе и думая, что говорит с ней вертоградарь, отвечала Ему: Господи, аще Ты еси взял Его, повеждь ми, где еси положил Его: а аз возму Его. Тогда Иисус назвал ее по имени и сказал: Марие! Услышав знакомый голос, который как часто услаждал ее слух и сердце, Мария бросилась к Иисусу Христу и радостно воскликнула: Раввуни — Учитель! Господу, конечно, приятен был такой восторг любимой ученицы; но желая успокоить ее и скорее обрадовать чрез нее других учеников, сильно скорбевших о Нем, Он дружески сказал ей: не прикасайся ко Мне — оставь Меня, не у бо вздох ко Отцу Моему — Я еще не вознесся на небо и нередко буду с вами видеться; иди же ко братии Моей, и рцы им, что Я вскоре восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему. — Магдалина тотчас пошла и возвестила ученикам Христовым все, что видела и слышала; но ученики не поверили ей. Между тем она, взяв с собой другую Марию, мать Иакова, опять, в третий раз пошла видети гроб — посмотреть его. Может быть, в сем случае руководила ею и тайная надежда, не увидит ли она еще Воскресшего? Так действительно и случилось.

Пришедши ко гробу, святые подруги нашли там Ангела, который, уверив их в воскресении Христовом, велел скорее возвестить о нем ученикам Господа. Когда же они шли исполнить сие поручение, вдруг встретил их Сам Иисус Христос и сказал им: «радуйтесь». И желая более удостоверить их в Своем воскресении, Господь дозволил им то, от чего прежде удержал Марию — допустил их обнять Его ноги и поклониться Ему, яко Господу. Таким образом, Мария Магдалина, за горячую любовь свою к Спасителю, удостоилась двукратного явления Его и соделалась первой благовестницей

Его воскресния. Как должно было радовать ее это особенное благоволение к ней Господа! Какой новой горячностью к Иисусу преисполнилось ее любящее сердце!.. И подлинно, Мария Магдалина показала такое усердие к Воскресшему, какого не видим ни в одной другой Его ученице.

Подобно Апостолам, оставив все: и дом, и друзей, и отечество, она посвятила всю жизнь свою на благовестие Христово и огласила им не только Иудею, но и многие языческие страны. Она была и в Риме. Здесь нашла она доступ к самому Кесарю Тиверии и, поднеся ему красное яйцо, прекрасный образ возрождения к жизни, сказала ему в приветствие: Христос воскрес! Она подробно возвестила Кесарю все дела и учение Господа, показала Его невинность и ясно обличила неправедных судей Его, а чрез то возбудила в Кесаре сильный гнев на Пилата и Каиафу, которые и получили праведное воздаяние за нечестивые дела свои.

Можно думать, что на сей подвиг Магдалины указывает Апостол Павел в своем послании к Римлянам, когда говорит: «целуйте Мариам, яже много трудися о нас» (16; 6). Из Рима святая Магдалина отправилась с благовестием в другие места и наконец прибыла в Ефес к Иоанну Богослову, к которому влекла ее одинаковая любовь их к Спасителю. Здесь она мирно и преставилась ко Господу. — Братия и сестры о Господе! Подражайте ей в Христианских добродетелях. Подражайте ей вы, сестры о Господе: ибо она была подобострастная вам жена. Подражайте ей и вы, братия: ибо стыдно для мужей уступать женам в добрых подвигах. Подражайте ей все: ибо это для всех возможно и душеспасительно. Мария Магдалина, находясь в тяжком недуге, просила помощи у Господа и получила от Него чудесное исцеление: и вы прибегайте к Нему молитвенно во всех ваших нуждах, и получите благодать во благовременную помощь.

Мария Магдалина в благодарность за сие великое благодеяние совершенно посвятила себя на служение Господу: и вы будьте верными Его рабами. Мария Магдалина всюду за Ним следовала и была усерднейшей Его ученицей: и вы неуклонно следуйте стопам Его, усердно внимайте Его слову и тщательно исполняйте Его святые заповеди. Мария Магдалина помогала Господу именем и трудами рук своих: и вы то же делайте, если не лично Ему, что теперь невозможно для вас. то Его Церкви, которую Он именует Своим телом, и меньшим Его братьям — бедным людям. Каждая лепта, употребленная в их пользу, каждая кроха, им поданная, будет иметь великую награду от Господа, ибо Сам Он говорит: «что сотвористе единому сих братьев Моих меньших, Мне сотвористе» (Мф. 25; 40); Мария Магдалина сопровождала Господа на Голгофу, взирала на крестные Его страдания и как бы распиналась с Ним от скорби: и вы, братия и сестры, чаще переноситесь мыслью на Голгофу, чаще представляйте себя при подножии креста Христова, и размышляйте о том, что претерпел Сын Божий грех наших ради, плачьте о самих себе, рыдайте о грехах ваших и страшитесь снова распинать ими Господа. Мария Магдалина приходила к Спасителю с ароматами, а не нашедши Его во гробе, всюду и усердно искала Его, доколе не удостоилась

узреть Его по воскресении. И вы прибегайте к Нему с духовным фимиамом — со святыми молитвами, и вы ищите Его мысленно всюду: и в храмах Божиих, где Он благодатно присутствует в своих таинствах, и в видимой природе, где Он открывается Своим могуществом и благодатию, и в собственном своем сердце, где Он отзывается во глазе нашей совести. Стремитесь к Нему духом на небо, где Он сedit одесную Бога Поступая так, вы некогда сподобитесь узреть Его лицом к лицу на небесех. Мария Магдалина открыто пред всеми исповедала себя ученицей Спасителя; не стыдитесь и вы показывать себя всегда и во всем истинными учениками Господа, не страшитесь укоризн и осмеяний, коим сыны века сего подвергают хотящих благочестно жить, и старайтесь распространять благочестие среди детей, друзей и домочадцев ваших. Потщимся, братия, во всем этом подражать святой Марии Магдалине, а ты, равноапостольная, подкрепи нас в добрых подвигах дарованной тебе благодатью! Аминь.

(Из "Бесед " Платона, митрополита Киевского и Галицкого)

625. Сказание о чуде, как святой Архистратиг Михаил избави отрока от потопления

Во дни благочестивых царей Болгарских бе некий нарочитый муж богат и славен, зовомый Дохиар, от палаты цареви. Сей некогда пришел в страх Божий, восхоте быти инок и, взем множество злата от сокровищ своих, поиде во Святую Гору посетити монастыри и поискати себе места такова, в немже бы ему благоугодно было вселитися. Обшед убо многая монастыри и многую милостыню дав, идяше от лавры блаженного Афанасия по берегу моря, еже от Солуня, и обрете место зело красно, воды сладки имущее. Возлюбив убо то место, умысли вселитися на нем и монастырь создати, и вскоре желаемое соверши: первее церковь прекрасну во имя святого архиерея Николая воздвиже, таже монастырь стенами каменными огради, и вся по чину, якоже подобает, устроив, и сам в нем во иноческий облечеса образ. Но многого ради строения иждивену (издержал) бывшу всему сокровищу его, не доста злата, во еже украсити церковь подобающим благолепием, обаче име надежду на Бога, глаголя: "Аще восхоцет Бог прославити место сие, то имиже весть судьбами, промыслит о украшении церковном, Его воля да будет". Есть же остров противу Святыя Горы, Луг именуемый, к немуже чрез море путь единого дне: тамо пастуси живяху со скоты, яко злачно место то (приятное), и пажить скотом добра. Бе же во острове том столп каменный, на месте пуста, зело высок, на столпе же идол и написание еллинско сицево (таково): "Всяк, иже ударит мя во главу, обрящет злата множество". Того ради мнози покушахуся уведати, аще истинная есть вещь, и бияху в главу идола, но ничтоже обретаху. Случися же некоему отроку пасти вола близ столпа того, той прочет написанная на столпе словеса, ударяше идола во главу, якоже и прочии, да обрящет злато, обаче ничтоже обрете. Таже

помысли быти сокровищу в земли сокровену, и заходящу солнцу, смотряше идеже стень (тень) столпа того скончавашеся, и тамо, верху главы идоловы, стению изобразуемая, копаше землю, ищя сокровища, и не обрете. Таже возсиявшу солнцу, паки смотряше, идеже стень столпа того скончавашеся, и тамо копати нача. Копаящу же ему, услышася звук некий на месте том, и поразумев, яко тамо есть сокровище, нача прилежнее копати, и обрете камень жернов велик, яко немощи ему подвигнута его. Простер же руку сквозь скважню камене, обрете злата много, и недоумяше, что сотворите, глагола бо в себе: "Аще повем кому сокровище сие, то боюся, да не убьет мя злата ради". Бог же, послушав молитвы предреченного старца, и промышляя о украшении святого храма, вложи во ум отроку, да идет во Святую Гору к единому от монастырей, и повесть игумену о обретенном сокровищи, еже и сотвори: взял неколико златниц, на извещение обретенного сокровища, прииде в село близ моря лежащее, и наят человека, да привезет его к Святой Горе. По Божию же смотрению приста в пристанищи прежде помянутого новосозданного монастыря, нарицаемого по имени строителя своего Дохиар. Человек, убо превезый отрока, возвратися к селу своему, а отрок поиде к монастырю и, видев игумена, поведа ему вся подробну о обретенном сокровищи. Игумен же, разумев, яко Божие есть дело, призвал трех иноков и, сказав им поведанную от отрока вещь, посла их с ним, да принесут в монастырь обретенное злато.

Они же скоро шедше, сядоша в ладью, и приставше к острову тому, достигоша столпа оногo и сокровища, и отваливше жерновый камень, обретоша котел исполнен злата, и возрадовашася о нем зело. Ненавидяй же добра враг всея в сердце мысль неприязненну единому от иноков тех, и рече той к другому иноку: "Брате, кая есть нужда, да несем ко игумену обретенное злато; Бог нам посла сие, да сами себе сотворим жилища и монастырь воздвигнем". Он же рече: "Како убо возможем утаити сие злато?" Отвеща той: "В нашей воли есть сие, можем бо отрока воврещи (бросить) в море, и не будет никогоже свидетельствующа на нас". И сице (так) совещавшеся, сказаша совет свой третьему иноку. Он же, имея в себе страх Божий, рече к ним: "Ни, братие, не держайте сего сотворити, и не погубляйте отрока, вкупе же и души своя злата ради". Они же не послушающе его, нудиша много (принуждали), да пристанет к совету их, наконец реша: "Аще не будещи с нами за едино, то и тебе со отроком погубим". Видев же брат непреложное их злое намерение, убояся, да не и он погублен будет от них, того ради рече им: "Аще вам сице изволися, творите еже хотите, вы узрите: аз же кленуся именем Божиим, яко никомуже о том повем, и ни злата требую". И тако клятвою утвердив, молчаше. Они же, взявше злато и камень той, имже злато покровено бе, внесоша в ладью, таже, вседше со отроком, начата к монастырю плыти. Бывше же посреде пучины, нападоша на отрока, и начата обещати камень на выю (шею) его. Он же, видя, еже хотят ему творити, нача с плачем и рыданием молити их, да не погубляют его: обаче (однако) ничтоже успе. Окаяннии бо тии черноризцы, окамененное имущее сердце и

златолюбивую душу, не убоюшася Бога, ни умилишася, зряще отроческия слезы, и не послушаша прилежного его моления, но, взявше его, с камнем ввергоша в море, и абие (сразу) погрязе в пучине. Бе же ночь, егда таковое злодеяние от безбожных тех человек совершашеся. Милосердый же Бог с высоты смотревый на горькое рыдание отрока, и неповинное его потопление видяй, посла хранителя рода человеческого, святого Архистратига Михаила, да от дна моря взявши потопленного, принесет его жива в церковь. И бысть тако: внезапно бо обретесе отрок в церкви близ святых трапезы со обещанным на выи его камнем. Приспевшу же часу утрени, вниде еклисиарх (ключарь церковный) в церковь, яко да возжжет свечи, и услыша глас во олтаре, яко глас человека стеньша, и убоюся зело: тек же возвести игумену. Игумен же страшлива и малодушна его нарек, паки отсла в церковь. Он же, вшед вторицею, той же глас слыша, и паки тече ко игумену. Тогда иде игумен с ним в церковь и, слыша глас отрочь, вниде в олтарь, и узре отрока, лежаща близ святых трапезы, и камень на выи его, и вода морская течаше от одежды его. И познав его, вопроши: "Что случися тебе, чадо? И како zde пришел еси?" Он же, яко от сна возбудився, рече: "Лукавии онии иноцы, ихже послал еси со мною по обретенное злато, тии, привязавше камень сей на выю мою, ввергоша мя в море, и, погрязши аз во глубине на дно, узрех два человека, светоносна якоже солнце, и слышах их, беседующих к себе. Рече же един ко другому: «Архангеле Михаиле, принеси сего отрока в монастырь, Дохиар глаголемый». Сия аз слышав, абие начах нечувствовати себе, и не вем, како zde обретохся". Игумен же, послушав глаголемых от отрока, удивляшеся зело и прославляше Бога, дивная и преславная чудеса творящаго. Таже рече ко отроку: "Пребуди, чадо, на месте сем до утрия, дондеже (до тех пор, пока) обличена будет злоба". И изшед, затвори церковь, и еклисиарху запрети, да никомуже что поведает, а утреню повеле пети в притворе. Еклисиарху же глаголя: "Аще кто речет, что се новое; почто не в церкви, но в притворе утреня поется, отвещай, яко отец сице повеле". Тако заповедавши еклисиарху, игумен отъиде на столп верху врат, стрещи прихода скверных тех убийцов. Бывшу же утру, се грядяху к монастырю убийцы онии, а злато негде в ином месте скрыша. Видев же их игумен, изыде с прочиими братьями в сретение им и вопроши их, глаголя: "Что се есть? Четыри вчера отъидосте, а ныне три возвратистесь? Где убо есть четвертый?" Они же, яко гневающеся, рекоша: "Отче, и тебе и нас прельсти отрок, поведавый, яко обрете сокровище; не показа бо нам ничтоже, ибо и сам ничтоже вест, того ради усрамився нас, скрыся; мы же, искавше, его не обретохом, и единии возвратихомся к тебе". Игумен же рече: "Воля Божия да будет". И тако внидоша в монастырь, приведе же их в церковь, идеже юноша оный лежаше, еще воде текущей от одежды его, и показа им его, глаголя: "Кто есть сей?" Они же, ужаснувшеся, яко изумлени (как лишенные ума) стояху, не могуще ничесоже отвещати на мног час. Последи (после) же и не хотяще, исповедаша свое злое дело, и обретенное злато где скрыша сказаша. Игумен же вернейшую братию послав, принесе е в монастырь, и слышано бысть сие

преславное чудо во всей Горе Святей, и стекошася вси иноцы от всех монастырей на видение того чудесе, и собор составиша, и преименоваша церковь тую во имя святого Архистратига Михаила, а во имя святого чудотворца Николая иную церковь создаша. Лукавых же тех двух убийцов прокляша, и от обители изгнаша; а третияго, иже злодеяния отвратися, неповинна сотвориша. Отрок же той, избавленный от моря, во иноческий одеявся образ, добр бысть подвижник и искусен инок. Игумен же тем обретенным златом церковное все благолепие сооружи, и камень оный, с нимже юноша в море ввержен бысть, в стену водрузи к ведению всем. Преставльшуся же игумену тому, вместо его поставлен бысть избавленный от моря, богоугодно же и той пожив, преиде ко Господу, носимый руками святого Архистратига Михаила, имже первее от моря в церковь принесен бысть. О всех же сих славим Отца и Сына и Святаго Духа, и святого Архистратига Михаила величаем во веки, аминь.

(Из "Четии Миней")

626. Не бойся: Я с тобой!

Бывает, что мать утешает свое плачущее дитя и говорит ему: не бойся, я с тобой! Вот так же и милосердный, человеколюбивый Бог, наш Создатель, Отец щедрот и Бог всякой утечи, говорит всякой верующей душе, которая находится в искушениях и напастьях, скорбит, сетует и боится: Не бойся, говорит ей Господь: Я с тобой! Я твой Создатель, Я твой Искупитель, Я твой Спаситель, Я твой Помощник и Заступник, Я, Который в руке Своей все содержу и Которому все повинуется, — Я с тобой! «Рече Сион; остави мя Господь, и Бог забы мя. Еда забудет жена отроча свое, еже не помиловати исчадия чрева своего? Аще же и забудет сих жена, но Аз не забуду тебе, глаголет Господь» (Ис. 49; 14, 15). «Аще преходиши сквозь воду, с тобою есмь, и реки не покрывают тебе; и аще сквозь огонь пройдеши, не сожжешися, и пламень не опалит тебе. Яко Аз Господь Бог твой Святыи Израилев спасающаи тя» (43; 2, 3).

Так был Господь с верным Своим Ноем, и сохранил его от всемирного потопа. Был с верным Своим Лотом, и сохранил праведника от казни содомской. Был с рабами Своими Авраамом, Исааком и Иаковом, сохранил их на земле странствования их, как написано о них: «не остави человека обидети их, и обличи о них цари; не прикасайтесь помазанным Моим, и во пророцех Моих не лукавнуйте» (Пс. 104; 14,15). Был со Иосифом, и в нашедших ему искушениях и страданиях сохранил его и прославил. Был с Израильским народом в Египте, почему и говорил: «видя видех озлобление людей Моих, иже во Египете, и вопль их услышал» (Исх. 3; 7). Был с тем же Израилем во время исхода его из Египта, и разделил ему Чермное море, и провел его посреди вод, и спас от Фараона мучителя. Был с тем же Израилем в пустыне, и питал его чудесной манной, и поражал пред лицом его врагов

его, и ввел его в гору святыни Своей. Был с тем же народом и в земле Обетованной, и спасал его, как поет пророк: «аще не Господь бы был в нас, да ренет убо Израиль, аще не Господь бы был в нас, внегда востати человеком на ны, убо живых пожерли быша нас» (Пс. 123; 1, 2). Был с Давидом помазанником Своим в различных искушениях и гонениях, и сохранял раба Своего от врагов его. Был со Ионой во глубине морской, и сохранил его во чреве китове, и избавил его от зверя морского. Был с тремя отроками в печи вавилонской, и угасил им силу огненную, и научил их петь благодарственную песнь. Был с Даниилом в рове, и заградил уста львов, и избавил его оттуда. Был с Апостолами, был с мучениками, и сохранил их посреди ужасных мучений. Был с пустынниками, жившими в пещерах, в вертепах и пропастях земных, и сохранил их от козней вражих. Был и есть и будет до скончания века с верными рабами Своими, по неложному Своему обещанию: «се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века, аминь» (Мф. 28; 20). — О Божественного, о любезнаго, о сладчайшаго Твоего гласа!

С нами бо неложно обещался еси быти до скончания века, Христе, Егоже вернии утверждение надежды имуще радуемся. Вот почему верные рабы Его, ощущая присутствие Его и живое утешение, дерзают, восклицают и поют песнь в радости духа: Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбех, обретших ны зело. Сего ради не убоимся, внегда смущается земля и прелагаются горы в сердца мирская, Господь сил с нами, заступник наш Бог Иаковль (Пс. 45; 2, 3, 12). «Аще и пойду посреде сени смертных, не убоюся зла, яко Ты со мною еси», Боже (Пс. 22; 4). «Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся? Господь защититель живота моего, от кого устрашуся?» (Пс. 26; 1).

Смотри, христианин, сам-то ты будь только Божий, а Бог Своего не оставит. Веруй сердечно в Него, яко в Бога, угождай Ему верой и правдой; всю надежду свою на Него возлагай, и от сердца призывай Его, Он — близ тебе есть, с тобой есть, спасаяй тя Святыи Израилев. И где бы ты ни был, в каком бы искушении или скорби ни находился — Он всегда с тобой, и смотрит на подвиг твой, и невидимой рукой укрепляет тебя и помогает тебе, и хотя бы все злые люди восстали против тебя, и бесовские полки окружили тебя — ничего не успеют. «Господь сохранит тя, Господь покров твой на руку десную твою. Во дни солнце не ожжет тебе, ниже луна нощию. Господь сохранит тя от всякаго зла, сохранит душу твою Господь. Господь сохранит вхождение твое и исхождение твое от ныне и до века» (Пс. 120; 5, 8). — «Не остави мене, Господи Боже мой, не отступи от мене, вонми в помощь мою, Господи спасения моего!» (Пс. 37; 22, 23). Господи сил, с нами буди, иного бо, разве Тебе, помощника в скорбех не имама: Господи сил, помилуй нас!..

(Из "Сокровища Духовного", святителя Тихона Задонского)

Где ты, Господи?

«Аз с вами есмь до скончания века» (Мф. 28; 20)

Где же Ты, Господи?.. А мы-то ищем Тебя так часто: так много горя на свете!.. Вот, например, говорит один несчастный человек: "Был я богат, теперь все потерял и стал почти нищим; с богатством потерял и друзей; по обычаю они меня оставили; родственники меня бегают: я стал им в тягость; знакомые жалеют обо мне и твердят мне о своем сожалении, но лучше бы не говорили... Мои враги — одни и до сих пор не перестают гнать меня, другие довольствуются презрительной улыбкой, но лучше б по-прежнему гнали меня..."

День и ночь постоянно должен я трудиться, чтобы добыть себе кусок хлеба насущного, чтоб не протягивать руки за подаянием, а тут эта болезнь: с головы до ног все болит, столько времени вот уже не встаю я с постели. Во все это время занимаюсь я одним делом: думаю о своем положении... думаю, думаю... А что — тут, на сердце? Боже мой, Боже мой!"

"А я вот, — говорит другой, — грешный человек. Давняя худая склонность мало-помалу наконец превратилась во мне в страсть. Теперь я уже не могу ей противиться. Иной раз я не думаю об этом вовсе и грешу хладнокровно; но иной раз совесть так грызет, на душе так тяжело бывает, так нестерпимо тяжело... Я делаю дурно, — это я знаю и чувствую: люди имеют право указывать на меня пальцами, — и это я знаю. Господь смотрит на меня с гневом и жалостью, — и это я знаю... Я сам часто стыжусь и презираю себя... И при всем этом однако ж, закон, сущий во удах моих, противуовет закону ума моего и пленяет меня законом греховным.

После всего этого однако ж я, как пес, можно сказать, возвращаюсь на свою блевотину... Иной раз я готов бываю бежать от себя самого. Но куда и как бежать?! Или уж обречь себя в жертву беззаконию, в жертву диаволу и погибели, и перестать думать об этом?.. Эти сети опутали меня слишком крепко, мне не выпутаться самому... Что мне делать? Боже мой, Боже мой!.. Где Ты?"

И без тяжких грехов, и без больших несчастий мы все довольно грешны, довольно несчастны. Эти ежедневные неприятности, эти несбывшиеся надежды, эти непрерывные утраты — с одной стороны, а с другой — эти непрерывные ошибки, погрешности, грехопадения, эти частые несправедливости наши в отношении к нашим ближним, это вечное самолюбие, эта постоянная холодность в отношении к Богу: так мало мы думаем о Нем, так мало делаем Ему угодного, так часто забываем о вечности...

Кто из нас скажет о себе, что он стоит на надлежащей дороге, на которой должен стоять человек и христианин? Кто скажет о себе, что он спокоен и доволен собой и своей судьбой? Оттого-то часто бывают минуты, когда нам все на свете немило. Посмотришь на мир Божий — он ничего нам не дает или дает только для того, чтобы отнимать и раздражать нас; посмотришь на людей — Господь с ними, мы сами не лучше их. Посмотришь на себя — в себя самого заглянешь — там так пусто, так мрачно... Суета суетствий и всяческая суета и крушение духа!.. Кто даст мне криле, яко

голубине, да полечу и почию? Боже мой, Боже мой! Где же Ты, где Ты, Господи?..

«Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века: аминь. Ищите и обрящете!..»

Кто в скорби душевной хочет искать Господа, знай прежде всего, что, по слову Апостола, «Господь близ» (Флп. 4; 6). Господь недалече от каждого из нас (Деян. 7; 27). Только поищи Его прилежно и там, где должно искать. — Прежде всего, по заповеди Господней, затворись у себя дома, в своей клети, и помолись Небесному Отцу втайне. Не бойся: Господь увидит, услышит твою тайную молитву, и воздаст тебе яве. — Или лучше — приходи в дом Божий: не выдвигайся там вперед: здесь будет тревожить тебя человеческое любопытство; стань там, где-нибудь в уголке, с благоговением припади к земле и скажи: "Господи! Я искать тебя пришел сюда. Прискорбна есть душа моя!" «Идеже два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их» (Мф. 18; 20). Господь есть здесь несомненно: Он скажется и твоему сердцу — несомненно. — или если ты человек не без состояния, иди искать Господа в тюрьму, в больницу, в бедную хижину, где царствуют или голод и нищета, или болезнь, или уныние душевное, или все это вместе; подай руку помощи несчастному: помни, что милуяй нища взаим дает Богу, что творишь ты единому от малых сих, то творишь Господу, — вместе с бедняком протянет к тебе руку Сам Господь, одну протянет, другой благословит. — Или, если ты малодушествуешь, если совесть твоя мятется, ступай к твоему духовному отцу, скажи ему: "Отче! Бог есть — этому я верую; но что же мне делать? Я несчастный, я грешный человек, ищу Бога и не нахожу, зову о помощи и не получаю помощи... Такие тяжкие минуты находят на меня, минуты уныния и маловерия: утешь меня, отче, вразуми, прости..."

И когда отец духовный поднимет над твоей главой благословляющую руку, вместе с тем благословит тебя и разрешит Сам Господь. — Этого мало?

Опять иди в храм Божий. Когда отверзаются здесь двери и служитель Божий возглашает: со страхом Божиим и верою приступите, — кланяйся: ты видишь пред собой Самого Христа; или приступай к Таинам — ты примешь в себя Самого Христа с Его человечеством и Божеством. Говори: верую, Господи, помози моему неверию!.. И Сам Господь ответит твоему сердцу, ответит настолько, что в этом совершенно убежден будешь, что Христос Спаситель и по вознесении живет не только на небе, но и на земле, что мы можем и видеть Его, и слышать Его слово, и осязать Его, и даже принимать Его в себя, в свое сердце, — что слова Его не ложны: «е стою при дверех и толку: аще кто услышит глас Мой, и отверзет двери, вниду к нему, и вечеряю с ним, и той со Мной» (Апок. 3; 20). «Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века». Аминь.

(Из поучений пресвятого Никанора, архиепископа Одесского)

627. Кто обитает в жилище Божьем?

Придите, взыдем на гору Господню и в дом Бога нашего, и узрим славу преображения Его, славу яко Единородного от Отца.

С радостью слышим от тебя, мать наша Церковь, сей столь вожделенный и сладкий нам глас твой; с благодарностью приемлем сие твое напоминание, скорыми являемся на исполнение твоего повеления. И кто же бы не рад был смотреть на столь преславное видение? Кто бы не пожелал иметь крылья голубиные, чтобы мог взлететь на ту гору, ради которой другие горы взыгралися яко овни, и холми яко агнцы овчии? На ту, говорю, гору, которая стала вторым небом ради показанной на ней славы небесного Царя? Кто бы, и еще повторяю, не пожелал стать на той преславной горе Фаворской, на которой стояли пресвятые стопы Христа Спасителя нашего, в том самом виде и подобии, в котором Он придет судить живых и мертвых? Кто бы не рад был слышать Его беседующего не о суде и наказании, но о безмерном и предивном милосердии? Кто бы не хотел видеть тех мужей, с которыми сей всемогущий Царь имел собеседование? Узрел там великий верой Моисей теплое в вере Петра; узрел подъятый колесницей и конями огненными яко на небо и смерти доселе непричастный Илия, — того, кто, возлегши на пламенные перси Христа Бога, огненными крилами богословия воспарил превыше небес, разумею девственника Иоанна. Кто бы не пожелал созерцать их прелюбезное свидание, кто бы не возжелал утолить своей жажды той небесной сладостью, вкусив которой, верховный Апостол Петр воскликнул: Господи, добро есть нам zde быти!.. Не ведаешь и сам ты, Петре, яже глаголеши, не ведаешь, соделавшись как бы упоенным, ибо упоила тебя и одна капля оной небесной сладости, которую вкусил ты. Но Господь призывает тебя к самому Источнику бессмертного наслаждения, которого не достигнешь иначе, если, по вкушении сей теперешней сладости, не вкусишь плода крестного. Не ведаешь ты, что говоришь, ибо хочешь почить прежде окончания труда, хочешь торжествовать прежде одержания победы. Тебе надлежит прежде, говорит тебе Учитель твой, отвергнуться себя, взять крест свой, подъять за имя Мое страдания и смерть, а потом уже почиешь и не с одним только Моисеем и Илиею, но с бесчисленным множеством святых, в оных многих обителях Отца Моего Небесного. — Но кто же, Господи, кто обитает в жилище Твоем, или кто вселится во святую гору Твою? — Ходяй непорочен и делаяй правду. "Только овцы, — говорит святой Иоанн Златоуст, — могут обитать во дворе доброго небесного Пастыря, а волки не могут". Не обитает там, в оном граде небесном, Каин, который с Богом и ближними своими обращается не по совести и преследует из зависти брата. Не обитают его потомки, которых святое Писание именует сынами человеческими, исполинами, процветающими в силе, славе и могуществе мирском. Но обитает там Авель, который искренно обращается с ближними, преследование терпит, а сам не преследует — зло не злом, а добром, ненависть любовью, и неистовый гнев брата терпением побеждает: "Не

обитает в оном граде, говорит святой Амвросий, разбойник распятый ошуюю, который печется о временной жизни; но обитает разбойник благоразумный, который, забывая о временной жизни, просит и домогается только одного, чтобы пречестный Царь вспомнил о нем в будущей жизни, в бесконечном Своем царствии". Не обитают в оном граде те, которые здесь на земле ищут счастья, покоя, роскоши, славы и богатств, здесь обещают себе долгие дни, золотые годы, из сей юдоли плача устроят себе рай роскоши, из сего места изгнания — отечество, а потому к вечному отечеству не стремятся, и нимало о нем не пекутся. Такие люди не только носят в сердце, но и языком повторяют оные слова: «коснит Господин мой приити» (Мф. 24; 48), и где есть явление пришествия Его? (2 Петр. 3; 4) и живут беспечно и развращенно, и без стыда делают, что хотят. За сие они не восприимлют на сем свете наказания от Бога, но при всем том, имеют еще и овец многоплодных, и волов тучных, и житницы преисполненные, и чертоги многоценные, и еще злобой своей величаются, грехами и преступлениями своими хвалятся, неправду по вся дни помышляют, в устах правды, а в сердце искренности ни малейшей не имеют; свои речи, яко елей умягченные, они напоят ядом смертным; изобретают прельщения, обманы и различные ухищрения, а еще богохульно утверждают, будто они теми скверными и мерзкими Богу поступками служат Ему, славу Его умножают и имя Его прославляют!.. Не обитают в оном граде небесном и те, которые хотя и уклоняются от оных скверных и богомерзких дел, хотя и хвалятся правостью веры своей, но не соблюдают чистоты и святости, свойственной сынам Церкви; при доброй вере они не творят добрых дел или творят нерадиво, холодно относятся к своим христианским обязанностям; равно желая служить и Богу и миру, хромают на оба колена свои и привлекают на себя оный страшный приговор Божий: «ни тепл еси, ни студен: изблевати тя имам из уст Моих» (Апок. 3; 16). — Не обитают там и те, которые здесь на земле ищут богатств и могущества, покоя и роскоши, а потому не скорбят по оном вечном своем отечестве, которые славы от человек ищут и ею утешаются, а потому славой, яже есть от единого Бога, пренебрегают, которые наконец не хотят идти со тщанием за Христом Спасителем своим на гору небесную, а потому без труда нисходят за диаволом долу, или лучше сказать: стремглав ниспадают в самую пропасть адаву. Правда, искунитель часто возносит их без всякого труда, как некогда Симона волхва, на высоту суетной и прелестной славы; однако же вскоре, как и оно, повергает на землю. Обитают же в оной небесной горе, в горнем Иерусалиме, сии: тот, кто здесь, в мире, почитает себя гостем и странником, и как гость и пришелец, удаляется плотских похотей, воюющих на душу; кто признает, что дни жизни его пядию измерены; кто во всех делах своих помнит последняя своя, кто всегда готовится к возвращению в дом Отца небесного; кто всегда ждет, что вот-вот Господь позовет его из сего изгнания, и желая лучше приготовить себя к сретению Его, со страхом и трепетом проводит дни жизни своей; кто как слуга Божий, сохраняя пред Богом веру и совесть в чистоте, также и пред

властью, от Него поставленной, усердно исполняет всякий долг верноподданства и послушания, и по слову Апостольскому, Бога боится, царя чтит, братство любит (1 Петр. 2; 17) и не зло, а добро творя, претерпевает всякие скорби, притеснения и гонения (19). Если богатство течет, он не прилагает к нему сердца, но, располагая оным, как добрый и верный приставник, бывает око слепым и нога хромым (Иов. 29; 15); ни с кем не обходится лицемерно и несправедливо, правду носит в сердце, правду и на языке; не умея никогда оскорблять, или кому причинить вред и обиду, сохраняет искренность и незлобие голубиные, и осторожность змеиную, охотно отдавая не только имущество на расхищение, но и тело на умерщвление, только бы главу свою сохранить в целости, — только бы, говорю, не разлучиться от Главы своей бессмертной — от Христа Спасителя. Во всех своих делах и поступках он является нелицемерным христианином, верно труждается в дому Господа своего, с усердием переносит тяготу дневную и солнечный зной, и подобно Моисею, хочет лучше страдать с людьми Божиими, нежели иметь временную греха сладость, и изволяет носить на себе поношение Христово паче всех украшений и почестей мира сего. Таковой-то восходит на гору со Христом, и Бог не стыдится нарицаться его Богом (Евр. 11; 16), и уготовляет ему град небесный. Но кто надеется достигнуть сего града, идя пространном путем, утопая в наслаждениях, славе и покое, такой весьма обманывается. Не без причины Христос Спаситель наш явил славу Божества Своего уже после того, как предсказал ученикам Своим о Своих страданиях и добровольной смерти; не без причины Он за шесть дней до сего явления говорил ко всем вообще сии слова: «аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой и по Мне грядет. Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю, а иже аще погубит душу свою Мене ради, обрящет ю» (Мф. 16; 24, 25). Не без причины Он и при самом явлении славы Своей беседовал о кресте и смерти Своей: Он тем самым давал знать, что к славе и вечному блаженству нет иного пути, кроме креста и страдания. Не без причины, наконец, был слышан глас: Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих: Того послушайте! Если возлюбленный Сын, исполняя волю Отца, идет на страдания и смерть, то как же слуга и раб, желая найти у Него для себя милость, может обойтись без терпения? Итак, послушай Того, Кто указывает тебе путь ко спасению, хотя тесный и прискорбный, однако же прежде Им Самим пройденный и углаженный: за Ним и ты иди, Ему и ты подражай!.. Аминь.

(Из слова святителя Леонтия Карповича на Преображение Господне, произнесенного в начале XVII столетия)

628. Небесная слава Матери Божьей

«Прославляющая Мя прославлю, говорит Сам Господь» (1 Цар. 2; 30). Какой же славой? Славой воистину великой, славой неизреченной. "Что

будет тому мужу, которого хочет прославить царь?" — спросил Артаксеркс Амана (Есф. 6; 6). Тем справедливее мы можем сказать теми же словами: "Что будет тому человеку, которого хочет прославить Царь царей и Господь господей?" Конечно, кого всемогущий, щедрый и вседержавный Господь хочет почтить, тот получит в дар не кое-что, не что-нибудь. Он — великий Господь и величию Его несть числа; Он есть бездна милосердия и Отец щедрот: посеми — какова же та слава, которой прославляет Он тех, кого хочет прославить на земле и на небеси? — А именно такая, о коей Сам говорит к Богу Отцу Своему: «Аз славу, юже дал еси Мне, дах им» (Ин. 17; 22). А если Он дает, то кто может ее отнять у них? Бог прославляет, кто же смеет унижать их? Мне же зело честны «быша друзья Твои», Боже (Пс. 138; 17). Ибо знаю, что прославляя их, я славлю пречестное и великолепное имя Твое, от которого они получили все то, чем утешаются, и для которого они с весельем переносили тягчайшие беды и скорби и претерпели самые страшные и жестокие муки. Похваляя их преславные деяния, ужели я не отдаю хвалы Тому, о Ком пророк говорит: «дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев» (Пс. 67; 36)? И воистину дивен Он и предивен и славен в святых Своих; дивны и славны и все святые угодники Божии в Том, Кто их в Себе, а Себя в них благоволил удивить и прославить! А если так велика слава, которой Господь прославляет Своих слуг и угодников, то какова же должна быть та слава, которой Он прославил Пречистую и Преподобную Свою Матерь? Поистине, как солнце превосходит все звезды своей светлостью, так и Она всех угодников Божиих превышает славой, величием и своими заслугами. Посему Святое Писание именует Ее не только звездой утренней и зарей (Песн. 11; 6, 9), не только луной, но и самым солнцем (Пс. 18; 5). И не только солнцем, но и небом, и на самом небе высочайшим престолом (Пс. 113; 24 и 46; 9) и тронном превышнего Царя. И наконец, именуется Она тем преславным царственным градом, к которому главным образом относятся оные пророческие слова: «преславная глаголашася о Тебе», Граде Божий (Пс. 86; 3). И действительно, преславные, великие и предивные глаголы изречены о сем преславном одушевленном Граде присноцарствующего Царя, — были изречены и в законе, и у пророков, и никогда не перестанут быть повторяемы, ибо не престанет язык христианский прославлять Матерь Божию, не престанет разум не только человеческий, но и Ангельский удивляться Ее славе, не престанет боголюбивое сердце любить Ее и утешаться Ею... Сам превышний Творец благоволит устроить сей Град одушевленный для Себя Самого: «Премудрость созда Себе дом» (Притч. 9; 1). Премудрость оная превышняя, премудрость оная превечная — Христос Спаситель наш создал для Своего пребывания сию одушевленную Палату: сколь же должна быть она чудна и прекрасна! Премудрый Творец неба и земли благоволил предначертать сей Рай, сей Град Свой одушевленный, в разных прообразах и изречениях ветхозаветных. Во-первых, в раю, в той чистой земле, из которой Он создал чистого и невинного человека, предызобразил ту мысленную Землю, от которой, по слову пророка, Истина

— Христос воссиял. Во-вторых — в ковчеге Ноевом, в котором сохранены от всемирного потопа всякие творения, Бог предызобразил тот мысленный ковчег, в котором природа человеческая спасена от вечного потопа огненного. И во многих различных образах Ветхого Завета Она преобразована. Моисеева купина, огнем горящая и несгораемая прообразовала сию Купину, в которую вселившись, Огнь Божества не опалил Ее, а только просветил. Море Чермное, как до перехода, так и по переходе чрез него Израильтян непроходимое, прообразовало бессеменное рождество Бога Слова и пренепорочную прежде рождества и по рождестве чистоту девства Богоматери. Чудесно процветший жезл Ааронов прообразовал сей мысленный Жезл из корене Иессеева, из которого процвел чудным и непостижимым рождеством Цвет Христос Спаситель наш. Скиния Моисеева прообразовала ту мысленную Скинию, в которую вселилось и пребывало во плоти превечное Слово Божие. Ковчег завета из негниющего дерева прообразовал сей мысленный Кивот, пречистая плоть которого не увидела тления. Трапеза с хлебами предложения прообразовала сию мысленную Трапезу, которая носила Хлеб животный, спешдый с небесе. Стамна златая манной прообразовала мысленную Стамну, содержащую Манну, от которой «аще кто снестъ, не умрет во веки» (Ин. 6; 50). Кадельница золотая прообразовала ту мысленную Кадельницу, которая, будучи уготована из чистого золота — чистой и нелицемерной любви, весь мир наполнила благоуханием духовных ароматов. Скрижали Завета прообразовали ту мысленную Скрижаль, на которой перстом Отчим написано превечное и соприисносущное Ему Слово. Храм Соломонов и Святое святых прообразовали ту мысленную Святыню, в которую вошел один только небесный вечный Архиерей — Христос. Заключенные врата Иезекиилевы прообразовали ту мысленную Дверь, которой никто другой не входил, кроме того всемогущего Князя, иже упасе люди Своя — Израиля. Лествица Иакова прообразовала ту мысленную Лествицу, которая униженную грехом природу нашу возвысила от земли на небо. Руно Гедеоново прообразовало то одушевленное Руно, на которое тихим и неведомым образом сошла с неба Роса — Христос, в то время, когда вся земля была бесплодна и подвержена проклятию. Гора, от которой, по видению пророка Даниила, отторгся камень без помощи рук и сокрушил истукана, прообразовала ту мысленную Гору, от которой без мужа происшедший Камень краеугольный, Камень живой, Христос Спаситель наш разрушил царство князя тьмы, и основал Свое вечное царство. Но кто исчислил бы все прообразы, в которых сей Град одушевленный, Мать Божия, была издалече показуема праотцам, жаждавшим Ее увидеть? Все те, которые с плачем много раз взывали: Господи, приклони небеса и сними! Сядь на херувимех, явися! Все они хорошо знали, что они не могли дожидаться пришествия в сей мир Христа, пока не устроена для Него одушевленная Скиния: ужели же они не жаждали видеть хотя прообраз той счастливой Правнучки своей, той славной Сродницы своей, ради которой и сами они возвеличены? Ужели они не

возлюбили Ее от всего сердца, ужели не приветствовали Ее: "Ты похвала Иерусалиму, Ты веселие Израилю, Ты слава народа нашего?" (Иудиф. 15; 9). С самого младенчества увеселяла Ее преизобильная благодать пресвятого и животворящего Духа: "Другим святым дана была благодать сия отчасти, — говорит преподобный Герасим Иорданский, — а на пресвятую Богородицу излилась вся полнота благодати". Посему-то и воевода небесных Сил называет Ее Благодатною: радуйся, Благодатная! Посему-то сей обитатель небесного жилища, непрестанно предстоящий престолу Божию, должен был удивляться вышеангельской Ее чистоте, как воспевает Церковь: Красоте девства Твоего и пресветлой чистоте Твоей Гавриил удивляясь, вопияше Ти, Богородице: каковую Ти похвалу принесу достойну? Что же нареку Тя? Недовем и чуждуся... А если у Архангела не достает слов к прославлению величия Богоматери, то как достанет их у нас? Она воистину превыше всяких похвал не только человеческих, но и ангельских. О Мати Божия! Воистину есть чем утешаться Тебе, есть чему радоваться! Для сего довольно одного славного имени: БОГОРОДИЦА! Что сказал Апостол о Сыне Твоем: толико лучший быв Ангелов, елико преславнее паче их наследствова имя (Евр. 1; 4), — в том же роде можно сказать и о Тебе: Ты удостоилась преславного имени, честнейшего всех Херувимов и Серафимов. Они называются слугами, а Ты — Материю; они — князьями Царя небесного, а Ты — Царицею и Владычицею небесного чертога. Они стоят пред престолом всемогущего Царя славы раболепно, как слуги, а Ты, поставленная одесную Его, имеешь дерзновение как Мать. Того, Кому они предстоят со страхом и трепетом, Ты восприяла в пречистую Твою утробу. Того, на Кого они, зрети не смея, закрывают лица крилами, Ты носила на пречистых Твоих раменах. Ты повивала пеленами Одевающегося светом яко ризой; Ты питала млеко Исполняющего всякое животное благоволением. О, поистине преславная глаголашася о Тебе, Граде Божий! Воистину сияешь Ты, преславная Палата, богоподобными чудесы! Блаженны те, которые взирают на сию славу Твою! Блаженна Церковь Восточная Православная, которая непрестанно именует Тебя сим достойным именованием, со времен Апостолов употребляемым и на Соборах Вселенских Духом Святым утвержденным — славным именем БОГОРОДИЦЫ! Аминь.

(Из слова на Успение Богоматери, святителя Леонтия Карповича, произнесенного в начале XVII столетия)

629. Черниговский святитель-чудотворец

Вот уже с лишком 200 лет открыто почивают в Чернигове, в пещере под кафедральным собором, нетленные мощи святителя Феодосия Углицкого. Жил он в одно время со святителем Митрофаном Воронежским, и сведений о его жизни сохранилось столь же мало, как о святителе Воронежском. Мы гораздо больше знаем о его чудесах по смерти, чем о его деяниях при жизни.

Он был сын священника из дворян Подольской губернии; учился в Киево-Братском училище и по любви своей к подвигам благочестия рано поступил в монашество. В 1662 г. он был избран в игумена Корсунского монастыря (в Каневском уезде), а в 1664 г. переведен во игумена Киевского Выдубицкого монастыря. Монастырь этот был почти разорен пред тем униатами, и Феодосии много потрудился над обновлением обители. За его святую жизнь и опытную мудрость в управлении бывший тогда блюстителем Киевской митрополии Черниговский архиепископ Лазарь Баранович назначил его, еще тогда игумена, своим наместником по митрополии. Этот святитель, желая приготовить себе преемника, вызвал потом Феодосия в Чернигов и в 1688 г. определил архимандритом тамошнего Елецкого монастыря. Старец святитель поручал ему на рассмотрение дела по епархии, и когда увидел, что Феодосии может быть ему хорошим помощником, то в 1691 г. отправил его в Москву к Патриарху Адриану с просьбой определить его таким помощником. А чрез год престарелый архиепископ пожелал, чтобы Феодосии был посвящен в сан святительский. Послано было прошение к Царям Иоанну и Петру Алексеевичам и Патриарху Адриану, и в этом прошении архиепископ Лазарь и гетман Мазепа свидетельствовали, что Феодосии — "муж благий, украшенный добродетелями монашеской жизни, которую ведет с молодых лет, опытен в управлении монастырями, исполнен страха Божия и духовной мудрости, просвещен, весьма усерден к церковному благолепию, способен управлять домом кафедры и Черниговской епархией". Летом 1692 г. Феодосии прибыл в Москву и 13 сентября посвящен в архиепископа. И в новом сане Феодосии продолжал оказывать преосвященному Лазарю сыновнее послушание и любовь; ничего не предпринимал он без воли и согласия старца-первосвятителя. Но не прошло и года, как святителя Лазаря не стало: он скончался 3 сентября 1693 г. Оплакав своего благодетеля, новый архипастырь стал прилагать особенное старание о том, чтобы его паства любила житие подвижническое: он не только заботился о поддержании бывших тогда монастырей, но и старался основать новые. В самом начале своего управления он дал благословение одной благочестивой вдовице построить девичий Печеницкий монастырь, и когда храм был окончен, архипастырь сам освятил его в честь Успения Богоматери. Подобно блаженному Лазарю, Феодосии желал иметь себе преемника в лице архимандрита Елецкого монастыря и с этой целью вызвал в Чернигов из Свенского монастыря (Орловской губ.) известного ему наместника, Иоанна Максимовича, которого и посвятил в архимандриты. Недолго сиял на Черниговской кафедре святитель Божий Феодосии. Созрев в жизни духовной, он скончался 5 февраля 1696 года. Сохранился его современный портрет, в саккосе и омофоре с крестом в руке и с жезлом в другой. Судя по портрету, он был роста среднего, с лицом смуглобледным, кротким и умным, с очами пронизательными. Благодатные знамения у мощей его стали совершаться скоро после его кончины. Предание говорит, что преемник его, преосвященный Иоанн, был сильно болен горячкой; в самом разгаре болезни

он приказывает, чтобы завтра все было готово к его служению, и чтобы сегодня отправили у него в комнате вечерню и прочли ему правило к Причащению. Окружающие его думали, что он бредит, но по настоянию его исполнили его приказание. И действительно: на другой день он служил совершенно здоровый и объяснил, что вчера святитель Феодосий явился ему и сказал: завтра служи и будешь здоров. В благодарность за исцеление преосвященный Иоанн устроил над гробом святителя Феодосия склеп и ход туда из храма, чтобы верующие могли ходить и молиться у гроба владыки, не забывшего своей паствы и по смерти. Без сомнения, чудесные исцеления от мощей святителя продолжались время от времени, но они не записывались, потому что не было распоряжения об этом от начальства. А если и были какие записи, они легко могли погибнуть среди разорений и пожаров, которым так часто подвергался Чернигов. В начале настоящего столетия мощи его почивали в деревянной раке; пещера, где они покоятся, всегда открывалась желающим, и каждую пятницу правилась в ней панихида. При архиепископе Черниговском Павле стали чаще заявлять о благодатных знамениях от мощей святителя Феодосия и потому вход в пещеру стал открыт каждый день и панихиды совершались почти непрерывно. Мощи святителя, в саккосе и омофоре, почивают на том же месте, где они поставлены были по его кончине. Ныне они покоятся в медном, посеребренном гробе, который сделан усердием черниговского купца Горбунова: этот купец получил при них исцеление и вследствие этого перешел из раскола в православие. У железной решетки, ограждающей гроб святителя, у ног его стоит серебряный жезл его. Особенно торжественно празднуется день его преставления 5 февраля: в этот день бывает архиерейское служение в Борисоглебском соборе, после коего владыка служит панихиду, сходит в пещеру и поклоняется мощам святителя со всем духовенством... Свыше семидесяти исцелений записано в книгу, а сколько их не записано! К святителю приходили болящие обоего пола, всякого возраста и всех сословий, и святитель Божий, подражая Спасителю мира, Егоже всемогущей силой всем помогал, всех успокаивал. Замечательны не только самые исцеления, но и слова его, сказанные в видениях тем, кому он благодетельствовал. Мы видели уже, что он явился преосвященному Иоанну и напоминал ему о долге служения в самый разгар его болезни: служи завтра и будешь здоров. И слово его немедленно оправдалось самым делом. — "Приведи ко мне твое семейство", — сказал он бывшему ключарю Черниговского собора, протоиерею Димитрию Стефановскому, в начале продолжительной и трудной болезни его дочери; но пораженный скорбью отец находил невозможным исполнить предваряющее слово святителя, и только спустя три года с половиной, когда истощены уже были все усилия человеческие к лечению больной, ее привезли и на руках внесли ко гробу святителя, и она мгновенно получила там дивное исцеление. "Иди в собор и отправь молебен Святителю, и будешь здоров" — сказано было во сне человеку, который был нем в продолжение года и пяти месяцев. Немой,

встав от сна, с удивлением начал говорить; потом, увидев в соборе портрет святителя Феодосия, узнал в нем явившегося ему во сне угодника Божия, и с трепетной благодарностью пал у гроба его, молясь и плача. Получивших чудесное исцеление от болезни и умолчавших о сем благодеянии святитель Феодосии кротко вразумлял чрез других: "Скажи Д., зачем он не хочет прославить меня за исцеление от болезни его и сына?" Человеку, больному от беснования, чувствовавшему отвращение ко всему священному и произносившему хулу на Самого Бога, святитель Феодосии дал целое наставление: "Ходи в церковь, молись, и получишь исцеление; проси священников читать над тобою заклинательные молитвы и каждую обедню вынимать частицы о здравии твоём, в продолжении целой седмицы. Несмотря на страдания твои во время припадков, не отчаивайся, а проси помощи, крепко веруй, отслужи молебен с акафистом Успению Пресвятой Богородицы, и после всего исповедуйся и причастись Святых Таин". И святитель сам напомнил больному его грехи, и велел, по исцелении, сходить на поклонение киевской святыне. Все, сказанное в видении, было исполнено, и больной совершенно выздоровел во время служения панихиды у мощей святителя. Священнику, который во сне исповедал святителю свои грехи и молился об исцелении сына, он сказал: "Благословляю и прощаю", и при этом обещал исцелить младенца, который на другой день действительно и получил исцеление. Женщине, которая в тяжких страданиях призывала Святителя на помощь и с плачем молилась ему во дни святой Четырдесятницы, он сказал: "Ты не говела: это нехорошо. Ты недостойна будешь вкушать Пасхи. Постарайся причаститься в Великую Субботу". Другой женщине, со слезами молившейся Богу и святителю Феодосию о выздоровлении ее мужа, святитель сказал кротко: "Не плачь, я умоляю Бога и муж будет здоров". И вскоре после этого муж ее, страдавший от мучительной болезни около года, совершенно выздоровел. Одну неправославную женщину святитель Феодосии учил принимать благословение по православному: "Как тебе не стыдно: ты не умеешь подойти к благословию!" Больной, которая находилась в Киеве и мысленно, на одре болезни, призывала святителя, явился он во сне, сказал: успокойся, и совершенно прекратил ее нравственные страдания. Все эти слова святителя Феодосия были сказаны людям в сонном состоянии их, но были понятны уму, сохранились в благодарном сердце, запечатлелись в памяти, пересказаны ими и сопровождались чудесными исцелениями. За всех, удостоившихся слышать от святителя такие слова, одна верующая душа говорит: "Всеведущий и всевидящий Господь — свидетель, что показание мое истинно!" Имея в виду такое множество свидетелей, мы легко поймем то благоговение, с каким относятся к нему все исцеленные и все черниговцы. С живейшей верой они признают, что святитель Феодосии с самого первого дня преставления своего и доныне не только не оставляет своим благословением чад своей паствы, но еще действительнее низводит молитвами своими благодать Божию на всех, прибегающих к его заступлению. Он —

небесный покровитель Чернигова, к которому ежедневно, как дети к отцу, идут все, с молитвой о своих духовных и житейских потребах. Обратимся к нему и мы: угодниче Божий, святителю отче Феодосие! Поминай нас в благоприятных твоих молитвах пред Христом Богом, да сохранит Он нас, колеблющихся чад Церкви Своей, да разженет от нас всякое облако неверия и суемудрия, и да сподобит всех нас быти верными чадами святой нашей матери Церкви Православной! Аминь.

630. Вразумитель крадущих

Преподобный отец наш Григорий, чудотворец Печерский, прия инокеский образ от преподобного Феодосия и научен бе от него нестяжанию, чистоте, смирению с послушанием и прочим добродетелем, молитве же наипаче прилежаще. Ненавидяй убо добра диавол наустит злыя человеки, да окрадут его, не имущего ничесоже, кроме книг к молитве и чтению. Во едину убо ночь приидоша татие к келлии Григория, и утаившеся стрежаху (сторожили), дондеже изыдет старец на утреню в церковь, да тогда, вшедше, возмут вся его. Блаженный же ощути приход их: не спаше бо по вся ноци, но посреде келлии стоя, моляшеся Богу безпрестанно. Тогда помолися и о них, глаголя: "Боже, даждь сон рабом Твоим, иже утрудисяхся всеу, врагу угождающе". И услышан бысть от Бога, и бо спаша татие пять дней и пять ночей, дондеже блаженный при многих братиях возбудит их, глаголя: "Доколе стржете всеу, окрасти мя хотяще? Отъидите уже в дома своя". Они же, воставше, не можаху ийти, зане не ядоша толикое время. Блаженный же постави брашно (пищу) и, напитав, отпусти их. И, сие уведав, властелин града повеле мучити их. Печален же быв Григорий, яко его ради предани быша на мучение, шед к властелину, дарова ему некия книги своя, и татей свободы: инья же книги продаде, и раздаде цену убогим, сице рек: "Да не како еще в беду впадет кто, хотя окрасти мя, и бо и Господь рече: Продадите имения ваша и дадите милостыню. Сотворите себе влагалища неветшающа, сокровище неоскудеемо на небесех, идеже тать не приближается, ни моль растлевет (Лк. 12; 33). Татие же тии, чудесе ради бывшаго на них, ктому не возвратишася на первая дела своя, но с покаянием пришедше в той же Печерский монастырь, вдашася на работу братии. Но враг не остави злого начинания своего: еще бо имеяше сей блаженный Григорий вертоград (сад, огород) мал. в немже зелие сеяше, и дресва плодovitая насаждаше. В ино убо время, наустившу (склоненные) тому же врагу, приидоша други татие. и влезше в вертоград той, наполниша влагалища своя овощем: егда же взяша времена на ся, и хотяху отъити, и се не возмогоша, но стояху два дни и две ноци неподвижими, угнетаеми бремены. Таже начата вопити: "Отче святыи Григорие, пусти ны, покаемся уже о гресе своем, и ктому не сотворим сицевыя вешии". Слышавше же черноризцы приидоша, и яша (взяв) их, но не моглоша свести от места того. Тогда вопросиша их: "Когда семо (сюда)

приидосте?" Татие же отвещаша: "Два дни и две нощи стоим zde". Глаголаша им черноризцы: "Мы всегда семо ходяще, не видехом вас стоящих". Татие же реша: "И мы, аше бы вас видели ходящих, просили бы у вас со слезами ходатайства к старцу", и се, уже изнемогше, начахом вопити: "Просим убо, молити чудотворца святого, да пустит нас". Пришед же Григорий, глагола им: "Понеже праздни пребысте весь живот ваш, крадуще чуждыя труды, а сами не хотяще труждатися: отныне стойте ту праздни прочая лета до кончины живота вашего". Они же со слезами моляху старца, да пустит их, обещающесе ктому не сотворити такового согрешения. Старец же умилися о них, и рече: "Аще хотите руками вашими делати, и от труда вашего иных питати, пуцу вас". Татие же с клятвою реша: "Никакоже преслушаем тебе". И глагола им Григорий: "Благословен Бог, укрепляяй вас! Отселе будете работати на святую братию, и от вашего труда на потребу их приносить". И тако отпусти их. Татие же за дело зло в вертограде том малом добре делаша работающе во оградех всего Печерского монастыря до скончания живота своего. Покусися и третицею (в третий раз) прелестный искуситель чрез татей такоже приступити к блаженному образом прелести сичевья: приидоша иногда к Григорию трие нецыи, не отай (не втайне) аки татие, но в лице, аки помощи требующии, хотяще искусити его: и два от них молиша святого, ложно на третияго глаголюще: "Отче, сей друг наш осужден есть на смерть, молим тя, потщися избавити его, даждь ему что, да искупит себе от смерти". Блаженный же, провидя духом, яко солганное ими сбудется самую истину, прослезися жалостно, и рече: "Люте человеку сему, яко приспе день погибели его". Они же рекоша: "Ты, отче, аще даси что, то он не умрет". Сие же глаголаху, хотяще от него взяти что и разделить между собою. Чудотворец же, прозорлив сый, рече: "Аще и аз дам, то сей умрет. Обаче вопрошаю вас: коею смертию осужден есть?" Они же отвещаша: "На древе повешен имать быти". И глагола им прозорливец: "Добре судисте: заутра бо сбудется то". Сия рек, сниде в пещеру, идеже храняся от видения и слышания суеты земныя обычай имеяше молитвы творити, и оттуду изнес и оставшыяся книги, даде им сия, глаголя: "Возмите сия, и аще не угодно будет вам, возвратите ми". Они же, взявше книги, изыдоша и начаша посмеватися, глаголюще: "Продадим то и разделим еже возмем". Еще же и дресеса плодовица видяще у святого, реша к себе: "Приидем в сию ношь, и плоды сия сберем". Наставшей же нощи татие онии трие приидоша. Григорий же тогда моляшесе в пещере. Они же заградиша отвне двери пещеры, идеже бе старец. И един от них, иже обещен (повешенным) быти наречесе, взлез на древо, нача восторгати яблоки: и се ветвь, еяже держашесе, отломися. Он же падесе, а стрегущии, оба устрашившесе, отбегоша; тогда падый, егда лете, другою ветвию похищен бысть и, не имея помощи, удавися. Григорий же, затворен сый, не можаше быти с братиею на утрени в церкви. Братия, убо изшедше из церкви, идоша видети вину небытия, необычного святому мужу тому: и се, видеша на древе человека висяща мертва, и ужасошася; поискавше же Григория, обретоша его в пещере затворена. Он же, изшед, повеле сняти

висящего. Таже узре и другов его, со иными пришедших и назирающих мертвеца, и глаголя к ним: "Зрите, како окаянная ваша ложь в правду прииде: Бог поругаем не бывает (Гал. 6; 7). Аще бы мене не затворили, аз, пришед, помогл бы ему, дабы не умерл; но понеже враг вас научи хранити суетная и ложь, темже и милость свою оставили есте. Видевше же ругатели тии сбытие словес блаженного, падоша к ногам его, просяще прощения. Григорий же осуди их в работу Печерскому монастырю, да оттоле труждающесе, от пота лица своего снут хлеб свой, и довольни будут напитати и прочиих от трудов своих. И тако и тии скончаша живот свой, работающе в Печерском монастыре с чады своими рабом Пресвятыя Богородицы и учеником преподобных отец наших Антония и Феодосия.

(Из Патерика Печерского)

631. Что нам делать в виду холеры?

1.

«Аще не покаетесь, вси такожде погибнете!» (Лк. 13; 5). Эти грозные слова Господа невольно приходят на память, когда подумаешь о том, как мы прогневали Господа Бога своими грехами. Вразумлял Он нас неурожаем и голодом: не вразумились мы, не принесли покаяния. Теперь паки грядет на нас гнев Его праведный: явилась заразительная болезнь, называемая холерой, и, как лютей враг, беспощадно губит собратий наших, угрожая и каждому из нас: «аще не покаешия, такожде погибнеши!..» Покаемся же, возлюбленные; восплачем пред Господом о грехах и беззакониях наших, имже несть числа; сбросим с себя это тяжкое бремя; Он милосерд: если Он и наказует нас, то наказует только, как любящий Отец; потому и наказует, что любит нас, желает нам добра, желает спасения нашим грешным душам. Еще раз повторю, видно Господь еще любит нас, видно еще не до конца прогневался Он на нас: о, если бы Он восхотел наказать нас по грехам нашим, то не послал бы Он на нас губительной болезни, а повелел бы или земле поглотить нас живыми, или истребил бы нас всех огнем небесным, как истребил Содом и Гоморру... Недавно писали в газетах, что на Тихом океане целый остров, с 12000 жителей, провалился в пучину морскую: вот великий гнев Божий, вот наказание грешникам: некогда было и подумать о покаянии! А насеще шадит милосердый Отец небесный: еще имеем время на покаяние: как не благодарить Его милосердие неизреченное? Как не лобызать Его в самом наказании милующей отеческой десницы? Как с благодарением не пролить пред Ним слез сердечного раскаяния во всех наших беззакониях?.. Господи! Не стоим мы Твоего отеческого о нас попечения; недостойны мы Твоего милосердия; утопаем в пучине грехов наших: но простри к нам крепкую Твою руку, как простер Ты некогда руку утопающему Апостолу Твоему Петру: укрепи в нас веру нашу изнемогающую, поддержи дух наш унывающий, дай силы оторваться от любимых нами грехов, оплакать их,

возненавидеть всем сердцем, прилепиться всею душою к Твоим животворящим и спасительным заповедям! Господи милосердый! Жалуемся мы Тебе на самих себя: совсем одолел нас грех, мучит он бедные души наши, как жестокий господин: горе нам, если Ты всемогущий не подашь нам руку помощи, если не поможешь нам Своею благодатию бросить, возненавидеть грех и служить отныне Тебе единому, нашему Господу Богу!..

Но, братие мои, Господь всегда готов нам на помощь: только мыто не всегда готовы принять Его благодатную помощь. И в самом деле: Господь дал нам волю свободную: хочешь спастись — делай добро, не будешь делать добра — погибнешь. Насильно и Бог не спасает человека. Что же делать с нами Господу Богу, когда мы сами не хотим исполнять Его воли святой? Вот и теперь: Он грозит нам смертью от заразной болезни; не значит ли это, что Он паки и паки зовет нас к покаянию? Не слышится ли в нашей совести Его грозный глас: «аще не покаетесь, вси такожде погибнете»? Кто же повинен будет в нашей гибели, если мы не покаемся, не станем жить по-Божьи? Перестань же, скупец, копить свои сокровища: поделись ими с сиротами и убогими, — ведь все равно они с тобою в могилу не пойдут, если посетит тебя гнев Божий, а милостыня, сказано в Писании, и от смерти избавляет! Перестань, пьяница, отравлять себя водкою: водка и без холеры может свести тебя во гроб, а при холере — спроси у врачей — прежде всех заражаются сею болезнью — пьяницы! Или не хочешь понять, что ты идешь прямо навстречу смерти?.. Перестань, нарушитель седьмой Божией заповеди, услаждать себя любимым грехом блудным: убойся, по крайней мере, грядущего гнева Божия; подумай: что если меч Божий посетит тебя в тот самый час, когда ты сквернишь душу и тело свое грехом плотским? Что ждет тебя на суде Судии праведного?.. Вразумись и ты, гордо возносящий главу свою честолюбец, надменно проходящий мимо людской нищеты: кто знает? Может быть завтра отнесут тебя на кладбище, закопают, и, если ты не оставишь по себе доброй памяти делами добрыми, то — кто помянет тебя добрым словом и молитвою сердечной пред Господом?.. Смиримся же все мы, возлюбленные братия, смиримся пред Господом, нас наказующим, и будем веровать, что в смирении нашем помянет нас Господь, услышит наши воздыхания сердечные; отрет слезы наши и помилует нас, яко благий человеколюбец! Аминь.

2.

«Почитай врача противу потребе честию его: ибо Господь созда его» (Сир. 38; 1).

Так повелевает Священное Писание, а слово Писания есть заповедь Божия. Итак, Сам Бог повелевает почитать врача и слушаться его: от Вышняго бо есть исцеление, от Господа подается знание на пользу человеку, а потому и лечиться не только не грех, но и должно: кто идет ко врачу, тот, по слову преподобного Варсануфия Великого, "тем самым показывает свое смирение. Прибегающий ко врачу должен так рассуждать: во имя Господне я вверяю себя врачу, да чрез него Бог подаст мне исцеление". — "Не сами

собою растут травы, пригодные для исцеления наших немощей, говорит святой Василий Великий, но очевидно, что растут они по воле Создавшего, для того, чтобы служить к нашей пользе". — А кому же, как не врачам, лучше знать, какую траву, какое лекарство к какой болезни приложить? На то они и учатся много лет, чтобы знать это, потому и дается им, и только им одним, как людям сведущим, право лечить трудные болезни; за то они и пользуются честью от самого Царя: и от царя врач приемлет дар, говорит то же слово Божие. — Итак, не бойся, болящий, идти ко врачу: он не враг тебе, а друг и помощник; слышишь: и Царь небесный в святом слове Своем, и Царь земной в законах своих — велят тебе почитать врача и слушаться его. Врач всегда твой благодетель, а наипаче в такое многоскорбное время, когда заразительная болезнь губит людей без пощады: тут врач, так же, как и духовный твой отец, не жалеет себя: и днем, и ночью он готов идти к больному, и в то время, как другие люди боятся прикоснуться к страдальцу, чтобы не заразиться от него болезнью, врач обязан ухаживать за больным, давать ему лекарства, облегчать всячески его страдания... И сколько врачей, преданных своему святому подвигу, заражаются сами и умирают, как добрые воины Христовы, не покидая своих лазаретов! Поистине такие самоотверженные врачи-подвижники достойны венца мученического за свою великую любовь к ближнему — любовь даже до смерти! Поистине к таким врачам можно отнести сладостные оные слова Господа Иисуса Христа: «больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя!» (Ин. 15; 13). К стыду и горю нашему, простые люди не всегда понимают, как велико и свято служение врачей в тяжкое время посещения Божия болезнью заразительной: к тому же, есть безбожники, которым выгодно смущать простой народ разными небылицами, и вот, вместо того, чтобы при появлении заразительной болезни немедленно обращаться ко врачам, как Богом данным помощникам в скорбное время заразы, такие неразумные люди боятся врачей, будто врагов каких, утаивают от них заболевающих, пытаются лечить сами, и вместо помощи больному - только сами заражаются и таким образом только распространяют заразу в своих домах. Зараза все больше и больше губит людей; начальство хочет помочь горю: если уж нельзя вовсе прекратить заразу, то по крайней мере по возможности остановить ее распространение, а для этого приказывает всех заболевших отправлять немедленно в больницы, всех умирающих от заразы той — хоронить немедленно, притом, чтобы предохранить других от заражения, хоронить в закрытых гробах, заливать могилы известью; словом — делает все, что можно и должно делать на основании прежде бывших опытов, чтобы охранить людей здоровых от заражения. Само собою понятно, что в такое трудное время нельзя обойтись без крутых мер: приходится иного безумца и наказать, чтобы не противился распоряжениям властей; приходится иные вещи сжечь, чтобы не заражали людей и тому подобное. Вот в таких-то случаях и надобно всячески беречься от разных слухов и толков, которые пускают в народ люди бессовестные: им только бы

возмутить народ против начальства, только бы поднять бунт; что им до того, что из-за их лжи пострадают люди ни в чем неповинные? В заграничных газетах безбожники так и пишут: надо-де пользоваться холерой, чтобы приучить народ к бунту против Царя... Вот что им нужно, этим негодным людям; вот для чего они и пускают в народ слухи, будто врачи — эти благодетели и Богом данные наши охранители — отравляют людей, будто они выдумали холеру, чтобы наживать себе деньги и тому подобные безумные речи!.. Не верьте таким слухам и толкам, православные Русские люди; их пускают нарочно наши заклятые враги-безбожники; исполняйте послушно все, что велит делать начальство; кто противится властям, от Бога поставленным, тот противится Богу Самому: так учит само слово Божие: «противляйся власти, сказано, Божию велению противляется» (Рим. 13; 2).

Помните, что кто не будет слушаться предписаний врачей и чрез то заразится сам и внесет заразу в дом свой или туда, где ее не было бы, если бы он послушался предостережения — такой человек даст Богу ответ за то, что заразил других. Знаю, что жаль расстаться с близким человеком, когда он заболит: но лучше расстаться и отправить его в больницу, чем укрывать его дома: все равно он умрет, а в больнице, может быть, ему и помогут. Да притом и сам ты, и твои семейные будут целы. Не сетуй, если даже начальство найдет нужным окружить стражей твой дом потому, что у тебя оказался больной холерой: что делать? Понеси такое заключение с христианским терпением, вспомни многострадального Иова, и не ропщи на начальство: окружая твой дом, оно бережет от заразы другие дома и все твоё селение. Не ропщи даже и тогда, если твоего покойника, умершего от холеры, не понесут в церковь: это нужно для охранения других от заразы, а Церковь и на могиле не оставит твоего родного без своей материнской молитвенной помощи... Правосудный Господь наказывает нас за грехи наши тяжкие: будем же послушными сынами Его, понесем с христианским смирением посланное испытание, будем и сами каждый час готовиться к исходу из сей жизни: поговеем, причастимся святых Христовых Таин, примиримся со всеми нашими недругами, простим им все, чем они оскорбили нас... Не роптанием и смутами, не буйством и самоуправством, как, к несчастью, это было в некоторых городах нашего отечества, — не такими средствами отвращается праведный гнев Божий, пришедший на нас, а смирением, послушанием, покаянием и молитвою. Будем же, други, смиряться и каяться пред Богом, слушаться властей, Им поставленных, и Господь смилуется над нами и минует нас опасность смертная!.. Аминь.

632. Благоуханный цветок в пустыне

«Не может град укрыться веру горы стоя» (Мф. 5; 14). Нельзя скрыть цветка благоухающего и в дикой траве: его найдут по запаху, по благоуханию; так не мог укрыться и преподобный Сергей в дремучем лесу, в

любезном своем одиночестве. Далеко разносилось благоухание его жизни святой, и слышали, сердцем ощутили это благоухание люди, имевшие, по выражению святителя Филарета, очищенное чувство духовное, или, по крайней мере, ищущие очищения. А скорбные обстоятельства того времени — татарское иго, внутренние неурядицы — все это располагало таких людей бежать из мира в дебри пустынные: благо там нашелся благодатный муж, способный утолить жажду души, зажечь и поддержать в ней тот огонек, при свете и теплоте которого легко несется всякое бремя жизни и становится легким благое иго Христово.

Не больше двух-трех лет прошло со времени его поселения в глухих лесах Радонежских, как в Радонеже и соседних селениях заговорили о молодом пустыннике. "Одни, пишет Пахомий Логофет, говорили о его строгом воздержании, трудолюбии и других подвигах; другие удивлялись его простоте и незлобию; иные рассказывали о его власти над духами злыми, а некоторые благоговели пред его дивным смирением и чистотою душевною". И вот, один за другим, стали приходиться к нему, сначала ради душеполезной беседы и совета духовного — в чем любвеобильный пустынник им не отказывал, — а потом нашлись желающие и жить близ него. Иногда приходили по два, по три человеками припадая к стопам его, умоляли, чтобы позволил им поселиться тут. — Жаль было пустыннолюбивому Сергию расстаться со своим уединением; притом он опасался, чтобы суровая пустыня не разочаровала его сподвижников, чтобы не пришлось им уйти отсюда с роптанием, подобно тем малодушным ученикам Христовым, которые говорили: жестоко слово сие, кто может его послушати? (Ин. 6; 60). И он сначала не соглашался принимать их, представляя им все трудности пустынного жития. — "Можете ли терпеть скудость этого места? — говорил Сергей: — Вас ждет здесь и голод, и жажда, и всякие недостатки". "Все готовы мы понести, честный отче, — отвечали пришельцы: — все понесем при помощи Божией, за твои святые молитвы; только об одном просим: не удаляй нас от себя, не гони прочь от этого святого и достолюбезного места". — Тронулось доброе сердце подвижника: он видел их благое произволение и крепкую веру в помощь Божию, и памятуя слово Спасителя: грядущего ко Мне не изжену вон (Ин. 6; 37), решился принять их. Но опытом изведавший всю трудность одиночества, он предупреждал их о пустынных скорбях, и укреплял заранее к подвигу терпения: "Желал я, братие мои, — так говорил он, — один скончать в пустыне свою одинокую жизнь; но Господь сказал: идеже два или трие собрана во имя Мое, ту есмь посреди их (Мф. 18; 20), и Давид поет в псалмах: се что добро или что красно, но еже жити братии вкупе (Пс. 132; 1); посему и я грешный не хочу идти против воли Господа, Которому угодно устроить здесь обитель. С радостью я принимаю вас: стройте каждый себе келлию; но да будет вам известно, что если вы пришли сюда действительно работать Господу, и если хотите со мною жить здесь, то должны быть готовы терпеть всякую нужду и печаль, ибо сказано в Писании: «аще приступаеши работати Гасподеви, уготови душу твою во искушение»

(Сир. 2; 1). Да не устрашит вас помысл, что места сии пустынно и скудны потребным для жизни: сами знаете, что «многими скорбми подобает нам внити в Царствие Небесное» (Деян. 14; 22). Узок и прискорбен путь, вводящий в жизнь вечную, и много званых, а мало избранных и спасающихся! Но не бойся, малое стадо Христово, которому Господь обетовал царство Отца Своего: Господь не попустит нам искушений выше сил наших. Ныне печалью Господь посетит нас, а завтра печаль нашу в радость претворит, и никто этой радости не отнимет от нас". И много других слов утешения слышали пришельцы от любвеобильного подвижника, и — можно ли было не привязаться к нему всею душой? Можно ли было еще колебаться в сомнениях и страшиться подвигов пустынного жития? С таким наставником можно все вынести, все вытерпеть: тоска ли сдавит сердце твое, или уныние овладеет душой; враг ли навеет помыслы греховные, или страсти поднимут в сердце свои змеиные головы — не медли, иди скорее к любящему и горячо любимому наставнику, с детской простотой открой пред ним все сердце свое, поведай, что томит тебя, пожалуйся ему на себя самого, как дитя жалуется нежной матери на своего обидчика, и верь: он скажет тебе в утешение иногда только два-три слова, но зато — какие это чудные, теплые, благодатные слова! Они прольют мир в душу твою; согреют ее такою любовью, какую только мать согревает грудное дитя и — все пройдет, как рукою снимет, и станет на душе так тихо, ясно и тепло...

И стали пришельцы строить себе хижины около уединенной келлии Сергиевой, и с детскою любовью начали учиться у него пустынным подвигам. Не более двенадцати братьев собралось вначале около Сергия; и это число долгое время оставалось неизменным: когда убывал один, приходил другой на его место, так что это некоторым подавало мысль: не по числу ли двенадцати Апостолов, или стольких же колен Израилевых, само собою уравнивается число учеников Сергеевых? Прежде всех пришел к преподобному некто Василий, быть может, за свое строгое воздержание, прозванный Сухим; другой ученик и сподвижник Сергия был простолюдин, земледелец Иаков, который между братией назывался уменьшенным именем — Якута; он служил братии вроде рассыльного; впрочем, замечает преподобный Епифаний, его посылали в мир только по крайней нужде, и потому нечасто. Сохранились имена еще двух учеников, пришедших к преподобному в числе самых первых — это Онисим диакон и Елисей, отец с сыном, — земляки Сергеевы. К числу первых учеников Сергеевых должно отнести преподобных Сильвестра Обнорского, Мефодия Пешношского, Андроника и других. — Когда построено было двенадцать келлий, преподобный обнес их высоким деревянным тыном для безопасности от зверей, и приставил вратарем Онисима, которого келлия была у самого входа в обитель. Густой лес окружал обитель со всех сторон; вековые деревья стояли над самыми келлиями, широко осеняя их и шумя своими вершинами; даже около церкви везде видны были пни и колоды, между которыми и засеивались различные огородные овощи для убогой трапезы отшельников.

Вот какой смиренный вид имела Лавра Сергиева в первые годы своего существования!

633. Первый — всем слуга

Кто хочет хотя бы немного отдохнуть душою, хотя бы на несколько минут забыть окружающую суету земную? Перенесемся мыслию и сердцем в отдаленную по времени, но тем более близкую нашему сердцу родную древность, повитаем хотя бы мысленно со святыми и преподобными отшельниками дремучих лесов Радонежских, подышим благоуханием молитв Сергиевых, насладимся созерцанием его Боголюбезного смирения!.. Вот уже около него собралось до двенадцати братьев; тихо и безмятежно идет жизнь пустынников в новоустроенной обители. Нет в ней ни начальника, ни даже пресвитера: никто не дерзает и думать о такой высокой чести, чтобы принять на себя сан священный; однако же строго соблюдается весь порядок повседневного Богослужения, исключая, конечно, Божественную литургию. День отшельников начинается с глубокой полночи: во исполнение слов Псалмопевца: «седмирицею днем хвалих Тя», Господи (Пс. 118; 164), пустынные подвижники каждый день собираются в церковь на полунощницу, утреню, третий, шестой и девятый час, на вечерню и повечерие, совершая между сими службами еще частые моленные пения. В рукописях, сохранившихся в библиотеке Лавры от того времени, находим каноны: за творящих милостыню, за болящих, за умерших. Непрестанная молитва, по заповеди Апостола, была их постоянным правилом и в церкви, и в келлии. А для совершения Божественной литургии в праздничные дни обыкновенно приглашали священника из ближайшего села, или игумена, быть может, того же старца Митрофана, который постригал самого преподобного Сергия. Священнослужителя всегда встречали с радостью и с подобающего честью. Год спустя после того, как собрались к преподобному братия, пришел к ним на жительство и упомянутый игумен Митрофан.

Сергий очень рад был ему, по нужде в иерее Божиим; притом он надеялся, что старец сей не откажется принять на себя начальство над собравшимися пустынножителями; но недолго пораздовался Сергий: пожив немного под кровом своего постриженника, Митрофан тяжело занемог и отошел ко Господу. И снова обитель осталась без совершителя Таин Божиих, потому что сам преподобный, по своему глубокому смиренномудрию, не хотел принять на себя ни игуменства, ни сана священного. Подражая кроткому и смиренному сердцем Господу, он управлял только посредством своего примера, и точно: по слову Христову, был первый тем, что был всем слуга (Мк. 9; 35). Три или четыре келлии для братии он построил своими руками, сам рубил и колол дрова, носил их к келлиям, молот в ручных жерновах, пек хлебы, варил пищу, кроил и шил одежду и обувь, носил на гору воду в двух водоносах и поставлял у келлии каждого брата. Когда кто-

нибудь из братии отходил ко Господу, угодник Божий своими руками омывал и приготавливал к погребению усопшего. Одним словом, он служил братии, по выражению блаженного ученика его Епифания, как купленный раб, всячески стараясь облегчить их трудную жизнь пустынную, хотя и приводил братию в немалое смущение таким глубоким смирением и трудолюбием. Служа другим в течении дня, Сергей не имел и одного часа свободного от труда и молитвы; питался он только хлебом и водою, и то малою мерою, а ночь почти всю проводил в келейной молитве, и где бы он ни был, что бы ни делал, всегда имел в уме и на устах слово Псалмопевца: «предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся» (Пс. 15; 8). И все сии многотрудные подвиги не только не ослабили его сил телесных, но и укрепляли их: преподобный Епифаний говорит, что в молодые годы свои угодник Божий был столь крепок телом, что имел силу против двух человек: это было следствием его трудолюбия и строгого воздержания. Когда же Сергей ощущал брань вражью и стрелы разжженные, пускаемые рукою стреляющего во мраке в правых сердцем (Пс. 10; 2), он еще больше усиливал свой пост и молитвенные подвиги. Так порабощал духу тело свое смиренный подвижник, прилагая труды к трудам; так подвизался этот земной Ангел, желавший паче всего соделаться гражданином горняго Иерусалима! А братия с любовью и благоговением взирали на своего возлюбленного авву, и всеми силами старались подражать ему. И трудно было пришедшему в первый раз посетителю различить, кто был старший из них и кто младший, кто начальник места сего и кто подчиненный, потому что, взирая на смиренного и кроткого Сергия, каждый старался смирять себя пред смиреннейшим. Все считали друг друга братьями, и никто из них не хотел быть старшим. Какой поучительный урок гордым сынам нашего суетного века, желающим весь мир переделать по своим безумным мечтам! Не путем безначалия, насилий и полной разнузданности страстей человеческих достигаются истинно-братские отношения между людьми, а путем глубочайшего смирения, путем полного самоотречения в духе евангельской любви, когда люди забывают о своих правах, и во имя любви думают только о своих обязанностях да горько оплакивают немощи падшей природы своей...

Свободные от молитвы часы отшельники проводили в постоянных трудах. "Молись и трудись, трудись и молись" — вот неизменное правило, завещанное инокам от святых отцов древних, и ученики Сергиевы трудились над возделыванием своих небольших огородов для своей скудной трапезы пустынной, заботились каждый о своей убогой келлийке, шили себе одежды, переписывали книги и можно думать — занимались даже инокописанием. Правильного общежития в обители тогда еще не было, поэтому ни общей трапезы, ни общих послушаний тоже не было. Неудивительно посему, что богатая благочестием пустыня Сергиева, часто нуждалась в самом необходимом. Нередко случалось, что ни у кого из братии не было ни куска хлеба, ни даже соли, не доставало воска для свеч, елея для лампад, и тогда

зажигали березовую или сосновую лучину, которая с треском и дымом светила их чтению и пению... Самые книги иногда писались не на хартиях, а не бересте: не на что было купить материала для книг. Зато сердца святых подвижников горели тише и яснее всяких свеч, и пламень их молитвы трепетал воздыханиями, из глубины сердечной восходившими к престолу Божию! О если бы стяжать нам хотя бы малую крупицу их смирения, их любви к Господу! Но для сего — будем, братие, чаще переноситься мыслию и сердцем в те давние времена, когда они жили; будем привитать духом около сих избранников Божиих, как привитал, например, в Бозе почивший святитель Московский Филарет... "Прости мне, — говорит он в одном прекрасном слове своем, — прости мне, великая Лавра Сергиева, если мысль моя с особенным желанием устремляется в древнюю пустыню Сергия. Чту и в красующихся ныне храмах твоих дела святых, обиталища святыни, свидетелей праотеческого и современного благочестия; люблю чин твоих Богослужений, и ныне с непосредственным благословением преподобного Сергия совершаемых; с уважением взираю на твои столпостены, не поколебавшиеся и тогда, когда колебалась было Россия; знаю, что и Лавра Сергиева, и пустыня Сергиева есть одна и та же благодатия, которая обитала в преподобном Сергие, в его пустыне, и еще обитает в нем и в его мощах, в его Лавре; но при всем том желал бы я узреть пустыню, которая обрела и стяжала сокровище, наследованное потом Лаврою. Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено здесь имя Пресвятой Троицы? Вошел бы я в него на всенощное бдение, когда в нем с треском и дымом горящая лучина светит чтению и пению, но сердца молящихся горят тише и яснее свечи и пламень их достигает до неба, и Ангелы их восходят и нисходят в пламени их жертвы духовной... Отворите мне дверь тесной келлии, чтобы я мог вздохнуть ее воздухом, который трепетал от гласа молитв и воздыханий преподобного Сергия, который орошен дождем слез его, в котором отпечатлено столько глаголов духовных, пророчесственных, чудодейственных... Дайте мне облобызать праг ее сеней, который истерт ногами святых, и через который однажды переступили стопы Царицы небесной... Укажите мне еще другие сени другой келлии, которые в один день своими руками построил преподобный Сергий, и, в награду за труд дня и глад нескольких дней, получил укрух согнивающего хлеба... Посмотрел бы я, как, позже других насажденный, в сей пустыне, преподобный Никон спешно растет и созревает до готовности быть преемником преподобного Сергия... Послушал бы молчания Исаакиева, которое, без сомнения, поучительнее моего слова... Взглянул бы на благоразумного архимандрита Симона, который довольно рано понял, что полезнее быть послушником у преподобного Сергия, нежели начальником в другом месте... Ведь все это здесь: только закрыто временем, или заключено в сих величественных зданиях как высокой цены сокровище в великолепном ковчеге! Откройте мне ковчег, покажите сокровище: оно непохитимо и неистоцимо; из него, без

ущерба его, можно заимствовать благопотребное, например, безмолвие молитвы, простоту жизни, смирение мудрования..."

(Из книги "Житие и подвиги преподобного и Богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца")

634. Благодатный старец

Тому, кто сам шел по стопам преподобного отца нашего Сергия, — присным ученикам его, дано было видеть высокое благодатное состояние души его в чувственных образах, и особенно в те священные минуты, когда святая душа старца Божия как бы отрешалась от всего видимого мира, и, вся пламенеющая любовью ко Господу, уносилась к Нему всем духовным существом своим. Это были святейшие минуты совершения им Божественной литургии.

Так, когда один из любимых учеников его, преподобный Исаакий, любитель безмолвия, просил святого старца благословить его на подвиг совершенного молчания, то он после литургии, после приобщения святых Христовых Таин, когда сам ощущал в себе особенное действие благодати Божией, осенил его крестным знаменем и вот, в самую минуту благословения Исаакий видит, что чудный пламень исходит от руки благодатного старца и объемлет его, Исаакия... И с той минуты, огражденный молитвами старца ученик вступил в избранный им подвиг; и если иногда молчальник хотел бы тихо произнести какое-либо слово, и тогда возбраняла ему это молитва Сергиева.

В другое время преподобный Сергий совершал Божественную литургию вместе с братом своим Стефаном и племянником Феодором, уже посвященным тогда в сан пресвитерский. Молчальник Исаакий стоял в церкви. Вдруг он видит в алтаре четвертого, чудного образом мужа, сослужащего сим трем и сияющего необычайным светом, в блистающих ризах... На малом входе с Евангелием чудный муж шел за Сергием, и лицо его сияло, как солнце, так что Исаакий не мог даже взирать на него... Это чудное видение разрешило ему уста, и он обратился к стоявшему подле него благоговейному старцу Макарию с вопросом: "Что это за чудное видение, отче? Кто этот дивный муж?" — Макарий и сам был поражен чудом и отвечал: "Не знаю, чадо, но и меня объемлет страх... Разве не пришел ли какой священнослужитель с князем Владимиром?" — А князь Владимир Андреевич Серпуховской гостил тогда в обители, и тут же, в церкви, стоял его боярин. Иноки спросили его: нет ли священнослужителя с князем? — Боярин сказал, что нет. Тогда блаженные ученики Сергеевы уразумели, что с их аввою служит Ангел Божий, ибо Ангелы любят себе подобных. — Литургия кончилась, и чудный оный муж стал невидим. Оба ученика, удостоенные видения, улучив удобную минуту, наедине спросили преподобного о его таинственном сослужителе. Смиранный старец сначала

уклонялся от объяснений: "Что чудное видели вы, дети мои? — говорил он, — служил брат мой с сыном своим и с ними я недостойный, а еще никого с нами не было". Но ученики не переставали упрашивать его: "Господа ради не скрой от нас, честный отче, — ведь мы своими очами видели четвертого, точно Ангела Божия, служившего с тобою". Тогда преподобный сказал им: "Дети мои любезные! Если уже Сам Господь Бог открыл вам эту тайну, то могу ли я скрыть ее от вас? Тот, кого вы видели, действительно — Ангел Господень: и не теперь только, а и всегда, когда я совершаю Божественную литургию, мне недостойному бывает такое посещение. Но вы строго храните это в тайне, пока я жив".

А вот и еще неложный свидетель благодатного видения — это блаженный Симон епископ, муж испытанной добродетели, о котором с похвалою отзывался сам преподобный Сергей. Однажды, когда святой игумен совершал Божественную литургию, он видел, как небесный огонь сошел на святые Тайны в минуту их освящения, как этот огонь ходил по святому престолу, озаряя весь алтарь, обиваясь около святой трапезы и окружая всего священнодействующего Сергия. А когда преподобный хотел причаститься святых Таин, Божественный огонь свился "как бы некая чудная пелена" и вошел внутрь святого потира. Таким образом угодник Божий причастился сего огня "неопально, как древле купина неопально горевшая..." — Ужаснулся Симон от такого видения, и в трепете безмолвствовал; но не укрылось от преподобного, что ученик его сподобился видения. Причастившись святых Таин Христовых, он отошел от святого престола и спросил Симона: "Чего так утрашился дух твой, чадо мое?" — "Я видел благодать Святого Духа, действующего с тобою, отче", — отвечал тот. — "Смотри, же никому не говори о том, что ты видел, пока Господь не позовет меня из этой жизни", — заповедал ему смиренный авва.

Так восходил от силы в силу, преуспевая в духовном просветлении и приближаясь к Богу, благодатный старец. За свою крепкую веру он удостоился лицезреть камень веры — Петра; за свою девственную чистоту — девственника и друга Христова Иоанна, а за свое величайшее смирение — смиреннейшую из всех земнородных Владычицу мира, Пресвятую Богородицу... С раннего детства и до глубокой старости во всех его поступках мы видим прежде всего два прекрасных свойства его святой души: глубокое смирение и детскую простоту. Эти две добродетели составляют основные черты его нравственного облика; они, так сказать, окрашивают в свой цвет все его прочие добродетели, его благостное ко всем отношение, его голубиное незлобие, все его великие подвиги. В соединении с духовным рассуждением они образуют в нем тот цельный нравственный характер, красота которого невольно влечет к себе человеческое сердце. Когда ближе всматриваешься в светлепный образ сего старца Божия, каким изображает его жизнеописатель, то сердце переполняется каким-то неземным чувством красоты, и душа рвется припасть к стопам угодника Божия! Это чувствовали добрым сердцем еще его современники: "Еще в жизни сей, — говорит

святитель Платон, — за святость жития своего он был почти от всех любим и почитаем более, чем сколько позволяло это его тогдашнее смиренное состояние. А ведь в этой жизни как часто добродетель бывает закрыта, как часто бросают на нее тень и даже преследуют!.. Если же его добродетель еще в сей жизни сияла так светло, что ни развращение мира, ни страсти злых, ни слепота гордых не могли помрачить ее: то какова же ее светлость там, где нет ни страстей, ни мрака, где все праведники сияют яко солнце в царствии небесном?" (Мф. 13; 43). И льется этот тихий свет с высоты небесной на нас, грешных обитателей их земной родины; и пробуждается в душе чувство горького упрека нашей немощи: вот, думается, каковы были наши духовные предки — истинные последователи Христова учения! А мы что?.. Господи! Какая пропасть отделяет нас — плотяных от них — одухотворенных, нас — оземленившихся рабов греха от них — святых, чистых, свободных граждан горняго Иерусалима! И кто же тому виною, братие — читатели мои?.. Кто кроме нас же самих?.. Ведь святые Божии такие же люди были, что и мы, той же плотью были облечены, те же немощи имели, те же скорби несли; значит, и нам никто не помешал бы такими же стать, какими они были, если бы только сами мы того пожелали, — да пожелали всем сердцем, всею душою, всем помышлением своим!..

Будем же чаще всматриваться в дивные образы их, — о, не даром же сказано в Писании: «с преподобным и сам преподобен будеши», — с благодатным и сам облагоухаешься ароматом благодати, исходящим от одеяния души его!..

635. Слово любви к именующему себя старообрядцем о Символе веры

В числе жалоб известной Соловецкой челобитной находится на листе и следующая: «Такожде, государь, и Символ православных христианских веры изменили: глаголют: "И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго", а "истиннаго" оставили». Ты верно полагаешь, глаголемый старообрядец, что Символа веры изменять не должно. И я тоже полагаю, и присовокупляю, что сие именно запрещено седьмым правилом Третьего Вселенского Собора. Итак, позаботимся о правильном чтении Символа веры, а для этого посмотрим скорее не в новонапечатанные книги, которым ты не доверяешь, а в старопечатные, которые ты уважаешь. В большом Требнике, напечатанном при патриархе Иосифе, в Символе веры напечатано: "И в Духа Святаго, Господа, истиннаго и Животворящаго". А в Катехизисе малом, напечатанном также при патриархе Иосифе, напечатано: "И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго". Из этого можешь видеть, заботливый о истине старообрядец, что по изданию малого Катехизиса и патриарх Иосиф виноват в том, в чем Соловецкие ревнители обвиняют учеников Никона. Ты, может быть, вздумаешь в защиту патриарха Иосифа сделать догадку, что это ошибка типографщика. Нет, не годится это оправдание. Когда книга вышла

из типографии и пошла всюду по рукам, пропуск, буде он важный и противный вере, должен был открыться и дойти до сведения патриарха; а патриарх должен был истребить или исправить неправославную книгу. Но как он этого не сделал, то неизбежно виноват против Соловецкой челобитной. Заметь же, правдолюбивый старообрядец, что за некоторое разноречие в изданных книгах и, следовательно, за погрешность в которой-нибудь из них, ни современники не почитали патриарха Иосифа сомнительным в Православии, ни Соловецкие ревнители на него не жаловались, ни вы, новейшие старообрядцы, не лишаете этого приснопамятного мужа того уважения и доверия, которое приличествует ему по его православию и по достоинству церковному. Итак, вот перед глазами нашими один из многочисленных случаев, который очевидно доказывает, что в старопечатных книгах есть погрешности, что, следовательно, старопечатные книги нужно исправлять, что, следовательно, не за что отделяться от Церковной Иерархии, которая осмотрительно исправляет погрешности старопечатных книг по вернейшим, древлеписьменным. Возьмем другое к сему делу свидетельство из уважаемой вами старины. В постановлениях так называемого Стоглавного Собора в главе 9 написано следующее: «...также и: "Верую во единого Бога", суще глаголется: "И в Духа Святаго, истинного (Бога) и Животворящаго", ино то гораздо. Нецыи же глаголют: "И в Духа Святаго, Господа, истинного", ино то не гораздо. Едино глаголати: или "Господа", или "истинного"». До зде (доселе) слова Стоглавного Собора. Из этого свидетельства видно, что во время Стоглавного Собора статью Символа веры, нами теперь рассматриваемую, говорили и читали трояко. Одни так: "И в Духа Святаго, истинного и Животворящаго". И это, по мнению Собора, гораздо, то есть правильно. Другие так: "И в Духа Святаго, Господа, истинного и Животворящаго". И это, по мнению Собора, не гораздо, то есть неправильно. Третьи так: "И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго". И это Собор не запретил, а отдал на выбор с первым образом чтения. Будь беспристрастен, почитатель старины, и не закрой очей от сего ясного доказательства того, что Стоглавный Собор имел перед глазами и передал нам в своем деянии уже не чистую, первоначальную церковную древность, но смешанную, среднюю старину. Видишь ли, он имел перед собой три разных чтения одной и той же статьи Символа веры, и одну из них отвергнул, а из двух остальных не знал, которая есть подлинная, и дал волю всякому выбирать одну из них, наудачу. Видишь ли, что и Стоглавный Собор не отверг того чтения, которого ныне единогласно держится Церковь, а отдал оное на произвол: едино глаголати: или "Господа", или "истинного". Напротив, о том чтении, которое господствует у новейших старообрядцев, в котором соединяются оба слова: "Господа, истинного", Собор сказал: ино то не гораздо. Видишь ли, что по суду чтимого вами Стоглавного Собора, вы не так, как должно, говорите Символ веры. Послушайтесь же, если не нашего совета и доказательств, то повеления Стоглавного Собора послушайтесь; перестаньте закосневать в погрешности. Теперь рассмотрим, нельзя ли

достоверно разрешить то, чего не решил Стоглавный Собор, то есть должно ли читать в Символе веры: "И в Духа Святаго, Господа", или: "И в Духа Святаго, истиннаго"?

Пойдите в Грецию, в Палестину, в Египет, в Афон, в Грузию, войдите там в православные церкви, послушайте, как там говорят Символ веры, посмотрите, как он писан там в новых и старых книгах; вы найдете там на языках тех стран то самое, что в наших церквях, на нашем языке: "И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго". Там нет об этом споров, и потому нет причины делать умышленные подчистки и поправки в старых книгах, в каковом подлоге у нас изверженный за раскол диакон Феодор судебно дознан, по взятой у раскольников книге и по их самих признанию. Что же значит оное согласие разных мест, разных языков, разных времен, как не истинную церковную древность Символа веры, каков он вышел из рук отцов Второго Вселенского Собора? Но кто же первый сделал в нем разноречие? Сего исторически открыть нельзя, потому что начавшая разноречие рукопись, может быть, совсем уже погибла, да если бы она и сохранилась, то нельзя воскресить писца, чтобы допросить о причине разноречия; здесь возможна только догадка. Вероятно, кто-нибудь вздумал умствовать там, где должно было только верно следовать предшественникам, и, видя, что в Символе веры первым двум Лицам Пресвятой Троицы приписано наименование "истиннаго" в следующих словах: "Бога истинна от Бога истинна", заключил, что по равенству всех Лиц, должно быть и третьему приписано именование "истиннаго", а из сего заключил далее, что в Символе сделан или пропуск, или ошибка, и что надобно прибавить к слову: "Господа", слово: "истиннаго", или сим последним заменить первое. Сделанное таким образом разноречие, в те времена, когда книги выходили не тысячами экземпляров из типографии, а по одной из-под руки писца, могло переходить от писца к писцу, и от чтеца к чтецу многие десятилетия, прежде нежели обратило на себя внимание церковного начальства. Поэтому-то Стоглавный Собор, как выше показано, нашел такое разноречие, что не знал, как возвратиться к единству. Но почему же погрешительна вставка слова: "истиннаго"? А потому, что первая часть Символа веры о Боге Отце и о Боге Сыне изложена Первым Вселенским Собором, а та, которая говорит о Боге Духе Святом, приведена в настоящую полноту Вторым Вселенским Собором. Первый имел особенную причину против хитрословных ариан сказать о Боге Сыне: "Бога истинна от Бога истинна". Второй не нашел нужным употребить подобное выражение против духоборцев. Подобное этому примечать можно и в других частях Символа веры. О Сыне Божиим сказано: "несотворенна"; о Духе Святом этого не сказано, между тем, совершенно достоверно, что Дух Святой не сотворен, и что Он есть истинный Бог. Так веровал Второй Вселенский Собор, так верует и ныне Православная Церковь, и это верование нимало не ослабляется тем, что в Символе веры не читалось и не читается слово: "истиннаго". "А подлинно ли не читалось?" — спросишь ты. В ответ на это я укажу тебе на свидетелей, которым ты, по собственным твоим

правилам, верить должен. Во времена первого патриарха Иова прислано в Москву Соборное деяние четырех Восточных патриархов к царю и великому князю Феодору Иоанновичу, всея России самодержцу, о поставлении Иова, первого патриарха Московского, за руками патриаршими и многих святителей Восточных, рук до семидесяти: в этом деянии помещен и Символ веры, а в нем прилога (прибавление): "истиннаго" нет, и читается: "Егоже Царствию не будет конца". Это Соборное деяние и теперь хранится в Москве, в Патриаршей библиотеке, а в Патриаршей ризнице хранится саккос, привезенный из Греции митрополитом Фотием, который во время литургии надевали, и на нем вышит Символ веры без слова "истиннаго", по-гречески, и стоит там: "Егоже Царствию не будет конца". Кому же верить надобно, как не Восточным патриархам? Еще там же хранится Псалтирь следованная Соловецкого чудотворца Зосимы, келейная, по которой преподобный и правило исполнял; в ней писан Символ веры без слова: "истиннаго". Веришь ли ты правильному поставлению первого Российского патриарха Иова? Без сомнения, веришь. Итак, ты должен верить Соборному деянию четырех патриархов о его поставлении, а в сем деянии Символ веры написан так, как выше сказано, без приложения слова "истиннаго". Если не осуждаешь за это патриарха Иова и патриархов, которые возвели его на патриаршество, то не осуждай за то же и всю Церковь прошедшего и нынешнего времен. Говорить ли о другом разноречии Символа веры, а именно: должно ли читать в нем: "Егоже Царствию не будет конца", как читает Церковь, или: "Егоже Царствию несть конца", как хотят любители старины? Прошу не прогневаться; я не стану рассуждать об этом ничего не значащем разнословии, а представляю это в пример того, какие суетные и бесполезные споры заводят с нами люди, хвалящиеся старой верой.

Утешитель, Дух истины, да утешит меня и тебя уменьшением распрей в христианстве. В мир бо призва нас (Господь) Бог (1 Кор. 7; 15).

(Из Бесед с именующим себя старообрядцем)

636. Взыскание погибших

1.

Вот еще одно из самых трогательных — бесчисленных наименований, коими любовь христианская возвеличивает Ту, Которая Сама об этом предрекла: от ныне ублажат Мя еси роди (Лк. 1; 48): "Взыскание погибших!.." Так называется одна из чудотворных икон Матери Божией, и вот народное предание, почему эта икона получила такое наименование.

В Калужской губернии, почти на самой границе ее с Московскою, есть село Бор, а в приходе этого села — деревня Вязовня. Тут, назад тому лет сто, жил один благочестивый крестьянин, которого звали Федотом Алексеевым. Крестьянин этот всегда отличался особенным усердием к своему бедному сельскому храму, в котором ризы священнические были бедные

крашенинные, а сосуды для службы Божией — оловянные. Федот Алексеев, как мог, украшал свой родной храм и жертвовал в него разные иконы. По занятиям своим он временно проживал в г. Волхове и часто ездил по окрестным селам и деревням, скупая пеньку и конопляное семя. В одну из таких поездок, зимою, его застигла на пути буря и страшная вьюга. Настала ночь; он сбился с дороги и долго блуждал, надеясь попасть в какую-нибудь деревню, пока наконец лошадь его, выбившись из сил, стала на краю непроходимого оврага. Ехать было некуда; кругом — непроглядная тьма, буря не унималась, вьюга бушевала и мороз становился все лютее. Не имея надежды на людскую помощь, несчастный путник от всего сердца возопил к Заступнице рода Христианского, Матери Божией, и дал обещание написать Ее икону "Взыскание погибших" для своего сельского храма, если останется жив. От стужи он весь продрог; чтобы сколько-нибудь согреться, он лег в сани и укрывшись, чем было можно, стал засыпать, не чувствуя того, что совершенно замерзает... Еще несколько минут — и он погиб бы; но Мать Божия услышала его теплую молитву и взыскала погибающего. В соседнем селении один крестьянин вдруг слышит у себя под окном чей-то голос: "Возьмите!" Он выходит к воротам и видит запряженную лошадь, а в санях — полузамерзшего своего знакомого Федота Алексеева. Как и кто привел сюда с края оврага его лошадь — осталось неизвестным. Едва живого Федота внесли в дом, оттерли, обогрели и таким образом возвратили его к жизни. Поболел немного Федот, оправился, поехал в Волхов и так заказал обещанную икону "Взыскание погибших". Когда икона была готова, он привез ее сначала в свой родительский дом, а отсюда перенес на голове своей и в свой родной Борский храм.

С того времени икона эта стала досточтимой святыней сего храма. Доска ее очень большого размера: длина больше трех аршин, а ширина аршина и три четверти. Изображение разделено на две части: весь верх занят изображением Богоявления Господня, а ниже изображена преблагословенная Мать-Дева; в святейших объятиях Ее Сын Божий, к Которому с материнскою любовью Она преклонила свою главу. Как неизреченная Божия Премудрость, Сын Божий изображен не сидящим, а стоящим: как бесконечная Любовь, Он взаимно держит в Своих Божественных объятиях пречистую Мать Свою, а в лице Ее и всякую преданную Ему душу. Когда смотришь на эту святую икону, то кажется, будто Мать Божия Своим любящим материнским взором обращена к каждому предстоящему Ей и молящемуся, сколько бы тут ни было богомольцев: как нежная Мать, Она радуется с радующимися и утешает сущих в скорби и печали; Она готова даровать всем полезное по их прошению, только бы с верою и любовью просили Ее материнского заступничества пред Спасителем нашим Богом. И в минуты радости всегда бы стоял пред Нею и в чувстве сердечного умиления говорил: "Радуйся, Радосте наша!" И в часы скорби, неотступно повергался бы пред Нею, взывая: "Утешения не имам разве Тебе, Владычице мира, упование и предстательство верных: Ты ми помози!" Такое изображение

лика Богоматери побудило составителя службы в честь сей иконы сказать в стихирах: "Сердца наша привлекла еси, Дево чистая, благолепием образа Твоего и боголепными онаго чудесами" (на литии).

К сожалению, по простоте служивших при храме села Бора священников, чудесные знамения милости Царицы небесной не были записываемы, но что таких знамений было немало, это свидетельствует самый храм: вместо прежней бедной деревянной церкви теперь в Бору возвышается прекрасный каменный храм, с оградой, колокольней и богатою утварью, а на самой иконе положена серебропозлащенная риза весом более пуда, и все это устроено на приношение богомольцев, отовсюду стекающихся на поклонение честному образу "Взыскания погибших". Даже место для нового храма было избрано самою Царицей небесной: когда было решено строить этот храм, то два соседние помещика заспорили: на чьей земле его строить, — каждому хотелось, чтобы новый храм был построен на его земле. Спор тянулся долго.

Между тем, пред самым началом дела о построении каменного храма, церковный староста, человек благочестивый, видит во сне, что пришел он в старый деревянный храм, взял чудотворную икону "Взыскание погибших" на свою голову, вынес ее из церкви и поставил на том самом месте, где она и сейчас стоит в новом храме. При этом староста слышит во сне: "Здесь Мне будет место". И вот вскоре после этого сновидения получается из Священного Синода указ, коим предписывается строить храм близ старого, деревянного, на том месте, где было указано старосте во сне. — Из других чудесных знамений от сей святой иконы особенно поразительно чудо исцеления немого, не владевшего ногами отрока: когда святая икона была принесена в г. Серпухов (это было во время холеры в 1871 г.), отрок проговорил: "Вот — Взыскание погибших!" и тут же стал на ноги. После принесения иконы в этот город и холера в нем прекратилась.

В память сей милости Царицы небесной граждане г. Серпухова пожертвовали в Борский храм драгоценное Евангелие с изображением самой чудотворной иконы и с подобающей надписью. Должно заметить, что икон, именуемых "Взыскание погибших", есть несколько: одна из них, признаваемая также чудотворною, находится в Московской церкви Рождества Христова, что в Палашах.

2. Поучение

Владычице, помози, на ны милосердовавши: потщися, погибшем от множества прегрешений...

Узок и прискорбен путь, ведущий в Царство Небесное, зато он ведет прямо к Богу на небо. Широко и просторно путь погибели; зато много — о, как много людей погибает на этом пути и ниспадает прямо во дно адаво! Сколько распутий на этом погубительном пути! Сколько пропастей и стремнин грозит на нем путнику! Как будто во тьме ночной блуждают на сем пути погубительном люди грешные; сами не ведая: куда они идут? Что их ждет в конце этого пути? — Кто же вразумит их? Кто выведет на прямой путь

спасительный?.. "Един Господь может кающегося грешника прощати, но на сие умоляет Его Мати!" — говорит святитель Димитрий Ростовский. Не имеем мы, грешные, дерзновения пред Господом нашим: каждый день и каждый час мы прогневаем Его своими беззакониями: кто же заступится за нас? Кто подаст нам руку помощи? К кому нам взывать в горести душ наших, аще не к Тебе, о Владычице наша, пресвятая Богородице? Воззри матерним взором Твоим, Царице небесная, на нас бедных, немощных странников земных; умиლოსердися над нами, помоги нам, толико грехами обремененным и долу преклоненным: взыщи нас, по распутиям мира сего грешного блуждающих, спаси молитвенным Твоим предстательством погибающих! Ведаем, о Госпоже наша пресвятая Богородице, что Сын Твой и Бог наш ни в чем Тебе, яко Матери Своей возлюбленной, не откажет; ведаем, что и Ты, преисполненная любви к роду Христианскому, со свойственною Тебе благодатию всякому молению смиренных грешников внимаешь: не отрини убо и нас недостойных, надеждо наша непостыдная, Заступнице усердная! Что будет с нами окаянными, если Ты отворишь пресветлое лицо Твое от нас? Уже и теперь враг так часто смеется над нами, так часто побеждает нас, забывающих заповеди Сына Твоего, пребывающих в лености и нерадении; а что будет тогда, когда он, вселукавый, увидит, что Ты не внемлешь нашим молитвам?.. О, да не будет сего, премилосердая наша Заступница и Владычица! Отжени от нас, смиренных рабов Твоих, всякое уныние, забвение, неразумие и нерадение, прожени вся скверная, лукавая и хульная помышления от грешных сердец наших, погаси пламень страстей наших, яко нищи есмы и окаянни... Избави от многих и лютых воспоминаний, и предприятий, яко благословенна еси от всех родов и славится пречестное имя Твое во веки веков, аминь.

637. Древние христиане во время чумы

Давно это было: 1660 лет назад; далеко это происходило, на северных берегах Африки, в славных тогда городах Александрии и Карфагене. Но что происходило так давно и так далеко, очень поучительно для нас и для нашего времени. В Александрии в то время святительствовал священномученик Дионисий; в Карфагене — тоже священномученик, Киприан. В тогдашней столице всего мира — Риме царствовал языческий император Галл. Страшное бедствие постигло тогда всю Римскую империю: то была чума. Прежде всего она появилась в Аравии, оттуда была завезена в Египет, затем проникла в северную Африку и наконец, ужасно свирепствуя, буквально уничтожая целые города и деревни, перешла в западные пределы империи.

Люди страдали страшным расстройством желудка; внутренний жар сожигал горло, покрывавшееся язвами и нарывами, воспалял глаза, наливавшиеся кровью, и разъедал все тело человека раком. Походка становилась нетвердою; слух притуплялся, зрение ослабевало и больной

умирал ужасною смертью. Страшное зрелище представлял тогда Карфаген! Воздух был душен; ни малейшего движения ветра; нестерпимый африканский зной расслаблял и душу и тело. На улицах царила мертвая тишина. Дома были наглухо заколочены. В некоторых из них томились покинутые родными и друзьями несчастные, подвергшиеся заразе. По улицам и закоулкам там и сям валялись выброшенные трупы умерших и, распространяя нестерпимое зловоние, заражали воздух. Но, что всего ужаснее, между трупами шевелились и живые: это отцы выбросили своих заболевших детей, дети — родителей, мужья — жен... По временам слышался предсмертный стон, а жадность, не боясь заразы, спешила воспользоваться беспомощным положением умирающих и грабила их...

Вот в одном из просторных зданий, на окраине Карфагена, собралось общество Христиан. Видно, тяжело у всех на душе: немое молчание сковало уста; вид у всех такой мрачный, пугливый, подавленный. Но вот, вдруг все оживились; взоры всех направились в одну сторону: явился святитель Киприан, любимый пастырь, отец верующих. Его взор светится милосердием и святостью. Его лицо открыто; его осанка важна и величава. Строгий, но без суровости, кроткий и милостивый, но без излишней слабости, он внушает к себе любовь и общее уважение. Одно появление, один взгляд его производит, видимо, сильное впечатление. И понятно: все хорошо знали, что сей святитель преисполнен горячей заботливости о каждом страждущем, не щадил средств для помощи нуждающимся, готов был разделить скорбь каждого. Он и теперь созвал верующих для того, чтобы поддержать своим словом благодатным малодушествующих, ободрить смущающихся близкою опасностью смерти, укрепить всех в тяжкую годину испытания. Речь его дышит необыкновенною силою убеждения, проникнута крепкой верой, непоколебимой надеждой на Бога. "Что представляет нам мир? — говорит святитель. — Каждый день борьба против диавола, каждый час — война против его стрел! Бедное сердце человека! Осаждаемое со всех сторон от диавола, оно с трудом защищается, едва успевая приготовить надлежащий отпор. Только что отеснит корыстолюбие, как поднимается сладострастие; подавит сладострастие — на его место является тотчас честолюбие; удалится честолюбие — воспламеняется гнев, поднимает голову гордость, высокомерие, зависть... Вот сколько бурь должен выдержать наш дух ежедневно; вот как много опасностей угрожают сердцу! И находят же люди удовольствие и счастье в этом положении, когда приходится стоять под мечами врага!.. Таков настоящий мир. Как не похож на него тот — загробный мир! Там избавление от всех зол этого мира. Чего же бояться смерти? Многие из наших умерли от заразы: это значит, что они избавились от бедствий этого света. Только там, в будущей жизни, истинный мир, невозмутимый покой, вечная безопасность, если только ты загладишь свои грехи покаянием. Там наша родина. А кто, странствуя на чужбине, не спешит возвратиться на милую родину? Наше отечество — рай; наши прародители — патриархи. К чему же медлить, если Бог зовет нас узреть свое отечество,

приветствовать там своих родителей? Там ожидает нас бесчисленное множество наших возлюбленных: наши родители, братья, дети с нетерпением ждут нас; получив блаженство, они заботятся лишь о нашем спасении. Одна возможность — заключить их в свои объятия — что это за радость для них и для нас! О, как велика радость в Царстве Небесном, где уже никогда не думают о смерти, как велико блаженство вечной жизни! Там светлый лик Апостолов; там собрание ликующих пророков; там лучезарное воинство мучеников, увенчанных за свою победу в борьбе и страданиях; там торжествующие девы; там получившие свою награду человеколюбцы. И все они ждут нас, ужели же мы не рады будем видеть их?! А с ними и Самого Христа! А если так, то почему же мы боимся смерти, боимся перехода в ту жизнь? Все это происходит оттого, что слаба вера, потому, что никто не верит в истину того, что обещает Сам Бог. Это значит вовсе не знать Бога; это значит грехом неверия оскорблять Христа Господа. Можно ли печалиться об умерших братьях? Они уже свободны от уз настоящего мира; они не потеряны для нас; только пошли впереди нас. — Только тот должен трепетать смерти, кто будет предан адскому мучению, для кого смерть временная есть только переход к смерти вечной. Между тем страх смерти пробуждает равнодушных, заставляет задуматься распущенных; опасность заразы испытывает праведность каждого: заботятся ли здоровые о больных, искренно ли любят близкие своих друзей, не отказывают ли врачи в помощи болящим, сдерживают ли жестокие свою горячность и необузданность, погашают ли в себе жажду к деньгам лихоимцы и хищники, сгибают ли гордые свою шею... Да, это время — время упражнения в добродетели для нас, мы должны пользоваться им, чтобы получить венец!"

Так поучал святитель Божий Киприан. И слово его ободрило верующих. Богатые спешили сложить у ног пастыря золото; бедные, но сильные телом спешили на улицы города — хоронить трупы, слабые — ходить за больными. Все, кто мог, спешили жертвовать всем, что имели, на пользу болящих. С любовью смотрел старец-святитель на свою паству, любовался как отец любимым детищем. "Дети мои, — говорил он: — если мы будем оказывать добро только своим — Христианам, то поступим только как язычники. Мы дети Отца небесного, а Он велит светить солнцу, посылает дождь на праведных и неправедных: будем и мы оказывать помощь даже и своим гонителям - язычникам!" И слово святителя было исполнено, и язычники с изумлением увидели, как Христиане ухаживали за их же больными, от которых сами язычники бежали прочь...

Перенесемся теперь мыслью в Александрию. И там слезы, и там все плачут: от множества умирающих город оглашается стонами. Нет дома, в котором не было бы покойника. Что же Христиане? Вот что пишет о них сам их пастырь добрый, священномученик Дионисий: "Весьма многие из наших братьев, неутомимо ходили за больными и, служа им ради Христа, вместе с ними радостно умирали, потому что заражались от них. А сей род смерти, будучи делом великого благочестия и твердой веры, ничем не ниже

мученичества. А язычники прогоняли заболевающих, убегали от самых любезных, выбрасывали на улицу полумертвых, стараясь избавиться от смерти, и все же умирали..."

Так поступали древние Христиане во время великого общественного бедствия. — Братие — нынешние Христиане! За тяжкие грехи наши и на нас попустил Господь беду великую: уже немало из братий наших похитила холера... Правда, еще не так опустошает она грады и веси наши, как тогда язва опустошала Карфаген и Александрию; но дело не в том, много или мало умирает людей, а в том, готовы ли сами мы встретить так мужественно, как встречали ее древние Христиане? Они, например, причащались святых Таин каждый праздник, каждый воскресный день, а у нас есть такие, которые по несколько лет не говели. Им не было даже нужды напоминать об этом: святые их пастыри говорили им только: не бойтесь смерти, она ведет к вечной жизни. А нынешним как не сказать: хоть ради страха-то смертного поговейте, соединитесь со Христом в святых Таинах, исправьте свою жизнь... Тогда и смерть будет не страшна для нас: умирать когда-нибудь да надобно, только бы с покаянием умереть! А кому приведет Бог за умирающими походить, тот пусть помнит пример древних Христиан, которых святые священномученики Киприан и Дионисий называют достойными венца мученического. Сами себя и друг друга Христу Богу предадим, и Он помилует нас имиже вестъ судьбами. Аминь.

(По поводу известий о холере)

638. Плач блаженного аввы Исаии

1.

Увы мне бедному! Увы мне несчастному! От огня геенского еще не далек я: еще действуют в душе моей те, которые увлекают в оный человека; еще имеют над сердцем моим силу те, которые хотят низвергнуть меня в вечное пламя; еще не знаю, что будет со мною. Еще не проложил я прямой дороги. Еще не освободился совершенно от власти воздушных: посредством дел беззакония она еще силится господствовать над сердцем моим. Еще не принял я в свое сердце моего Освободителя, Который для того и сходил на землю, чтобы освободить меня от тяжкого рабства духов злобы, а во мне живет еще нечестие их. Не вижу еще, на что могу надеяться в страшный день судный. Еще не знаю, приговор ли смерти вечной услышу я или нет. Еще не исключен я из числа виновных. Узник, заключенный в темнице, не веселится. Кто скован медными оковами, тот не может делать, что ему угодно. Как поведет других тот, у кого на ногах цепи? Как может быть покоен тот, кто удручен скорбью? Как может с удовольствием вкушать пищу тот, у кого петля на шее? Он и не помышляет уже, как бы совершить еще какие-либо преступления, но стенает и плачет о тех, коими осквернил уже душу свою, и за которые теперь справедливо переносит мучения.

2.

Кто размышляет о тех муках, коим подвергнется некогда за свои беззакония, тот уже не рассуждает более ни о чем: его сердце удручено скорбью о предстоящих мучениях; представление о них заглушает все прочие мысли; ему и пища на ум не приходит. Ничего не отвечает он тем, которые бранят его; терпеливо переносит все обиды, почитая себя достойным оных; с тяжкими вздохами и стоном помышляет он о том страшном суде, пред которым некогда должен явиться; сильная скорбь сердца источает из очей его обильные слезы. Если вместе с ним влекут и других узников, он не обращает на них внимания, не советуется с ними, что делать. Кийждо свое бремя понесет (Гал. 6; 5). Когда ведут его на место казни, с поникшею головою опускает он глаза свои. Никто не смеет говорить о нем: все боятся лютоости мучения. Он сам признается в тех злодеяниях, за кои осужден.

3.

Доколе же буду я пренебрегать тем, что вижу пред собою? Сердце мое иссохло; зной страстей палит душу мою; рассеянность ума встревожила мою голову; чувственные потребности оковали меня; плоть нудит меня сойти с прямой дороги. Нет у меня друга, который бы замолвил за меня; нет даров, которые бы мог я послать к небесным гражданам. Со всех сторон облежат меня бедствия, но не узнают меня небесные граждане; прошу, умоляю их — не слушают меня. Сердце мое не находит себе утешения. Жало грехов непрестанно пронзает меня. Бремя беззаконий моих час от часу тяжелеет. Слышу, что место казни близко. Раны, которые, казалось, зажили, снова открылись на моем теле... Прикрывая раны мои, чтобы люди не увидели их, я в то же время не позволяю, чтобы врач залечил их. Врач — хороший и платы не требует; но я так ленив, что в тягость мне даже подойти к Нему. Он Сам подходит ко мне, чтобы уврачевать меня, и видит, что я употребляю в пищу то, что вредно для меня в настоящей болезни. Советует мне, чтобы я вперед воздержался от сей пищи, но лукавое сердце изменяет мне. Всякий раз, как поем запрещенного, раскаиваюсь в своем малодушии, но мое раскаяние непрочно. Врач присылает мне пищу полезную для меня, но худая привычка не дает мне употреблять того, что Он мне присылает. Не знаю, что мне теперь делать? Плачьте с мною, братия мои возлюбленные, да низойдет на меня помощь свыше, да наставит и укрепит меня Господь Бог наш, ибо Его царство, и сила и слава всегда, ныне и присно и во веки веков, аминь.

4.

Горе нам, что мы на сем кратком поприще жизни так пристращаемся к чувственным удовольствиям! Мы удовлетворяем незаконное кратковременное пожелание, и за то становимся недостойными восхитительного зрелища славы Божией. Горе нам! «Тление не наследствует нетление» (1 Кор. 15; 10), а мы, презирая нетленное, стораем безумною страстью к тленному. Горе нам, питающим и лелеющим плоть свою, которая некогда должна сделаться пищею червей и обратиться в прах! Увы нам! Мы

не страшимся ни огня неугасимого, в коем вечно гореть будем, ни червя неусыпаемого, который никогда не перестанет глотать нас... Увы нам! Тело наше, оскверненное беззакониями почитают и лобызают люди благочестивые, а между тем мы — гробы раскрашенные (Мф. 23; 17). Горе нам, пиршествами роскошными возжигающим в себе похоть плотскую! Горе нам! Сын Божий, единосущный Отцу Своему, для нас соделавшийся Сыном человеческим, «не имать в нас, где главы подклонити» (Мф. 8; 20), тогда как лисы — хитрые и нечистые демоны — имеют в нас язвины. Увы нам! Правые сердцем предстанут пред судилище Христово с душами святыми и телами чистыми, а мы — с нечистыми душами своими и скверными телами — как явемся пред Судию неумытного? Горе нам! Приговор смерти вечной изречет Он беззаконникам...

5.

Увы нам! Привязанные ко всем порокам и преступлениям, мы еще дерзаем требовать себе чести и славы, святым подобающей. Увы нам! Оскверненные всеми грехами и беззакониями, мы — как будто беспорочные — не стыдимся обращаться в мирном кругу людей невинных и благочестивых. Горе нам! Сами покрытые мраком заблуждений, мы беремся руководить и наставлять тех, которые гораздо лучше и превосходнее нас. Горе нам! Тяжкие и неудобноносимые бремена налагаем мы на выи братьев своих, а сами, будто бы по слабости нашего телесного сложения, не хотим и пальцем коснуться оных. Увы нам! Сами не исполняем того, что повелевают нам законы Божественные, а других не стыдимся наставлять обязанностям благочестия. Когда мы пьем и едим, то не хотим рассудить, какая борьба произойдет оттого для духа нашего. Увы нам! Мы пренебрегаем Божественными молитвами и чтением Священного Писания, а тратим драгоценное время на мелочи и пустословие...

6.

Горе нам, живо чувствующим болезни телесные, а для ран и скорбей душевных не имеющим никакого чувства! Горе нам! Не показываем мы ни страха рабского, ни усердия наемников, ни любви сыновней — в исполнении заповедей Божиих. Увы нам! Богатым и сильным угодить стараемся, а бедных, с покорностью вымаливающих у нас крупичицы со стола нашего, как навязчивую толпу, гоним от себя прочь. Увы нам! Не по добродетелям, а по одному своему мнению оцениваем мы ближних своих...

7.

Увы нам! Рассматриваем, судим, определяем, наставляем других, в чем состоит честное и справедливое, а между тем — как далеки мы от дел добрых и благочестивых! Увы нам! В глазах людей боимся сделать преступление, а пред Богом-тайнозрителем не страшимся совершать дел студных. Горе нам, не осоляющим разговоров наших солию Божественною!..

8.

Увы нам! Днем и ночью повторяем мы: Господи, Господи! А не делаем того, что велит Господь. Увы мне! Пишу плач сей, а нет еще во мне законов

истинного покаяния. Увы нам! Мы не размышляем о мрачном вечном пламени, о вечном плаче и скрежетании зубов. Бог отнял у того пламени свет и оставил в нем только силу сожигать, дабы во мраке тем больше страдали осужденные.

9.

Увы мне! Бедная душа моя! Мучительная скорбь непрестанно грызет мое сердце; небесное, вечное, нетленное променял я на земное, тленное, скоропреходящее; низкое и достойное презрения предпочел я сладости любви христианской; мрак заблуждения изгнал из души моей свет истины, увы мне бедному. Увы мне несчастному! Дьявол опутал меня своими сетями. Кто не станет плакать о моей участи? Кто не прольет слез горести об изнемогшем под бременем трудов бесполезных? Кто не сжалится надо мною, в пристани потерпевшим кораблекрушение? Помилуйте меня, помилуйте меня, хотя вы друзья мои! (Иов. 19; 2). Падите пред любвеобильным Господом нашим Иисусом Христом, умоляйте Его! Да снимет с меня густой мрак, коим обложил меня дьявол! Нет скорби, которая бы была сильнее моей. Нет язвы, которая бы равнялась с моею. Ибо беззакония моя превзыдоша главу мою (Пс. 37; 5). Увы мне, бедная душа моя! Помысли, каких благ ты лишаешь себя, каким мучением подвергаешь себя! Итак, прежде нежели угаснет свет над главою твоею, пади к ногам Отца небесного, умоляй Светодавца благоутробного, чтобы освободил тебя от вечного пламени и тьмы кромешной. Ибо благодати принадлежит — прощать грехи человеческие. Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

639. В чем главный грех штундистов?

Душа болит, когда подумаешь о наших штундистах, молоканах, баптистах и других отщепенцах от святой Церкви Православной! Какое удивительное легкомыслие, какое непростительное самомнение! 900 лет Русские люди свято хранили веру Православную, которую принял от Греков наш равноапостольный Князь Владимир, а Греки сохранили ее от самых времен Апостольских, и сколько за все это время — и в Греции и у других народов Православных, было людей мудрых, ученых, благочестивых, святых; и все они веровали и молились по православному, и никто из них не дерзал даже сомневаться в истине веры своей: а вот у нас завелись такие умники — штундисты, молокане, баптисты и другие сектанты, которые воображают, будто они лучше всех мужей мудрых и святых уразумели слово Божие, будто все те люди мудрые и святые заблуждались, ошибались, не понимали слова Божия, как нужно, или же других обманывали из-за корысти какой-то... Не гордость ли — думать так? Не страшное ли, губительное самомнение? Они, видите ли, считают себя и святее, и мудрее, и лучше всех святых Божиих, от века Богу угодивших в вере православной, — мудрее и лучше всех православных Христиан, от самого нашего Православного Царя-

батушки, от всех наших святителей и пастырей, до несметного числа простых людей, в смиренной простоте спасающихся в недрах своей матери — Церкви Православной! Ну не страшное ли это самообольщение? С Богом, что ли, говорили они? Или Бог послал им каких-то новых, мудрых учителей? Знаем мы, откуда и у кого взяли они свою недалекую мудрость. Побывали их первые лжеучители у немцев в немецких колониях, наслушались там еретических толкований о вере, да и стали сами то же повторять: понравилось, видно, учить других, благо для такого учения немного нужно науки: вычитал несколько текстов из Библии, заучил их наизусть, не справляясь, верно ли понял их, — вот и стал учителем! Забыли такие учителя-самозванцы слово Писания: не буди мудр о себе (Притч. 3; 7); забыли слово святого Апостола Иакова, брата Господня по плоти: «братия мои! Не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большему осуждению, ибо все мы много согрешаем» (Иак. 3; 1, 2). И в штунде, в баптизме, у молокан и у всех подобных им сектантов, лишь бы смелости достало, а то всякий может быть учителем. Разве это не гордость, не самомнение, доходящее до глупости? Разве это не тяжкий грех пред Господом Богом и пред ближними, которых такой самозванный учитель вводит в заблуждение? Такие незванные учителя любят говорить: "Мы не новую веру держим, мы учим и веруем по Евангелию". Но откуда они взяли самое Евангелие-то? С неба, что ли, оно упало к ним? Конечно нет: они взяли его у той же святой Церкви Православной. Она сберегла его как святой дар от дней святых Апостолов, чрез многие сотни лет. Сберегла она его чрез своих пастырей и архипастырей, из коих многие в былые века и душу свою положили, и кровь свою пролили за святое Евангелие. Эти же святые пастыри и на наш русский язык перевели все книги Священного Писания с языка греческого. Вот как святая Церковь любила и неприкосновенно хранила слово Божие и святое Евангелие. Как же смеют штундисты, разные баптисты и другие сектанты обвинять ее в том, будто она не понимает и даже будто искажает слово Божие? Она приняла его из рук самих Апостолов, она благоговейно хранила его в течение 1800 лет; когда появились между христианами разные самочинные люди, еретики, сектанты и раскольники, которые по своему смышлению, как нынешние штундисты, толковали слово Божие, святая Церковь собирала со всех концов мира Христианского своих мудрых и благочестивых пастырей и учителей, и они, призвав на помощь Святого Духа, рассуждали, как должно понимать слово Божие по духу учения Апостольского, и таким образом едиными устами и единым сердцем свидетельствовали единую истинную православную веру. Ближе нас по времени жили они ко временам Апостольским, лучше нас знали от учеников и преемников Апостольских, как понимали святое Писание сами святые Апостолы, а потому могли лучше нас и толковать его согласно с учением самих Апостолов. Многие из них претерпели страдания и смерть от еретиков за православное понимание слова Божия, и не изменили святой истине учения православного. А как они свято и богоугодно жили, о том и говорить

нечего: как небо от земли, так далеко отстоит наша грешная жизнь от их святой подвижнической жизни. — так они были кротки, смиренны, любовью к Богу и ближнему преисполнены!.. За то и сподоблялись они от Господа Бога дара чудотворений: болящих исцеляли, даже мертвых воскрешали... Вот от кого мы православные получили книги священного Писания, вот кто передал нам святое Евангелие, вот наши учителя и наставники: как должно понимать слово Божие! Они оставили нам толкование на святое Писание. И вот этих-то наших учителей и не хотят знать все эти штундисты, молокане, баптисты и прочие им подобные, коих не перечесть! Вот их-то, святых, богомудрых, Богом прославленных мужей эти самозванцы-толковники и обвиняют в искажении слова Божия, в том, будто они неправильно толкуют его, будто — страшно, право, вымолвить: — будто они обманывают народ, — перетолковывая слово Божие неправо, в своих видах корыстных! А они вот, эти штундовые вожаки, разные Рябошапки и Шевченки, и понимают, и толкуют слово Божие правильно, они не обманывают народ, чрез них, видите ли, Сам Дух Божий возвещает истину! Не правда ли, какое ужасное самомнение, какое ослепление гордого невежественного ума, который не хочет даже просто и здраво обсудить дело, не хочет подумать: "Да неужели же, в самом деле, все эти миллионы православно веровавших в течение 1800 лет, и ныне верующих, глупее меня? Ужели я такой умник, что могу судить и рядить всех их — эти миллионы православных Христиан, а сам так и ошибиться не могу? А что если я-то именно и ошибаюсь? Что если они-то и правы? Не лучше ли, не безопаснее ли для спасения поточнее от самой Церкви, из ее книг, от ее толковников узнать: что и почему она толкует так, а не иначе? Неужели же никто из православных так и не желает себе спасения? Ужели в Церкви Православной только и есть, что обманщики да невежи, первые всех обманывают, а последние как стадо за ними идут? Ведь вот и Царь наш блюдет веру православную, ужели и он обманщик? Ведь все, что меня смущает, наговорили мне немцы да их ученики — враги Русской земли: дай-ка я проверю, много ли правды в их речах? Ведь и диавол может, как сказано, принимать образ ангела светлого: что мудреного, если меня, пользуясь моею же простотою, только хотят сбить с толку все эти лжеучители немцы и им подобные?" Вот если бы стал так рассуждать добросовестный штундист, да не погордился взять в руки писания святоотеческие, например, толкование святого Иоанна Златоуста на Евангелие, или вообще книги церковные, да стал бы читать их со смирением и охотою, как читает разные немецкие выписки из их лютеровых лжемудрований, то и увидел бы свет истины Божией в учении Церкви Православной. Вот хотя бы относительно тех же святых Евангелий он узнал бы, что в первое время после Апостолов было много разных сочинений, называемых Евангелиями, — об этом и святой Лука Евангелист пишет в самом начале своего Евангелия, — а почему из этих многих сочинений приняты и признаны всем миром Христианским только четыре? Ни в Евангелиях, ни в Апостольских посланиях ни слова не говорится, что их

только четыре. Откуда же штундисты знают, что действительно Апостолами оставлено нам только четыре, ни больше, ни меньше Евангелий? Ничего на этот вопрос не могут сказать штундисты, а мы им можем сказать, что все Евангелия, сколько их ни было, в свое время рассмотрела святая Церковь и выбрала из них, и одобрила, признала настоящими Евангелиями только четыре, которые и сохранила, как слово Божие, до наших дней. А все прочие признала и отвергла как подложные. Выходит, что волей-неволей сектанты верят в этом Церкви, хотя и не признаются в этом доверии Церкви. Потом: кто написал Евангелия? Ни один Евангелист не называет сам себя прямо по имени: откуда же штундисты это узнали? А мы знаем это по церковному преданию, от учеников Апостольских до нас дошедшему. Значит, и в этом штундисты и прочие сектанты верят Церкви, хотя и не сознаются в том. Еще: почему они знают, что все, что содержится в Писаниях Апостольских, сохранилось точно и неизменно, как было ими написано, сохранилось, несмотря на то, что прошло с тех пор 1800 лет? Кто им поручился в том? Опять все таже, ими поносимая Церковь Православная: это она свидетельствует непрерывным преемством своего церковного предания, она ручается в том, что слово Божие, ей вверенное, она соблюла в непорученной целостности. Да и теперь: кто поручится, что слово Божие не будет переделано по смышлению разных лжеучителей вроде известного изобретателя своей собственной веры графа Толстого и ему подобных? Ни штундисты, ни молокане, ни баптисты и другие сектанты за это поручиться не могут: скорее они-то и начнут перекраивать священное Писание по своему смышлению, как это и делают их учителя, немцы-лютеране. А может поручиться в том едина святая Соборная и Апостольская Церковь: она по слову святого Апостола Павла, есть «столп и утверждение истины» (1 Тим. 3; 15); ей дано великое обетование Господа: «созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей» (Мф. 16; 18); ей заповедал Христос повиноваться: «аще Церковь преслушает брат твой, буди тебе яко язычник и мытарь» (19). С нею пребудет до скончания века Сам Господь — ее Основатель и Глава. Но вот ей-то и не хотят повиноваться, вопреки столь ясно сказанной заповеди Господа, все эти сектанты: штундисты, баптисты, молокане, раскольники и им подобные; против ее-то учения они и восстают! Почему восстают? Потому что нет в них ни единой крупички святого смирения хриstopодражательного: гордость обуяла их, ослепила до того, что они не хотят беспристрастно, по совести, рассмотреть ее святое учение, а только поносят ее, посмеиваются над нею и ее служителями, за что и Господь посмеивается над ними, по слову псалмопевца (Пс. 2; 4). Святые отцы говорят, что в очах Божиих смиренный грешник выше гордого праведника. А потому, какими бы добродетелями ни хвалились хулители Церкви Божией, одна гордость их довлест к их гибели. Никакие добродетели, как бы высоки они ни казались в глазах человеческих, не имеют никакой цены в очах Божиих, если они творятся без смирения, а смирение и одно, по учению святых Отец, может заменить добродетели, хотя и не без труда. Вот почему напрасно хвалятся своими мнимыми

добродетелями, своею якобы доброю жизнью все наши сектанты: их гордость и хула против Церкви Божией довлеет к их гибели. Христос, сказано, возлюбил Церковь и предал Себя за нее; Он — ее Глава; она Его невеста и Его тело: поэтому, кто хулит Церковь, тот оскорбляет Самого Христа, ее Главу, ее Жениха. Он оскорбляет ее, как мать свою, отрекается от своей матери. А кому Церковь не мать, тому Сам Бог не Отец! Так тяжок грех хулы против Церкви Божией! Да вразумит Господь всех таковых хулителей, имиже весть судьбами: о сем молится и будет молиться непрестанно святая мать наша Церковь православная...

640. Голос спасающей благодати

Горе тому, кто оставляет мать свою, Святую Церковь Православную; такого человека оставляет и благодать Божия, спасительная. К счастью, Господь и во гневе Своем милостив: и удалившись от заблудшего, благодать Господня, так сказать, издали призывает его к покаянию, и благо ему, если он не остается глух к этому благодатному призыванию. Вот что поведала о себе одна монахиня, по имени Евсевия, жившая в Брянском монастыре.

— Я родилась от православных родителей и воспитана была ими в православной вере. К сожалению, они, конечно по расчетам мирским, выдали меня замуж за раскольника. Свекор мой, грубый, закоренелый раскольник, настоятельно требовал, чтобы я перешла в раскол, и я, грешная, не устояла, согласилась на это. В деревне Колчевой меня перекрещивали, и, когда стали погружать меня в кадку с водой, я затряслась от страха. "Из-за чего, — думала я, — оставляю православную веру и Святую Церковь? Из-за одних упреков и угроз престарелого свекра... Какое малодушие!.." Как бы то ни было, только меня погрузили в воду, и что же увидела я? Боже мой! И теперь я часто вспоминаю это видение. Мне показалось, будто белый голубь отлетел от меня... "Что это? — подумала я. — Уж не благодать ли Духа Святаго, дарованного мне в Православном Крещении, отлетает от меня? Да, видно, благодать Святаго Духа..." И мне грустно стало. Но мир, суета, заботы мирские опутали меня отовсюду: я свыклась с расколом и видение то забыла.

Грешник часто забывает Бога, но Бог никогда не забудет грешника. Не забыл Он и меня, отступившую от веры православной. В 1830 году появилась у нас холера и в нашем семействе первой поразила меня. Страшные боли мучили меня, но помощи, кроме Бога, ниоткуда нельзя было ожидать. В то время у нас все боялись холеры, как болезни заразной, и вот, могла и я сказать со святым Давидом: «И ближнии мои одалече мене сташа» (Пс. 37; 13). Я лежала одинокая в борьбе с тяжелой болезнью. Между тем наступила ночь. Все тихо, только в уединенной комнате, где я лежу, раздаются мои стоны. Вдруг, среди этой тишины, мне слышится, будто кто-то говорит: "Евфросиния! Присоединись к Святой Православной Церкви". Голос этот три раза повторился с краткими промежутками. Я готова была послушаться

таинственного голоса. Боли мои утихли, и я спокойно заснула. Настало утро, и я была совершенно здорова; на мш не видно было даже и следов моей жестокой болезни. Среди своих рассказала я, что слышалось мне ночью. Тут был и свекор мой. Выслушав слова мои, он весь изменился в лице, взглянул на меня сверкающими от сильного гнева глазами и дрожащим от злости голосом сказал: "Видишь как диавол-то хитер, как ненавидит он добро! Он опять манит тебя в заблуждение, чтобы потом мучиться тебе в вечном огне!" Что же я? Удивляюсь своему легкомыслию; я поверила, как истине, коварным словам свекра. Но вот опять посещение Господне, опять благодатный зов Его ко мне грешнице!.. Вечером того же дня холера опять поразила меня, и я страдала так жестоко, что с часу на час ожидала себе смерти; но в то время как я, в мучительных страданиях, отчаивалась в самой жизни, ночью опять повторился тот же голос: "Евфросиния! Присоединись к Святой Православной Церкви! "Тут уже дала я решительный обет Богу присоединиться к Церкви Православной, если только Господу угодно будет возвратить мне здоровье, и в этой решимости я забылась. Вдруг вижу, будто святая икона Божией Матери с Предвечным Младенцем, на воздухе, склоняется надо мною, и склоняется так, что покрывает лицо мое. Это повторилось несколько раз. Я спокойно после этого заснула и утром почувствовала себя опять здоровой. Меня навестила племянница моя, и когда я рассказала ей свое видение, она тотчас отвела меня в церковь. Лишь только я вступила туда, как тотчас увидела на столбе ту самую икону которую видела ночью склоняющейся надо мной. Сердце мое сильно билось от радости, и я с умилением выслушала всю литургию. Потом объявила священнику все свое приключение и вместе с тем желала при соединиться к Святой Православной Церкви. Добрый пастырь принял живое участие в моем положении и велел мне готовиться к присоединению, которое он хотел совершить на другой день. И вот я с радостью вышла из церкви, но на пути домой меня опять начали смущать мрачных мысли: как-то будет поступать со мной муж мой, а особенно свекор...

Ах, как много в человеке силы для зла, и как в нем мало ее для доброго дела!.. Но благодарение милостивому Богу: когда я высказала все своему мужу, он сказал мне: "Что ж, хорошо... Я и сам бы готов с тобой присоединиться к Церкви Православной, да видишь, как старик-то наш на это смотрит. Боюсь оскорбить его. Что делать, буди воля Божия! А ты будь покойна, исполни свой обет и не бойся никого и ничего. Я твой защитник". На другой день Господь сподобил меня присоединиться к Православной Церкви, и я возвратилась с такой радостью, какой прежде никогда и не испытывала. Мою сердечную радость делил со мной и муж мой. А свекор... Господь посетил его самого в это время холерой; он страшно мучился, только стонал, ничего не мог высказать и часов через шесть скончался. Жаль было старика: каков бы ни был он, все же близкий родной, мужа моего отец, и между тем умер в упорном заблуждении.

Но за одним горем — новое горе: холера разразилась и над мужем моим. Три дня он, бедный, тяжело страдал, но, слава Богу, в эти три дня испытания он успел раскаяться, присоединившись к Православной Церкви, и умер, напутствованный Святыми Таинами. Так стала я горькой вдовой. Для меня только и остались на земле две радости: сын тринадцати лет, да дочь, помоложе его. Сына я отдала в Брянск для приучения к торговле, но там он через два года умер. Каждый знает, чего стоит потеря сына для матери, и матери — вдовы. Обливаясь горькими слезами, отправилась я из деревни в Брянск, чтобы выплакать горе свое над могилой, в которой сокрыт был дорогой для меня прах. Но где же выплакать все горе... К утешению своему я узнала, что тут, в Брянске, устраивается женский монастырь, и вот, решила я вместе с дочерью остаться здесь, чтобы искать утешения в Боге, и Господь исполнил мое желание. Так Он, Милосердый, зовет нас к Себе неведомыми нам путями...

(Из книги "Свет во тьме раскола")

641. Заочное свидание святых друзей

Все святые подвижники, прежде чем достигнуть благодатного состояния, проходят общим путем скорбей и подвига крестного. Таким путем прошел и преподобный наш Сергей. И он выдержал великий подвиг борьбы с врагами спасения: с плотью, миром и диаволом, — борьбы неустанной, для мира непонятной, но для Христова послушника неизбежной. Победа, наконец, одержана. Стихли страсти. Убито себялюбие, повержен в прах идол плотоугодия, не смеет подступить мир с своими соблазнами. "Рубище покрывало его святое тело, — говорит митрополит Платон, — тесная хижина была собеседницею в его богомыслии, и простой жезл подкреплял подвигами добродетели ослабленную плоть. Но дух его был преисполнен обилием благодати, его сердце вкушало те сладости, коих вкус есть вкус манны животной и нетленной". В смиренном сердце подвижника тихо сиял неизреченный свет благодати Божией, согревая все его духовное существо. Ему преизобильно сообщены были все дары Божии: и дар чудотворений, и дар пророчества, и дар утешения и назидания, совета и разума духовного. Для его духовного взора как бы не существует ни преград вещественных, ни расстояния, ни самого времени. Он видит далече отстоящее, яко близ сущее, зрит будущее, как бы настоящее... Он предсказывает несбыточность мечтаний гордого Митяя, он успокаивает Великого князя Дмитрия обетованием победы над Мамаем, а в самый час битвы на поле Куликовом, совершая молебное пение в храме своей обители, духовными очами созерцает все, что происходит на этом поле битвы... Вот еще трогательный случай этой дивной прозорливости святого старца, записанный его преподобным учеником Епифанием Премудрым.

В 1390 году святитель Стефан, просветитель Перми, путешествовал в Москву. Путь его лежал мимо славной обители Сергиевой, всего в десяти верстах от нее, и святому Стефану очень захотелось видеться со святым ее игуменом. Но обстоятельства требовали спешить в столицу, и он решил посетить преподобного на обратном пути. И вот, поравнявшись с обителью, святой епископ прочитал "Достойно есть яко воистинну..." и издали поклонился в ту сторону, где стояла обитель Сергиева, проговорив: "Мир тебе, духовный брат мой!"

Справедливо говорят, что "сердце сердцу весть подает". Так бывает иногда даже с нами, грешными, а сердца святых Божиих еще более связаны союзом любви и потому еще скорее отзываются на привет любви.

Преподобный Сергей сидел за трапезою с братией; вдруг он встает из-за стола и после краткой молитвы делает поклон к западу, тихо промолвив: "Радуйся и ты, пастырь Христова стада, и мир Божий да пребывает с тобою!"

Братия была очень удивлена таким необычным поступком своего игумена. Более опытные старцы поняли, что он имел какое-нибудь видение и по окончании трапезы спросили его о случившемся. Преподобный не скрыл от них своего духовного видения. "В этот самый час, — сказал он, — епископ Стефан на пути в Москву остановился против нашего монастыря и поклонился Святой Троице, и нас, смиренных, благословил". Преподобный Сергей назвал даже место, где это произошло, и некоторые из братии тотчас поспешили туда, и еще застали там людей, сопровождавших святителя Стефана. Троицкие иноки спросили их, как было дело. И, услышав их рассказ, прославили Бога, прославляющего их святого старца даром прозорливости.

Памятником сего необычного взаимного приветствия святых друзей служит и поныне каменная часовня на 11-й версте Московской дороги с большим деревянным крестом, — на том месте, где останавливался святитель Стефан Пермский. А в обители преподобного Сергия и доселе свято соблюдается в воспоминание этого заочного свидания святых такой обычай: во время трапезования, пред последним блюдом, ударяют в колокольчик, братия встают, и чередной иеромонах произносит: "Молитвами святителя Стефана и преподобного Сергия, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!" — после чего все садятся оканчивать трапезу.

Святые Отцы строго различают в духовной жизни две степени, два состояния, которые они называют "крест деятельный" и "крест созерцательный". Первое состояние есть страданный, многоскорбный узкий путь креста, время подвига, усилий и борьбы с самим собою, — с ветхим человеком, и с врагами спасения — миром и диаволом. Второе состояние есть успокоение сердца в Боге, глубокий мир души, Христовою благодатию победившей страсти, очищенной, просветленной и в таинственном общении с Богом обретшей еще здесь, на земле, залог блаженства Небесного. Первый путь есть общий, для всех спасаемых неизбежный; второй — удел только особенных избранников благодати, о котором святые Отцы не позволяют и

мечтать тому, кто не очистил сердца от страстей. Об этом пути один преподобный так говорит: "Если увидишь юного, по своей воле восходящего на небо, удержи его за ногу и сбрось вниз". Это значит — не давай воли неопытному, юному подвижнику возноситься мечтанием, искать в молитве духовных утешений, желать видений и откровений: все это опасно для него, потому что его сердце еще не очищено от страстей. Святой Исаак Сирий пишет, что Божии дарования сами собою приходят, но только тогда, когда место для них в нашем сердце будет чисто, а не осквернено страстями; приходят так, что человек сам не замечает этого.

Удивлялся ученик блаженного старца Арсения Афонского — как он видит все, что есть на душе у братьев, к нему приходивших. Старец любил своего ученика отечески, и когда тот спросил его об этом, он сказал: "За любовь твою, чадо мое, скажу тебе, но с тем, чтобы ты до моей смерти никому этого не говорил. Вот уже 50 лет служу я Господу на Святой горе, но только недавно стал немного видеть: как только кто из братьев выходит из келлии своей, чтобы идти ко мне, грешному, за советом, а я уже вижу, что у него на душе..." Как это бывает — старец не мог и сам объяснить своему любимому ученику. А нам, страстным, и подавно не постигнуть своим слепотствующим умом дивной тайны облагодатствованного состояния души, — обновленной, освященной, восстановленной в своей первобытной богоподобной красоте и совершенстве. Это мир — для нас, грешных, сокровенный, мир, в котором действуют свои законы, не подходящие под нашу земную мерку, под мерку нашего ограниченного разума, и мы можем благоговейно созерцать только те слабые лучи их светлой, богоподобной чистоты, которые против их воли как бы прорываются наружу в их необычных поступках, словах и движениях. Ударяя в наше страстное сердце теплотой благодатной, они поражают и смиряют наш ум необычайным для него сиянием иного, высшего порядка вещей и влекут наши души к этим дивным избранникам благодати.

642. Праведники во веки живут

«Праведницы же во веки живут, и в Господе мзда их» (Прем. 5; 15)

Сегодня, братие, в нашей обители светлый праздник. Сегодня исполнилось 500 лет, как преставился, отошел ко Господу великий в своем смирении первоначальник обители сей, преподобный и богоносный отец наш Сергей. Там, у Господа на небе, не считают времени: «там один день пред Господом яко тысяща лет, и тысяща наших лет яко день един» (2 Пет. 3; 8). Но для нас, кратковременных пришельцев и странников на земле, 500 лет — много времени. Сколько поколений сменилось, сколько славных людей за это время было, людей мудрых, ученых, знатных, по земному великих, — и сколько из них уже давно забыто, и имена их мало кому ведомы. А вот имя

смиренного подвижника, простого игумена пустыни Радонежской по-прежнему славится и благословляется по лицу земли Русской, и пребудет оно славно дотоле, пока русский народ будет крепко держаться своей веры Православной, пока православные русские люди будут послушными чадами своей благодатной Матери - Церкви Православной. Отчего это? Почему так? — А потому, возлюбленные, что праведники, по слову Писания, — во веки живут (Прем. 5; 15); потому что угодник Божий для нас, русских, никогда не умирал, он только "преставился", только перешел от земли на небо и оттуда, с высоты небесной, с любовью призирая на нас, грешных, непрестанно молится у Престола Божия за родную ему Русь Православную, за державных ее царей, за всех православных русских людей, близких его душе! Может ли при одной мысли об этом не вострепетовать благодарно-радостным чувством каждое смиренно верующее русское сердце? Нет возможности перечислить все те чудесные знамения, в которых преподобный Сергей являл свою благодатную помощь всем, кто с верою притекал к его святым мощам и со смирением призывал его в молитве. Воспомянем хотя кратко только то, что относится ко всему русскому народу, ко всей Православной Русской земле.

Кто читал его Житие, тот знает, чем он был для своего времени. Не одни простецы приходили к нему в пустыню Радонежскую, чтобы поведать ему свои скорби и печали, чтобы получить от него совет и наставление, чтобы попросить его святых молитв и, по мере своей веры, получить от него исцеление своих недугов и утешение в скорбях. Сам великодержавный князь Димитрий Иоаннович не решился выступить против полчищ Мамаевых прежде, чем получил на это благословение смиренного старца Радонежского. Шли к нему и смиренные иноки, чтобы беззаветно отдать себя в послушание этому великому старцу — отцу иноков; шли и сами старцы, как архимандрит Симон, чтобы быть послушниками у преподобного Сергея; за счастье почитали беседовать с ним и московские первосвятители — Алексей и Киприан. Смирялись пред кротким словом сего благодатного старца и гордые соседние князья: и Ростовский, и Рязанский, и Нижегородский, и "брали с Великим князем Московским вечный мир и любовь в род и род". Так глубоко чтили преподобного Сергея его современники. Но вот он отошел ко Господу. Оплакали его православные русские люди, но крепко веровали, что угодник Божий не забудет пред Господом своей земной родины. И действительно, преподобный Сергей явился и донныне является теплым молитвенником за всю землю Русскую, и наипаче в самые тяжкие для нее години испытаний и скорбей. Справедливо один его жизнеописатель говорит, что время общественных бедствий — его время. Когда кажется, что все уже погибло, что русские люди уже ничего не могут сделать для спасения своей родины, тогда воздвигается Сергей, и его молитвенное предстательство пред Богом спасает Православную Русь. Так, в 1521 году татарский хан Махмет-Гирей неожиданно подступил к самой Москве. Великого князя Василия Иоанновича тогда в Москве не было; в беззащитной, обьятой ужасом столице царствовало смятение... И вот, в одну ночь слепая

старица, инокиня Вознесенского монастыря в Кремле, узрела в видении, что мимо ее обители в Спасские (что тогда назывались Флоровскими) ворота, как бы крестным ходом, выходит из Кремля собор святителей, несут они чудотворную Владимирскую икону Богоматери. Едва вышли они из ворот, как их встречает наш неусыпный молитвенник, преподобный Сергей, с другим великим угодником Божиим — преподобным Варлаамом Хутыньским. Припав к ногам святителей, они спрашивают: зачем они покидают город? на кого оставляют его в таком бедственном положении? Святители со слезами говорят, что так повелел Господь за то, что люди презрели страх Божий. Тогда святые подвижники, Сергей и Варлаам, начинают смиренно умолять святителей, чтобы они умилили правосудие Божие, и вместе с ними стали петь молебен. Тут все угодники Божии начинают молить Царицу Небесную о помиловании города, осеняют крестообразно город, и все возвращаются в Кремль... И Мать Божия услышала их молитву — Москва была спасена.

Прошло около 90 лет. Не стало законного царя на Руси, и настали тяжкие, смутные времена. Сердце обливается кровью, когда читаешь страшную летопись о мятежах. Русскую землю разоряли и поляки, и литовцы, и свои же русские изменники; везде бродили шайки разбойников, тут и там появлялись самозванцы... Ночи освещались заревом пожаров, храмы Божии разрушались и осквернялись; скот и псы жили в алтарях; люди бежали в леса, но и там на них охотились с собаками... К довершению всех бед — Москва, это сердце Русской земли, с ее заветными святынями находилась в руках поляков... И вот, в такое-то многоскорбное время обитель преподобного Сергея является несокрушимой опорой Русского царства, и сам он, угодник Божий, истинным Взбранным Воеводою Русской земли, как именует его Церковь. То видят достойные видения, как он ходит по ограде и по всему монастырю и окропляет все святой водою, то он является некоторым из иноков и ободряет их надеждой на милость и помощь Божию; то умножает запасы хлеба чудесным образом и в Лавре, и на своем Московском подворье; то грозит в видении страшным гневом Божиим — как врагам, так и нечисто живущим в его обители... Уже враги овладели Москвой; повсюду распространилась великая скорбь и уныние. Горько плачет в его обители один смиренный служитель Церкви Православной, верный сын Русской земли, плачет о том, что теперь, когда поляки одолели православных, то уже не быть на Руси Православию! Изнемогши от плача, он забылся, и вот он слышит в окно голос: "Кто ты, который так думает, будто не быть на Руси Православию, и хочет испытать судьбы Божии? А того не знаешь, что за вас молит Бога Василий Великий, Димитрий Солунский, да и ваш преподобный Сергей чудодействующий. И будет Православие на Руси по-прежнему!" — Пришел в себя плакавший служитель Церкви, пошел к архимандриту Дионисию рассказать, что слышал; а там стоял отрок, дотоле немой, и ясным языком рассказывал, как сейчас два святолепных старца исцелили его от немоты, а его сожителя — от расслабления...

Между тем, наш воевода небесный, преподобный Сергей, готовил избавление Москвы и всей Русской земли от врагов. В Нижнем Новгороде он явился благочестивому Козьме Минину и повелел собрать казну для военных людей. Смиренный Козьма утрашился: ему ли, простому человеку, собирать казну и снаряжать войско? Видение повторяется еще раз и два, и Козьма исполняет поведенное. Собрано ополчение под начальством князя Пожарского, идет оно к обители чудотворца Сергия, приемлет благословение на свой подвиг от преподобного архимандрита Дионисия и направляется к многострадальной столице. Настает час освобождения. 22 октября русские взяли Китай-город; голодные поляки заперлись в Кремле. Ночью под 25 октября великий печальник земли Русской, преподобный Сергей, является Арсению, архиепископу Елассонскому, который томился от голода и болезни в осажденном Кремле, среди врагов, и говорит ему: "Арсений! Ваши и наши молитвы услышаны: предстательством Матери Божией Суд Божий об Отечестве преложен на милость; завтра Москва будет в руках осаждающих, и Россия спасена. Встань и иди навстречу православному воинству". И утром, действительно, верная русская рать торжественно вступила в заветный Кремль, и исцеленный от болезни святитель Арсений вышел ей навстречу с крестным ходом.

Долго было бы повествовать о всех милостях Божиих, явленных Русской земле по молитвам преподобного отца нашего Сергия. Но и сказанного довольно, чтобы видеть, что сей угодник Божий есть дивный, Самим Богом данный страж своей земной родины, с любовью призирающий на все ее скорби и обстояния и присно предстательствующий за нее пред Господом. Напомним только, что святая его икона, написанная на доске от его гроба, сопутствовала во всех походах нашим царям, от царя Алексея Михайловича до почившего в Бозе императора Александра II. В его обители великий преобразователь России Петр I нашел спасение от стрельцов. В достопамятный 1812 год угодник Божий не допустил врагов подойти к своей обители. Он не только сам предстательствует за родную ему Русскую землю, но собирает множество учеников своих со всех концов Руси, где они подвизались в обителях, ими основанных. Таких обителей более семидесяти.

Сколько подвижников угодило Богу в этих обителях! Сколько благодатного света пролилось из этих рассадников духовной жизни, духовного просвещения! Кто не знает, что ни будь этой веры — не было бы и самой Руси Святой! Но кто не знает и того, что средоточием православной духовной жизни с самого начала христианства на Руси были иноческие обители? И вот, из славной Лавры Сергиевой и из обителей, основанных его учениками и всем его духовным потомством, преизобильно изливался свет духовного просвещения на всю землю Русскую. Оттуда выходили проповедники веры Христовой в дикие страны Севера, оттуда брали мужей достойных на кафедры святительские, там переводили или переписывали книги святоотеческие, туда стремились русские люди в своих горестях и радостях, чтобы помолиться Господу Богу, чтобы посоветоваться с

опытными в жизни духовной старцами-подвижниками, чтобы отдохнуть душой от всех житейских печалей и забот, подышать чистым воздухом молитв, поучиться подвигам духовным... Не затем ли и теперь стремится сюда множество мужей и жен, юных и младенцев, с раннего утра до позднего вечера наполняющих небольшой храм Пресвятой Троицы — смиренное покоище Сергиево, уготованное ему любимым учеником его, преподобным Никоном? О, гряди сюда каждый православный сын великой Русской земли, склоняйся до праха земного у гроба великого заступника нашего, преподобного отца Сергия, касайся с благоговением священного покровца на главе его и неси благодатный мир и радость с собою в родную семью! А ты, великий и преславный чудотворче, отче наш Сергие, не забуди, посещая чад своих, — весь родной тебе русский народ, моли Святую Троицу о Царе нашем батюшке, о всем его царственном доме, о всей Православной Русской земле! Да утвердит и сохранит в ней Господь сокровище Православия и благочестия из рода в род, из века в век, до скончания мира! Аминь.

(Слово на день 500-летия преставления преподобного Сергия, произнесенное в Троицкой Сергиевой Лавре 25 сентября 1892 года)

643. Живём ли мы, христиане, по-христиански?

Есть ли, братие, в нас такая вера, которой мы могли бы похвалиться пред людьми неверующими? Священное Писание указывает два признака такой веры. Первый признак — исповедание веры устами: «Сердцем бо веруется в правду, усты же исповедуется во спасение» (Рим. 10; 10), — говорит святой апостол Павел. «Иже исповесть Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим, иже на небесех» (Мф. 10; 32), — говорит Сам Христос Спаситель. Другой признак спасающей веры — добрые дела: «покажи ми веру твою от дел твоих» (Иак. 2; 18), — говорит апостол Иаков, брат Божий. «О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою... Аще любите Мя, заповеди Моя соблюдайте» (Ин. 13; 35. 14; 15). Первый признак видим мы во всех концах вселенной: повсюду имя Божие проповедуется, везде есть теперь христиане. Наипаче же славится имя Божие в нашей Русской земле; мы в этом счастливее всех народов земных, у нас — вера правая, православная, от Христа преданная, апостолами проповеданная, святыми Вселенскими Соборами утвержденная. Зная это, как хотелось бы сказать о нашем Отечестве: «сей род избран, царское священство, язык свят, люди обновления» (1 Пет. 2; 9). Но сказать так не позволяет нам апостол Иаков: не взирайте, говорит он, только на одно устное исповедание веры, ибо и беси веруют, и не только просто веруют, но и трепещут» (Иак. 2; 19). И Сам Христос говорит: «Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, увидет в Царствие Небесное: но творяй волю Отца Моего, ...Мнози рекут Мне во он день: Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом, и

Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом; И тогда исповем им, яко николиже знах вас» (Мф. 7; 21, 22).

В самом деле: что такое вера? Апостол Павел говорит, что вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом (Евр. 2; 1). Хорошо. Но чего же мы ожидаем, как не воскресения мертвых, последнего Суда, вечной жизни или вечной муки? А кто ждет воскресения мертвых, тому разве не нужны добрые дела? Ведь Сам Христос сказал, что тогда изыдут, сотворишии благая, в воскрешение живота: а сотворишии злая, в воскрешение суда (Ин. 5; 29). Значит, кто хочет получить жизнь вечную, тот не должен ли для сего творить добрые дела? Ведь Сам Христос говорит, что ее наследуют только праведники одни. Мне скажут, что Павел написал: «не оправдится человек от дел закона, но токмо верою Иисус Христовою» (Гал. 2; 16). Зачем же, говорят, еще дела, когда одна вера оправдывает человека? Но Апостол говорит тут не о делах любви, а понимает дела закона Моисеева: разные обряды, жертвы, обрезание и подобное. Но о том, что дела любви, с верою творимые, необходимы, сам же он пишет в другом месте: «Не слышателие бо закона праведни пред Богом, но творцы закона, (сии) оправдятся» (Рим. 2; 13). Теперь посмотри каждый сам на себя: есть ли в тебе этот признак веры спасающей? Можно ли по нашим делам узнать правоту нашей веры? Если бы кто вздумал по делам судить о вере и пришел к нам, что бы такое мы показали ему в доказательство правоты нашей веры? Если мы скажем ему, что у нас есть посты, он скажет: это бывало и у язычников, один мудрец их всю жизнь питался только травой, другой никогда не ел досыта; если мы укажем ему на свечи и другие жертвы, которые приносим мы в церковь Божию, он и тогда сказал бы: все это похвально, но много такого можно было видеть и у язычников, — покажите мне, если можете, вашу добрую веру от вашей доброй жизни. Что бы тогда? не стыдно ли было бы нам, братие? Нам бы надобно указать ему на чистую любовь христианскую, но где она? Смотрите сами, не охладела ли она, по пророчеству Христову? Мало того, не больше ли любят друг друга язычники, чем мы, христиане? Когда язычнику Киру прислано было много дорогих украшений, то он поделился ими со всеми своими друзьями, говоря: "Не могу же я все эти украшения на себя надеть, по крайней мере посмотрю, как другие ими украшены, и это мне будет приятно". А между нами, христианами, сколько таких, у которых моль давно уже имение источила! Сколько таких, у которых серебро и золото в кладовых от времени потускнело! Сколько таких, у которых в житницах от многих лет собранный хлеб мыши едят! Гибнет их добро, а им все жаль с ближними поделиться! Что же это за любовь? Я люблю ближнего, а житницы моей для него не почну, хотя бы он с голоду умирал! Люблю ближнего, а наготу его не прикрою ни одной из десятка одежд моих, хотя бы он замерзал на лютom морозе! Люблю ближнего, а из сотни рублей ни копейки ему не уделю, хотя бы его пытали за долги! Ах, братие, уж лучше будем молчать с такую любовью!

Или, может быть, захотим доказать правоту нашей веры нашей правдой? Но где она? Ах, поистине, иногда у язычников ее больше, чем у нас! У одного языческого народца даже было законом поставлено: если кто хоть раз солжет, то предавать его смерти. А у нас редкая беседа, редкое слово не мешается с ложью. Один языческий царь по тогдашнему закону даже родному сыну за прелюбодеяние велел выколоть глаза, а когда народ умолял его пощадить царевича, то приказал: выколоть один глаз у сына, другой у себя, дабы таким образом соблюсти правду. Найдется ли у нас, христиан, в наше время такая ревность по правде? Увы, видно правда от нас улетела на небо! Потому-то бедные, обиженные люди и не видят ее на земле. И вот они поднимают руки к небу и, взывая к неизменной, во веки на небесах пребывающей Правде, говорят: "О Правда, Правда, свыше на всех призирающая! Не видишь ли Ты, что, кроме Тебя, нет у нас ниоткуда помощи? Нет того, кто избавил бы нас от обид, нет того, кто защитил бы нас от озлоблений... Прииди же Ты, Сама, и вступишь за нас!" — А Правда Небесная чрез Пророка Малахию так отвечает свыше: «и прииду к вам с судом, и буду свидетель скор на... насильствующих вдовиц, и пхающих сирья, и на уклоняющих суд пришельца, и на небаящихся Мене» (Мал. 3; 5). Но это пришествие Небесной Правды на землю — о, как будет горько для всех, кто не любит правды на земле!

Или, может быть, мы вздумали бы похвалиться чистотою жизни и другими добродетелями? Но, пожалуй, и тогда нам будет стыдно пред язычниками, которые, не имущие закона, естественном законная творят, и сами себе суть закон, по свидетельству апостола Павла. А у нас что? Увы, к нам следовало бы отнести такие слова: «ты христианином именуешься, и почиваеши на законе, и хвалишися о Бозе, и разумевши волю, и рассуждавши лучшая, научаем от закона; как же ты, иже в законе хвалишися, преступлением закона Бога бесчестуеши?» (Рим. 2; 17-18, 23). Не на нас ли жалуется и пророк Давид: «вси уклонишася, вкупе неключими быша: несть творяй благое, несть до единого!» (Пс. 13, 3). В самом деле: где видим мы воровство, грабежи и даже разбой? Среди нас, христиан! Где прелюбодейство и другие мерзости, о коих и говорить стыдно? Среди нас, христиан! Где ссоры, раздоры, брань, неурядица? Среди нас, христиан! Где сребролюбие, пьянство, чревоугодие? Среди нас, христиан! Такова ли вера наша? Это ли христианство? Таково ли истинное благочестие? Не подобны ли мы упоминаемому в Апокалипсисе Ангелу Лаодикийской Церкви, который гордо говорил о себе: «богат есмь, и обогатихся, и ничтоже требую, — а на самом деле был беден, нищ, слеп и наг» (Откр. 3; 17).

Так вот и мы, — называем себя православными, а вера правая у нас только на устах. Хвалимся богатством, которое принес на землю Христос, а на деле за наши беззакония давно его лишились, стали нищи и наги... Что значит имя без вещи? что название без дела? Ничто иное, как гроб раскрашенный, внутри полный мертвых костей и всякой нечистоты! Смотрит на нас человек, ищущий правой веры, слышит, что мы называем себя право

верующими, думает, что у нас-то и есть добро, — но лишь только присмотрится к нашей жизни, так скажет совсем другое: у этих людей, скажет он, слово не сходится с делом, одно они говорят, а другое делают. Говорят: "Мы веруем в Бога", — а живут, как безбожники. Говорят: "Мы ожидаем воскресения мертвых", — а вовсе не заботятся о своей душе, как будто она умрет с телом... Итак, не к стыду ли нашему служит самое исповедание веры нашей? Не оскорбляем ли мы этим дражайшее имя Христа Спасителя, которое на себе носим?

Когда-то Александр Македонский, увидев нерадивого воина, которого тоже звали Александром, сказал ему: "Слушай ты, или имя перемени, или нрав!" Храброму царю показалось бесчестным, что ленивец носит его имя. Что, если бы и Христос, Царь Небесный, восхотел судить нас, Своих воинов, которые по имени Его называются христианами, а живут не по-христиански, что сказал бы Он нам? Поистине, сказал бы: или перемените свое имя, или оставьте свои незаконные нравы, но не порочьте Моего доброго имени своей греховной жизнью! И, конечно, нам не миновать сего грозного обличения в день Страшного Суда Его. Да и теперь Бог обличает каждого грешника в его совести: «почто окаянный, имя имаши яко жив, а мертв еси?» (Откр. 3; 1). Но не чувствуем мы, жестоковыйные, грома сего! Но не доходит сия молния до глубины наших душ ожесточенных! Кажется, мы вовсе забыли даже, что христианами называемся! И вот, наши Ангелы-хранители приходят ко Господу и говорят: «не доброе ли семя сеял еси на селе Твоем, откуда убо имать плевелы» (Мф. 13; 27)? Не Ты ли, Господи, пролил за сих людей дражайшую Кровь Твою? Не Ты ли дал им власть чадами Божиими быть? Откуда же это, что пшеница Твоя обратилась в плевелы? Почему даже пролитие Крови Твоей не принесло пользы сим душам? Как это чада Твои преобразились в наследников геенны огненной? Прикажи нам, и мы тотчас истребим сии плевелы и бросим их в печь огненную! Но Божие долготерпение удерживает их, велит ждать до определенного времени жатвы: «пусть обидяй да обидит еще: и скверный да сквернится еще» (Откр. 22; 11). Что же делать нам, братие? Напишем на наших сердцах наше святое имя — ХРИСТИАНЕ и, взирая на него очами душевными, будем жить согласно с сим именем! Аминь.

(Из "Слова" Гедеона, епископа Псковского)

644. Счастливый страдалец

По множеству болезней моих в сердце моем, утешения Твоя «возвеселиша душу мою» (Пс. 93; 19), — говорит царственный страдалец, пророк Давид. Он говорит вообще о болезнях сердечных, о скорбях, но истину его слов чаще всего испытывают на себе те великие терпеливцы, которые с благодарностью к Богу переносят тяжкие телесные страдания. Вспомним нашего Киевского чудотворца Пимена Многоболезненного. 20 лет

лежал он на одре болезни, видно, утешения небесные действительно увеселяли его душу так, что он забывал о болезни своей и видел в ней особенную к себе милость Божию. "Матушка! — говорил один сын своей многолетней страдальце - матери, — ужели ты не скорбишь, не скучаешь, когда одна проводишь долгие летние дни, пока мы все работаем в поле?" — "Нет, сынок, — отвечала она, — зачем скорбеть? Воля Божия! Да и грешно скорбеть: сколько милостей Божиих видела я на своем веку! Вот пришло время и поболеть за грехи мои, лежу я и воспоминаю свои грехи, каюсь в них пред Господом Богом и благодарю Его милосердие, что не погубил Он меня с беззакониями моими, а вот отечески наказует, — разве это не милость Божия? Слава Ему, Милосердому!" Так смиренно верующий страдаец находит в глубине своего Богу преданного сердца великое благодатное утешение и живет радостью при мысли, что за терпение свое он помилован будет от Бога в будущей жизни.

Вот что рассказывает известный "Святогорец" в своих прекрасных письмах об одном схимнике, о. Панкратии, который много лет страдал ранами на ногах. "О. Панкратий, в мире Парамон, был из крепостных. В детстве его жестокая госпожа заставляла его ходить босиком в глубокую осень, когда снег и лед уже покрывали землю, отчего ноги его стали сильно болеть. Бедный отрок не вытерпел, он тайно убежал от своей барыни и, во что бы то ни стало, решился уйти за Дунай, и действительно ушел, и несколько времени оставался в услужении у русских, тоже перебежавших за границу. Он подружился с одним малороссом, который почему-то покончил жизнь самоубийством. Чувствительный Панкратий был сильно тронут и поражен потерей сердечного друга и, видя, как суетна мирская жизнь, бросил ее, и удалился на Святую гору. Здесь, в Русике, нашел он желаемое спокойствие духа, несмотря на то, что нога его уже сгнивала от ран, которые были следствием жестокой простуды в детстве. Впрочем, как ни ужасны были страдания о. Панкратия, он радовался духом и часто даже говорил мне: "Поверь, что я согласен сгнить всем телом, только молюсь Богу, чтобы избавил меня от сердечных страданий, потому что они невыносимы". Говорил я ему: "Смотрю я на тебя иногда и жалею: ты бываешь временем сам не свой от внутренних волнений!" — "Ох, — отвечал он, — вот если сердце заболит — бедовое дело, это адское мучение! А мои раны, будь их в десятеро больше, — пустошь, я не нарадуюсь моей болезнью, потому что по мере страданий утешает меня Бог. Чем тяжелее моей ноге, чем мучительнее боль, тем мне веселее, оттого что надежда райского блаженства покоит меня, надежда царствовать на небесах всегда со мною. А в небесах ведь очень хорошо", — с улыбкою иногда восклицал Панкратий. "Как же ты знаешь это?" — спросил я его однажды. "Прости меня, — отвечал он, — на той вопрос мне бы не следовало отвечать тебе откровенно; но мне жаль тебя, когда ты страдаешь душою, и мне хочется доставить тебе хотя малое утешение своим рассказом. Ты видал, как я временем мучаюсь; ох, недаром я вьюсь змеей на моей койке, мне бывает больно, тяжело больно, невыносимо! Зато, что со

мною бывает после, это знает вот оно только", — таинственно заметил о. Панкратий, приложив руку к сердцу. "Ты помнишь, как я однажды, не вынося боли, метался на моей постельке, и даже что-то похожее на ропот вырвалось из моих уст. Наконец, боль притихла, я успокоился; вы разошлись от меня по своим келлиям, и я, уложивши мою ногу, сладко задремал. Не помню, долго ли я спал или дремал, только мне виделось, и Бог весть к чему... Я и теперь, как только вспомню про то видение, чувствую на сердце неизъяснимое, райское удовольствие, и рад бы вечно болеть, только бы повторилось еще, хоть раз в моей жизни, это незабвенное для меня видение: так мне было хорошо тогда!" — "Что же ты видел?" — спросил я о. Панкратия. "Помню, — отвечал он, — когда я задремал, подходит ко мне отрок удивительной ангельской красоты и спрашивает: "Тебе больно, о. Панкратий?" — "Теперь ничего, — отвечал я, — слава Богу". — "Терпи, — говорит отрок, — ты скоро будешь свободен, потому что тебя купил господин и очень-очень дорого..." — "Как? — говорю, — я опять куплен?" — "Да куплен, — отвечал с улыбкою отрок, — за тебя дорого заплачено, и Господин твой требует тебя к Себе. Не хочешь ли пойти со мной?" Я согласился. Мы шли по каким-то слишком опасным местам, огромные псы злобно бросались на меня, готовые растерзать меня, но одно слово отрока — и они вихрем неслись от нас. Наконец, мы вышли на пространное, чистое и светлое поле, которому не было, кажется, и конца. "Теперь тебе нечего бояться, — сказал мне отрок, — иди к Господину, Который — видишь? — сидит вдаль". Я посмотрел, и действительно, увидел трех Человек, рядом сидевших. Удивляясь красоте места, радостно шел я вперед. Неизвестные мне люди в чудном одеянии встречали и обнимали меня, множество прекрасных девиц в белом царственном убранстве скромно приветствовали меня и молча указывали вдаль, где сидели три Незнакомца. Когда я приблизился к сидевшим, двое из Них встали и отошли в сторону, а Третий ожидал меня. В тихой радости и в каком-то умиленном трепете я приблизился к Нему. "Нравится ли тебе здесь?" — кротко спросил меня Незнакомец. Я взглянул на лицо Его, — оно было светло, царственное величие отличало моего нового Господина от людей обыкновенных. Молча упал я в ноги к Нему и поцеловал их, на ногах были насквозь пробитые раны. После того я почтительно сложил на груди моей руки и просил позволения прижать к моим грешным устам и десницу Его. Не говоря ни слова, Он подал ее мне. И на руках Его были такие же глубокие раны. Несколько раз облобызал я десницу Незнакомца и в тихой, невыразимой радости смотрел на Него. Черты лица моего нового Господина были удивительно хороши, они дышали кротостью и состраданием, улыбка любви и привета была на устах Его, взор выражал невозмутимое спокойствие сердца Его. — "Я откупил тебя у госпожи твоей, — стал говорить мне Незнакомец, — теперь ты навсегда уже Мой. Мне жаль было видеть твои страдания, твой детский вопль доходил до Меня, когда ты жаловался Мне на госпожу свою, томившую тебя голодом и холодом, и вот ты теперь свободен навсегда. За твои страдания вот что Я

готовлю тебе!" — И дивный Незнакомец указал мне на отдаление. Там было очень светло, красивые сады в полном своем расцвете рисовались там, и великолепный дом блестел под их райской тенью. "Это твое, — продолжал Незнакомец, — только не совсем еще готово, потерпи. Когда наступит пора твоего покоя, я возьму тебя к Себе, а теперь побудь здесь, посмотри на красоты места твоего, потерпи до времени: претерпевый до конца, той спасен будет!" — "Господи! — воскликнул я вне себя от радости, — я не стою такой милости!" — И я бросился Ему в ноги, облобызал их, но когда поднялся, передо мною никого и ничего не было. Я проснулся. Раздался стук в доску по нашей обители, ударяли к утрени. Я встал тихонько на молитву. Мне было очень легко, а что я чувствовал, что было у меня на сердце — это моя тайна. Тысячи лет страданий отдал бы я за повторение подобного видения. Так оно было хорошо!"

В праздник святого Пантелеимона, продолжает свой рассказ "Святогорец", после бдения, когда на монастырской площади совершалось водосвятие пред литургией, меня крайне удивил о. Панкратий своею беседой. Я вышел на террасу, чтобы полюбоваться на иноческое собрание, там же был и о. Панкратий. Молча сел я возле него, а больной между тем всхлипывал. "Тебя, верно, очень беспокоит болезнь твоя?" — с участием спросил я о. Панкратия. "Какая болезнь? — отвечал он, значительно взглянув на меня, — это-то? — продолжал он, указывая на ногу, толсто перевитую сукном, — я и думать забыл о ней, ну ее!" — О чем же ты плачешь?" — спросил я. — "Ох, как мне не плакать! — со стоном произнес он, — что если после всех моих заблуждений и бесчисленных грехов, да Господь в рай пошлет?" — Я невольно засмеялся. "Так что же? Будешь блаженствовать!" — говорю ему. — "А если не по заслугам? — возразил страдалец, — пожалуй и в раю наплачешься, если посадят туда, где недостойн быть, а при слезах что за блаженство?" — "В рай-то только пустили бы", — с улыбкой заметил я. — Да и ты что за чудак: люди век свой бьются, плачут и молятся о достижении рая, а ты плачешь, что в рай попадешь!" Тут я встал и удалился от счастливого страдальца, плачущего в Евангельском духе".

645. Смирение — мать всех добродетелей

Нет добродетели боголюбезнее смирения, нет порока богопротивнее гордости. Смирение уподобляет человека Самому Христу Спасителю: «научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем» (Мф, 11; 29), — глаголет Господь, а гордость уподобляет человека диаволу: «буду подобен Вышнему», — говорил о себе сатана (Ис, 14, 14); «будете яко божи» (Быт. 3; 5), — внушал он и нашим прародителям. Смирение соделало Богоизбранную Деву Марию Матерью Божией и возвеличило Ее превыше Херувимов и Серафимов. «Яко призре Господь на смирение рабы Своя» (Лк. 1; 48), — говорит Сама Она. Гордость первого из Ангелов Божиих низвергла с высоты

небесной в бездну адскую: «даже во ад снидеши» (Ис. 14; 15), — сказано диаволу. Туда же низводит она и всех, подражающих в гордости диаволу: «Бог гордым противится» (Притч. 3; 34), — и на Страшном Суде Своим скажет им: «идите от Мене проклятии во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его» (Мф. 25; 41). Где смирение, там и любовь. Только смиренное сердце способно любить по-христиански, поэтому смирение есть мать не только всех добродетелей, но и самой любви. А где гордость, там и все пороки: презрение к ближнему, зависть, ненависть и все их исчадия. Вот почему никакая добродетель без смирения не может быть истинно спасительной добродетелью. Это будет не настоящая, а поддельная, лицемерная добродетель, это будет не плод благословенного корени хриstopодражательного смирения, а пустоцвет, растущий на почве, удобренной тщеславием, самомнением, людской похвалой.

Однажды диавол явился преподобному Макарию Египетскому и злобно воскликнул: "Макарий! Много беды терплю я, стараясь превзойти тебя. Я все то делаю, что и ты: ты постишься, а я вовсе ничего не ем; ты бодрствуешь, а я вовсе никогда не сплю. Одним только ты меня превосходишь." — "Чем же?" — спросил преподобный. — "Смирением", — отвечал диавол и исчез... Значит, одно смирение для диавола неподражаемо, одно оно для него нестерпимо, потому что оно есть по преимуществу богоподобная добродетель. Как мать заботливо бережет детей своих от всякой беды, так святое смирение в сердце христианина охраняет от вражия похищения все прочие добродетели. Будь ты великий постник, великий подвижник, раздай ты все имение, отдай самого себя на мучения, — но если не будешь смирен сердцем по заповеди Господней, если будешь думать о себе, будто ты не якоже прочии человецы, будто ты лучше других, — все твои добродетели, все твои подвиги обратятся в ничто.

Вот что повествуется об одном старце-подвижнике в книге "Лавсаик". Жил он в дальней пустыне и много лет подвизался в добродетелях. Он любил безмолвие и, проводя дни в молитве, песнопениях и богомыслии, имел несколько божественных видений, и во сне и наяву. Он жил почти как бестелесный ангел: земли не возделывал, о пропитании не заботился и, исполненный упования на Бога с тех пор, как покинул мир, вовсе не думал, как питать свое тело. Забыв все земное, он все свое желание устремлял к Богу в ожидании того часа, когда Бог позовет его из сего мира. Между тем, и тело у него не ослабело, и душа не теряла бодрости, — такой твердый навык приобрел он в благочестии! Впрочем, Бог, милуя его, в известное время посылал ему на трапезу хлеб, на два или на три дня, которым он и питался. Каждый раз, как он, чувствуя потребность в пище, входил в свою пещеру, находил там и пищу. Помолится Богу, подкрепит себя пищей и снова услаждается песнопениями. Молитва и богомыслие были постоянным его занятием. Так он с каждым днем совершенствовался и приближался к будущей жизни, почти уверенный в том, что Царство Небесное у него уже в

руках. Но вот эта-то самоуверенность и была причиной того, что он едва не пал от постигшего его искушения.

Дело в том, что в его сердце незаметно для него самого вкралась мысль, будто он лучше других, будто он знает и имеет больше прочих людей. От такой мысли он стал больше полагаться на себя, больше верить своей опытности, а отсюда родилась в нем беспечность, которая незаметно росла в нем больше и больше. Уже не с такой, как прежде, бодростью встает он на молитву от ночного сна, уже не так долго молится, как бывало раньше. Душа разленилась, помыслы стали блуждать, и только старый добрый навык еще удерживал подвижника до времени на прежнем пути. По вечерам, входя в пещеру после обычных молитв, он еще находил иногда на трапезе хлеб, посылаемый ему от Бога, и питался им, но не изгонял из ума негодных тех мыслей, не думал, что своей беспечностью он губит свои труды. Небольшое разлечение ему казалось делом неважным. И вот, вдруг похоть плотская овладела его мыслями и повлекла его в мир... С трудом удержал он себя, провел следующий день в обычных подвигах и после молитвы и песнопений, войдя в пещеру, по-прежнему нашел приготовленный ему хлеб. Впрочем, уже не такой чистый, как бывало прежде, а с сором. Он удивился, немного поскорбел, однако съел его и укрепил себя. Настала третья ночь, и зло утроилось. Ум его еще скорее предался греховным блудным помыслам, и в его помыслах, и в его воображении нечистые мечты представлялись так живо, как бы сбывались на самом деле. Несмотря на то, он и на третий день все еще продолжал свои подвиги, молился и пел псалмы, но уже не с чистым расположением, часто оборачивался и смотрел по сторонам, его одолевало рассеяние мыслей. Вечером, почувствовав голод, он вошел в свою пещеру, и хотя нашел хлеб на трапезе, но уже как бы изъеденный мышами или собаками, а у дверей пещеры — сухие остатки. Тогда только начал он стонать и плакать, но не столько, сколько нужно было для того, чтобы укротить нечистую похоть. Однако ж, подкрепив себя хотя и не досыта пищей, он расположился отдохнуть. Тут нечистые помыслы темной тучей напали на него, он не выдержал, оставил свою пустыню и ночью же пошел в мирское селение.

Настал день, а до селения было еще далеко. Палимый зноем, несчастный изнемог и стал смотреть кругом: нет ли где монастыря, чтобы ему отдохнуть? Вблизи, действительно, показался монастырь. Братия приняли его с любовью, как отца родного, омыли ему ноги и по молитве предложили ему трапезу, что Бог послал. После трапезы братия просили его сказать им слово на пользу души о том, как избегать сетей диавольских и побеждать нечистые помыслы. Старец повел с ними беседу, как отец с детьми, стал поучать их быть мужественными в трудах, уверял, что труды их скоро обратятся для них в наслаждение. Много и еще говорил им старец поучительного о подвижничестве. Окончив наставление, он невольно подумал о себе самом и стал рассуждать: "Как же это я учу других, а сам себя не могу вразумить?" — И он увидел свое поражение, одумался и немедленно

возвратился в пустыню оплакивать свое падение. «Аще не Господь помог бы ми, — говорил он, — вмале веселилася бо во ад душа моя» (Пс. 93; 17), — совсем было я погиб во грехе: «вмале не скончаша мене на земли» (Пс. 118; 87). И сбылось над ним слово Писания: Брат от брата помогаем яко град тверд (Притч. 18; 19), — и как стена неподвижная.

С того времени он всю жизнь оплакивал свою самонадеянность и, не получая больше от Бога пищи, своими руками добывал себе пропитание. Он заключился в пещере, постлал на полу вретиче и дотоле не вставал с земли и не прекращал своего плача, пока не услышал голоса Ангела, который сказал ему во сне: "Бог принял твое покаяние и помиловал тебя; только смотри — вперед берегись и не обольщайся самомнением. Придут посетить тебя братия, которых учил ты, и принесут тебе хлебы на благословение, раздели вместе с ними эти хлебы и всегда благодари Бога!"

Это рассказал я вам, — говорит в заключение писатель книги "Лавсаик", — для того, чтобы вы больше всего поучались смиренномудрию, какими бы великими ни казались вам ваши подвиги". Смирение есть первая заповедь Спасителя, Который говорит: «Блажени нищии духом: яко тех есть Царствие Небесное» (Мф. 5; 3). Смирение есть первая ступень на лестнице, возводящей к небу. Как нельзя подняться наверх, не ступив на первую ступень лестницы, так нельзя научиться ни одной добродетели без смирения. Это наша духовная азбучка. Научись смирать себя пред Богом и пред ближним твоим, и смирение твое научит тебя всем добродетелям, всему, что тебе нужно для спасения души твоей. Она научит тебя молиться Богу той молитвой, которая проходит небеса. Оно научит тебя любить ближнего той любовью, которая творит чудеса. Оно и к тебе привлечет сердца всех ближних твоих, ибо и для людей нет ничего достолюбезнее святого смирения. И вселится в сердце твое тот благодатный мир Христов, тот небесный покой, который обещает Господь всем смиренным сердцем: «научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим» (Мф. 11; 29).

646. Без любви к ближнему — не спасешься

Христианин! Хотя бы ты воздерживался от пищи и вместо ложа спал на земле, хотя бы даже вкушал пепел и всегда плакал, — несмотря на это, ты ничего важного не делаешь, когда не печешься о пользе ближнего. Великие и славные ветхозаветные мужи всего более об этом заботились. Рассмотря со вниманием жизнь их и ты увидишь, что все они старались только о пользе ближнего, оставляя без внимания свои собственные выгоды, — за что особенно и прославились. Моисей, например, много совершил чудес и знамений, но ничто не сделало его так великим, как тот приснопамятный глас, коим он взывал к Богу: «аще оставиши им грех их, остави, аще ли же ни, изгладя мя из книги Твоя, в нюже вписал еси. Так говорил и Давид: аз есмь пастырь, зло сотворивый, а сии овцы что сотвориша?» Да будет рука

Твоя на мне и на дому отца моего. Подобно сему и Авраам, ради пользы ближнего отказываясь от собственных выгод, подвергал себя для того различным бедствиям и молил Бога о людях, совершенно для него чужих. Вот почему прославились сии мужи!

Смотри же, какой вред понесли те, кои заботились единственно о своих выгодах. Так, племянник Авраама, когда услышал от него: «аще ты на лево, аз на право» (Быт. 13; 9), — и когда получив землю по выбору, начал искать там лишь своей пользы, то не только не нашел ее, но и сам едва не сгорел вместе с землей, на которой жил, между тем как земля Авраамова осталась неприкосновенной. Так и Иона, пока пренебрегал пользой ближних для своей собственной, то подвергался опасности погибнуть (ибо в то время, когда город Ниневия устоял, он обуревался волнами и погружен был в море). Когда же стал искать пользы других, нашел и свою. Равным образом и Иаков за то, что не искал собственной пользы в стадах, приобрел великое богатство. Подобно им, наконец, и Иосиф, поелику заботился о пользе своих братьев, то нашел вместе и свою пользу. Ибо когда отец его посылал к братьям, то он не говорил ему: "К чему это? Разве ты не знаешь, что они готовы растерзать меня за мои сновидения, что я стал в глазах их преступником за истолкование снов и виновным за любовь твою ко мне? Чего же они со мной не сделают, когда схватят меня в поле?" — Иосиф не только не сказал, но и не подумал даже ничего подобного, считая услуги свои братьям выше своей безопасности. Не велики ли все эти поступки?

Но дела Павловы еще превосходнее. Все поименованные праведники, пренебрегавшие собственными выгодами, только участвовали в злоключениях вместе с другими. Но Павел сделал гораздо больше: он не только страдал вместе с другими, но и решился подвергнуться крайним бедствиям один, дабы других соделать счастливыми. Отказаться же самому от счастья, чтобы страдать с другими, страдать одному только для блага и безопасности других — не одно и то же. В первом случае хотя и много значит перемена собственного благополучия на злополучие в пользу ближнего, но здесь доставляет некоторое утешение то, что имеешь соучастников в несчастьи. А решиться для блага других одному лишь на все скорби и лишения — это свойственно только душе чрезвычайно мужественной, душе Павловой. Этого мало. Апостол превзошел всех, о коих мы упоминали выше, не только этим, но и другим, еще важнейшим преимуществом. Так, Авраам и другие святые мужи подвергались бедствиям одной настоящей жизни, и все решались умереть только временной смертью. Напротив, Павел для спасения других желал лишиться славы будущей. Я могу представить тебе и третье его преимущество. Какое? То, что многие, хотя и защищали своих ближних от притеснений, но защищали их потому, что они вверены были их смотрению; следовательно, они делали то же, что сделал бы и отец, который должен защищать своего сына, несмотря даже на его порочность и развращение. Между тем, Павел желал быть отлученным от наследия жизни вечной за тех, кои не были вверены его попечению, ибо он

послан был к язычникам. Постигаешь ли теперь величие души Апостола и высоту его мыслей, превышающую самое небо? Подражай же ему с ревностью, а если не можешь подражать ему, то подражай, по крайней мере, ветхозаветным праведникам. Ибо и ты тогда только найдешь свою пользу, когда будешь искать пользы ближнего. Если же ты ленишься прилагать попечение о брате, то не забудь, что иначе и спастись не можешь, а потому старайся о нем и о делах его, хотя для себя самого.

Но ты, может быть, желаешь убедиться в этом на примерах, взятых из круга вещей обыкновенных? Представь же себе, что загорелся чей-нибудь дом, и соседи, заботясь только о себе самих, вместо того, чтобы поспешить на помощь ближнему, не только не сделали этого, но еще из опасения, чтобы кто-нибудь в отсутствии их не произвел у них похищения, запершись, остались бы дома. Как бы они были за это наказаны! Огонь, распространившись, сожег бы все их имущество, и они лишились бы своих выгод за то, что не позаботились о выгоде ближнего. Бог, желая соединить между собою всех людей, подчинил все дела наши такой необходимости, что с пользой одного связана польза другого, и этим-то поддерживается весь порядок мира. Так, если бы кормчий во время бури, презрев безопасность плывущих с ним, начал заботиться о безопасности собственной, то он вдруг погубил бы и себя, и других. Да и прочие искусства, если бы имели в виду только собственные выгоды, — то ни наша жизнь, ни даже они сами не могли бы устоять. Поэтому и земледelec такое сеет количество хлеба, какое было бы достаточно не для него только одного, потому что иначе он давно погубил бы и себя, и других, но при посеве всегда имеет в виду пользу и людей сторонних. Так же и воин не для того на войне подвергается опасностям, чтобы спасти одного себя, но чтобы доставить безопасность целым обществам. И промышленник столько старается добыть товаров, чтобы достало и для него, и для многих других.

Мне скажут: "Каждый поступает таким образом потому, что имеет в виду свою пользу, а не мою: ведь каждый старается или для денег, или для славы и безопасности, а потому, заботясь о собственных выгодах, он не намеренно вместе с этим доставляет их и мне". Но то же самое могу сказать и я, и давно желал бы слышать от других, да и слово это составлено мною для того единственно, дабы показать, что ближний твой тогда только находит свою пользу, когда имеет в виду и твою. Люди никогда не стали бы искать выгод ближнего, если бы не были принуждены к тому необходимостью. Вот поэтому Бог и устроил все так, что не иначе можно достигнуть своей пользы, как только при посредстве выгод, доставляемых другим. Правда, что и такое содействие пользе ближнего уже будет делом человеколюбия; но к этому должно побуждать нас не одно только человеколюбие, а вместе и желание угодить тем Богу. Ибо кто сего не имеет, тот не только спастись не может, но хотя бы он занимался самым высоким любомудрием и пренебрегал все преходящее, — не будет иметь однако ж никакого дерзновения пред Богом. Из чего это видно? Из следующих слов блаженного Павла: «аще раздам вся

имения моя, и аще предам тело мое, во еже сжещи е, любве же не имам, ни кая полза ми есть» (1 Кор. 13; 3) Видишь ли, чего он от нас требует? Хотя бы раздавший свое имение искал не своей пользы, а ближнего, — но сего, говорит, не довольно, а желает, чтобы мы поступали в таком случае с искренностью и великим состраданием. Ибо Бог для того и заповедал это, чтобы привести нас в союз любви. Если же Он в деле человеколюбия требует от нас такой великой меры, между тем мы не исполняем одного и в меньшей, — то чем мы оправдаемся пред Ним?

"Почему же, — скажешь, — Бог говорил Лоту чрез Ангелов: спасая спасай твою душу" (Быт. 19; 17)? Но когда Он сказал это и для чего, объяви мне? Он сказал это в то время, когда уже была определена казнь; не тогда, когда надлежало исправляться, а когда люди были осуждены на погибель и страдали неисцелимыми болезнями. Когда старцы, наравне с юношами, предались одиноким постыдным страстям, так что им надлежало уже сгореть. Это сказано было в тот день, когда молнии готовы были уже упасть на них. Если кратко, то Бог сказал это, имея в виду не порок или добродетель, а казнь, им определенную. Рассуди же, что надлежало тогда делать Лоту? Ужели он, оставшись в Содоме, должен был подвергнуться наказанию и погибнуть без всякой пользы? Но ведь это было бы крайнее безумие... Посему и я не советую подвергать себя злополучию напрасно, вопреки воле Божией. Но когда человек предается пороку, тогда нужно подвергнуться и бедствиям, лишь бы его исправить. Если хочешь, то делай это ради ближнего; а если не хочешь, то, по крайней мере, для своей пользы. Первое, конечно, лучше, но если ты не достиг еще такой высоты, то делай это хотя для самого себя. Пусть никто не ищет одной своей пользы, если только хочет найти ее!

(Из "Беседы " 25-ой святителя Иоанна Златоуста на 1 Послание к Коринфянам)

647. Наше идолопоклонство («Яко вси бози язык бесове» (Пс. 95; 5))

Слышите, братие, что говорит царь Давид? Говорит, что у язычников боги были бесы, что язычники служили и поклонялись бесам, духам нечистым, вообще — дьяволу. Правда, грубые язычники почитали богами идолов, служили и поклонялись идолам, бездушным истуканам — как богам. Но богодухновенный Царь показывает, какою мыслью руководились те люди, которые решились понаставить идолов для почета и поклонения. Эти люди бесов признали за богов. Идол, — говорит апостол Павел, — ничтоже есть в мире (1 Кор. 8; 4). Истукан — просто изделие человеческое. «Идоли язык, — говорит тот же Давид, — серебро и золото, дела рук человеческих» (Пс. 134; 15). Кому же тут служить и кланяться? Ничему и некому, если бы к тому не присоединялась вера, что действовавшие чрез идолов духи или бесы — суть боги. Идолы языческие были только видимым представлением бесов.

Настоящий бог язычников и вообще грешных людей есть диавол. Диавол, отпадши от Бога и Творца и сделавшись противником Ему, захотел сам быть богом и начал от всех требовать себе божеского поклонения. Он обещал достоинство божеское нашим праотцам и, очевидно, хотел их отвратить от Бога, и взять под свою власть, чтобы господствовать над ними и быть их богом. Это же показывает его искушение, с каким дерзнул он приступить к Самому Спасителю нашему Иисусу Христу, нагло требуя от Него себе поклонения. «Сия, — говорил он, — вся (указывая на царство и славу мира сего) Тебе дам, аще пад поклонимися» (Мф. 4; 9). Вот этому богу, именно — диаволу с его клеветами, главным образом, и служили язычники, исполняли злую волю его, приносили ему жертву по роду страстей своих, над коими властвуют демоны. А как человек есть существо не просто духовное, но вместе и телесное, то диавол захотел, чтобы человек и наружно, телесно служил ему как богу, и вот внушил язычникам наставить видимых, вещественных изображений богов — идолов, и им служить и поклоняться, как богам. Таким образом, язычники, поклоняясь и принося жертвы идолам, поклонялись и служили на самом деле злым и нечистым духам, как сказано и о евреях, когда они «поработаша истуканным» (Пс. 105; 36), «пожроша бесовом, а не Богу» (Втор. 32; 17). Значит, бози язычников, действительно, были бесове.

Времена язычества кончились, но кончилось ли идолопоклонство? Свободны ли от идолослужения мы, принявшие закон Христов? — Нет. Кончилось поклонение истуканам, вещественным идолам, но не кончилось поклонение духовным идолам, служение диаволу. Духовные идолы — это страсти греховные. Кто служит, угождает им, тот служит диаволу. Три таких главных идола, которым, к несчастью, и мы, христиане, нередко поклоняемся и служим, — это наше, честолюбие, миролюбие и плотоугодие. «Все, еже в мире, — говорит святой апостол Иоанн, — похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская» (1 Ин. 2; 16). Первый духовный идол есть честолюбие и гордость. Ежели есть в человеке высоко, мерзость есть пред Богом (Лк. 16; 15), — говорит Господь. И этому идолу, диаволом измышленному, первым поклонником и служителем сделался сам же диавол, когда отрекся от повиновения Творцу и возмечтал быть богом. Этому идолу по обольщению диавола поклонялись и прародители наши, когда возмечтали быть яко бози. Этому идолу поклоняются и служат все, кто мечтает о своих достоинствах, кто любит честь и славу, кто ищет отличий и преимуществ пред другими. И чего они не приносят в жертву этому идолу! Вот один добивается высокого звания и места, чтобы величаться пред другими и любоваться мыслию: «несмь, якоже прочии человецы» (Лк. 18; 11). Такое гордое расположение есть служение духу гордыни. Другой служит для почестей и наград, несет труды и подвиги, не щадя ни времени, ни сил, ни здоровья своего — для чего? Чтобы получить то или другое отличие. Такое честолюбивое служение есть жертва бесу тщеславия. Третий благодворит, жертвует на богоугодные заведения, строит или украшает даже храмы Божии — да для чего? Для

славы своей, для получения похвалы от общества и от начальства. Что же это, как не жертва бесу славолубия? Иной роскошествует, ведет знакомство с большими и знатными людьми — и все для чего? Для своего тщеславия... Такая тщеславная расточительность своего достояния есть жертва бесу самоугодия. Все эти и подобные им жертвы со стороны человека суть именно жертвы идольские. Ведь рассудите сами, кому в таких случаях служит человек, для кого трудится, кому делает угождение и честь? Богу ли? Нет, своим порочным желанием и страстям. Стало быть, и служит им, а чрез них — начальнику пороков и страстей диаволу с его клеветами.

Второй идол духовный есть миролюбие. Этому идолу поклоняются и служат преимущественно любостыжатели и сребролюбцы. Апостол Павел любостыжание именно называет идолослужением (Кол. 3; 5). Любостыжатели, как известно, все внимание, все заботы, все труды обращают на то, чтобы приобрести земные сокровища, а приобретенные умножать всякими, какими возможно, способами; сребролюбцы берегут свои сокровища, считая их дороже своей души, и ежели когда одолжают других, то только для своей корысти, чтобы потом взять свое с лихвой. Скажите же, кому они посвящают свои труды и свою жизнь, ежели не имеют в виду ни Бога, ни души своей, ежели только насыщают свою страсть к земным сокровищам и благам? Кому? — Мамоне. Тому же идолу поклоняются и служат и любители щегольства и нарядов, которые приносят этой безумной страсти непрерывные, бесчисленные и самые ценные жертвы. И уж именно служат, как рабы своему господину, как твари своему богу! И»мже бо кто побежден бывает, сему и работен есть», — говорит апостол Петр (2 Пет. 2; 19).

Третий духовный идол есть плотоугодие. Святой апостол Павел служение плоти и чреву считает именно идолослужением и говорит, что чрево для чревоугодников есть бог. «Таковии бо, — говорит он, — Господеви нашему Иисусу Христу не работают, но своему чреву» (Рим. 16; 18), «имже бог чрево» (Флп. 3; 19). О, какой, в самом деле, великий бог у нас — чрево! Целую жизнь мы служим ему, все достояние свое отдаем в жертву ему, все труды несем, все заботы употребляем, все неприятности переносим для него, как бы только угодить ему. Мало того, что непрерывно заботимся о том, что «яды, или что прием» (Мф. 6; 31), — но еще стараемся наслаждаться пищей, «хотим ясти, пити и веселиться» (Лук. 12; 19). Как же поэтому не бог — чрево наше, ежели мы так усердно служим ему, так заботливо угождаем ему и так много жертвуем ему? Немало и других похотей плоти и даже страстей бесчестия (Рим. 1; 26), которым иные из носящих имя христиан не отказываются служить и жертвовать всем, не оставляя ничего для пользы души, как будто жизнь их только и есть, что на земле...

Так вот видите, братие, — и христиане не все свободны от идолослужения. Значит, и мы должны чаще напоминать себе заповедь Божию: не сотвори себе кумира. А таких духовных кумиров много, так много, что едва не равняется числу бесов, лукавых и нечистых духов. Святой

Ефрем Сирин в молитве своей показал, конечно, только часть наших страстей, когда упомянул о духах праздности, уныния, любоначалия и празднословия. И ежели какая страсть, великая ли или малая, для человека есть идол, которому он поклоняется и служит, то какое же должно быть множество этих идолов и у христиан, как скоро они живут в пороках и страстях? Ах, братие! Страшно и подумать о таком идолослужении! А оно, действительно, есть. Действительно, многие, очень многие и христиане боготворят свои страсти, а чрез то совершают духовное идолослужение. И какое богопротивное, душепагубное идолослужение! Ведь христиане вступили в завет с Богом, отреклись сатаны и всех дел его, и сочетались Христу; ведь они должны служить и поклоняться единому Богу, а не врагам своим, исполнять волю Творца своего, а не волю лукавых демонов, ведь душа христианская должна быть храмом Божиим, а не вместилищем страстей.

О, возлюбленные! Позаботимся внести свет христианства в наши умы и сердца, в наши дела и поступки, во всю жизнь нашу. Как отвергнуты нами все кумиры вещественные, идолы языческие, так отвергнем и все плотские и душевные страсти, поставим в душах наших на место их христианские, божественные образы: смирение, веру, повиновение Богу, любовь, благотворение ближнему, воздержание от страстей греховных с соблюдением себя а чистоте души и тела. Так будем служить Богу живу и истинну (Евр. 9; 14), и поклоняться Ему духом и истиною (Ин. 4; 23), и тогда, только тогда мы будем истинными христианами, людьми действительно призванными из тьмы... в чудный Божий свет (1 Пет. 2; 9), и наследницы будем по упованию жизни вечная (Тит. 3; 7). Боже наш, слава Тебе!

(Из книги "Сеятель благочестия" протоиерея В. Нордова)

648. Премудрая царевна-великомученица

Из всех святых жен отличалась своею мудростью святая великомученица Екатерина. Она была дочь царя идолопоклонника; рано лишившись отца, она жила с своею матерью, тайной христианкой, в городе Александрии, что в Египте. В 18 лет она уже хорошо знала всю мудрость писателей языческих и, будучи высока ростом, отличалась необыкновенной красотой. Матери очень хотелось отдать ее замуж, но премудрая Екатерина желала остаться девою и потому отвечала матери и родным: "Если хотите, чтобы я вышла замуж, то найдите мне такого юношу, который был бы подобен мне и в красоте, и в благородстве, и в мудрости. А если чего из этих достоинств у него не достанет, то я не пойду за такого". Много являлось женихов и богаче, и благороднее Екатерины, но ни один не мог сравняться с нею в красоте и мудрости. А Екатерина говорила: "Необразованного жениха не желаю иметь".

Был у матери ее духовный отец, старец святой жизни, который жил где-то за городом, укрываясь от гонений. Раз мать Екатерины привела ее к этому богоугодному мужу. Беседуя с ней, иерей Божий решил обратиться премудрую деву сию к вере во Христа и сказал ей: "Я знаю одного Отрока, Который несравненно превосходит тебя во всем: красота Его превосходит сияние солнечное, премудрость Его управляет всеми созданиями, сокровищами Своими Он наделяет весь мир и они не только не уменьшаются, а, напротив, — умножаются, а Его благородство столь велико, что его нельзя постигнуть умом человеческим". Смущалась Екатерина от таких речей иерея Божия и спросила, правду ли он говорит? И чей Сын этот чудный Отрок? — "У Него нет отца на земле, — отвечал ей служитель Христов, — Он родился неизреченно чудесным образом от одной Пречистой и Пресвятой Девы, Которая за свою святость вознесена превыше небес и Которой поклоняются все небесные Ангелы, как Царице своей". — "А можно ли видеть сего дивного Юношу?" — спросила Екатерина. "Можно, — отвечал старец, — если ты исполнишь то, что я тебе скажу". Екатерина на все была готова, и старец дал ей икону Богоматери с предвечным Богомладенцем на руках и сказал: "Вот тебе изображение Девы Матери с Ее Божественным Сыном, возьми это с собой, заключись на ночь в своей комнате и усердно, с благоговением и верою умоляй сию Деву Матерь, Ее зовут Марией, чтобы она показала тебе Своего Сына. Верь, что Она исполнит желание души твоей".

С радостью исполнила Екатерина повеление старца и от усталости в молитве заснула. И вот, она видит во сне Царицу Небесную так, как Она была изображена на иконе; на руках Ее был Богомладенец, Который сиял светлее солнца, но обращал Свое лицо к Матери, так что Екатерина не могла его видеть. Трижды заходила она и справа, и слева, но Христос отворачивался от нее. Тогда Екатерина слышит, что Матерь Божия говорит Своему Сыну: "Взгляни, Чадо, на рабу Твою, Екатерину, она так прекрасна!" А Он отвечает: "Не могу смотреть на нее, она темна и безобразна". Опять говорит Ему Пресвятая Богородица: "Она и премудра, и богата, и благородна..." Христос отвечает: "Говорю Тебе, Мати Моя, что девица сия и безумна, и нища, и худородна, и Я дотоле на нее не взгляну, пока она остается в своем нечестии". Тогда Препоблагословенная Матерь говорит Сыну Своему: "Молю Тебя, сладчайшее Мое Чадо, не презри создания Своего, скажи ей, что делать, чтобы увидеть пресветлое лицо Твое, которое и Ангелы видеть желают". Христос отвечает: "Пусть она идет к старцу, который дал ей икону; что он скажет, то пусть и сделает, и тогда увидит Меня, и обрящет у Меня благодать".

Проснулась Екатерина, и лишь настало утро, как поспешила к святому старцу, рассказала ему видение и со слезами умоляла научить ее, что ей делать. Тогда иерей Божий раскрыл пред нею все учение веры Христовой, совершил над нею Святое Крещение и велел опять молиться Пресвятой Богородице. И молилась она опять всю ночь, пока не заснула, и снова узрела

во сне Царицу Небесную с Божественным Младенцем, Который теперь смотрел на Екатерину с великой любовью и кротостью... И спросила Матерь Божия Своего Сына: "Годна ли Тебе, Сыне Мой, девица сия?" — И Он отвечал: "Очень угодна, она теперь столь же прекрасна и славна, сколько была доселе нища и неразумна. Я хочу обручить ее Себе в невесту нетленную". И пала пред Ним Екатерина на землю, говоря: "Я недостойна, преславный Владыко, видеть Царство Твое, сподоби меня быть хотя в числе рабов Твоих!" — А Пресвятая Богородица взяла ее за правую руку и сказала Сыну Своему: "Дай ей, Чадо Мое, перстень во обручение, сделай ее невестой Своей и сподоби Царствия Твоего". Тогда Владыка Христос подал ей перстень и сказал: "Будь Моей нетленной и вечной невестой, храни обручение сие тщательно, чтобы тебе отнюдь не знать жениха земного". Тут Екатерина пробудилась и — о радость! — в руке ее, действительно, был пречудный перстень, а сердце ее было полно небесной радости... Нужно ли говорить, что с этого времени она как бы вся преобразилась; все мысли и чувства ее были устремлены к единому Жениху Небесному, о Нем она всегда помышляла, Ему молилась день и ночь...

В то время прибыл в Александрию беззаконный царь Максимиан. Он устроил великолепный праздник в честь своих идолов. Город был переполнен народом, повсюду носился смрад от идольских жертв. Исполнилась божественной ревности святая Екатерина. Она вошла в идольское капище, предстала пред самого царя и смело обличила его нечестие. Поражен был царь святым дерзновением мудрой девы. Он не нашелся, что сказать ей, приказал лишь взять ее под стражу и после привести в царские палаты. Тут он допросил ее: кто она и что ей нужно? И святая дева отвечала новыми обличениями его нечестия. Не зная, что возразить ей, плененный красотой ее, царь не решился вступать с нею в спор и приказал отвести ее в темницу, а между тем собрать отовсюду языческих мудрецов и философов в Александрию. До пятидесяти ученых мужей собралось к царю, но напрасны были их усилия защитить языческие мудрования, — премудрая дева посрамила их и заставила молчать. Тогда разгневанный царь приказал всех их предать сожжению. И вот все эти мудрецы припали к ногам святой девы Екатерины и просили ее помолиться за них Господу, чтобы сподобил их Святого Крещения. Возрадовалась святая Екатерина, ободрила их надеждою на милость Божию и сказала, что огонь, которым грозят им нечестивцы, будет для них крещением и лестницею к небу. И действительно, все пятьдесят мужей прияли мученический венец за Христа.

Между тем царь и ласками, и угрозами старался склонить святую Екатерину к отречению от Христа. Но святая дева мужественно отвечала: "Делай со мною, что хочешь, временным бесчестием ты только пригодишь мне вечную славу. Надеюсь, что многие уверуют чрез меня во Христа моего, и из твоих палат царских многие пойдут со мной в чертоги небесные". Тогда царь повелел обнажить святую деву и бить воловьими жилами беспощадно. Два часа страдала святая мученица, все тело ее представляло одну сплошную

рану, кровь лилась рекой... Уже было поздно, когда отвели ее в темницу. Между тем, супруга царя Максимиана, Августа, видела во сне святую Екатерину, сидящей посреди многих юношей и девиц прекрасных. Августе снилось, что Екатерина посадила ее с собой и возложила ей на голову венец золотой, говоря: "Владыка Христос посылает тебе этот венец". Всем сердцем пожелала Августа видеть мученицу. С одним воеводой, по имени Порфирий, она пришла к ней тайно в темницу, беседовала с святой девой и уверовала во Христа. Уверовал и Порфирий с двумястами воинами, которые их сопровождали. После того Сам Господь явился Своей невесте и сказал ей: "Не бойся, Моя возлюбленная, Я с тобою, никакая мука не победит тебя, а своим терпением ты многих обратишь ко Мне". Утром снова она предстала пред царем. Опять начались ласки и угрозы, опять — мучения нестерпимые... Мученицу привязали к огромным колесам, близ коих были укреплены копья, ножи и другие оружия. Приказано было вертеть эти колеса, чтобы растерзать мученицу, но тут совершилось чудо: Ангел Божий освободил святую деву, а колеса сокрушил с такой силой, что разлетевшимися осколками их были убиты и ранены многие из язычников... Услышала об этом чуде царица Августа, вышла из чертогов своих и стала обличать мужа, говоря: "Поистине ты безумен, что дерзаешь вступать в борьбу с Богом Живым и мучишь неправедно рабу Его". Как лютей зверь воспылал яростью на жену свою беззаконный царь и велел сначала мучительным образом оторвать у нее сосцы, а потом отсечь ей голову. "Раба Бога истинного, — воззвала тогда блаженная Августа к Екатерине, — помолись о мне!" — "Иди с миром, — отвечала ей святая мученица, — иди и вечно царствуй со Христом!" И Августа скончалась под мечом.

Наутро предстал царю и воевода Порфирий с двумястами воинов, во Христа уверовавших. "И мы христиане, и мы воины Христа Бога", — говорили они. Напрасно смущенный царь уговаривал их образумиться, — они остались непреклонны, и все были усечены мечом. Тогда царь еще раз приказал привести к себе святую Екатерину, еще раз пытался и лестными обещаниями, и угрозами склонить к отречению от Христа. "Я сделаю тебя своей царицей, — говорил он, — я ничего не буду делать без твоего совета, ты будешь жить так счастливо, как не жила ни одна царица". Но мужественная страдалица осталась непреклонна, как твердый алмаз. Тогда мучитель приказал отсечь ей голову. Славную мученицу вывели за город, здесь она вознесла усердную молитву ко Господу, принесла Ему благодарение за то терпение, которое Он даровал ей, смиренно просила покрыть милосердием все грехи ее, в неведении содеянные, и устроить так, чтобы тело ее, за Него пострадавшее, было сокрыто от поругания со стороны врагов веры Христовой. "Призри с высоты Святыя Твоя, Господи, на предстоящие люди Твоя, — так молилась мученица Христова, — и настави их на свет Твоего познания, да от всех воспеваются величия Твоя во веки!" Помолившись, она обратилась к мучителю: "Скончай поведенное!" — Тот поднял меч, и честная глава мудрой Екатерины отделилась от тела... Вместо

крови все видели чистое млеко. А люди достойные сподобились видеть и то, как тотчас же святые Ангелы взяли ее святые мощи и понесли на гору Синайскую, где они и поныне почивают в обители, посвященной ее имени. Молитвами премудрыя Твоя невесты, великомученицы Екатерины, Господи Иисусе Христе, помилуй нас!

649. Далеко ли от нас Вифлеем?

«И се, вам знамение: обрящете Младенца повита, лежаща в яслех» (Лк. 2; 12)

Какую трогательную картину представляет нам святой Евангелист Лука, когда повествует о Рождестве Господа нашего Иисуса Христа! Над смиренным градом Давидовым, Вифлеемом, и его окрестностями спустилась темная восточная ночь. В тихой долине, между гор, пасут стада свои пастыри вифлеемские. В темной синеве неба ярко блещут звезды небесные. Не спят добрые пастыри, они тихо ведут между собою беседу... О чем? Может быть, о том, чем занята была в то время душа каждого верного израильтянина: о грядущем Мессии-Избавителе, о Его славе, о Его Царстве... Вдруг слава Господня осияла их, и среди их стал Ангел Господень. И убояшася, — повествует святой Лука, — страхом велиим. "Не бойтесь, — вещает им светлый небожитель, — се бо благовестую вам радость велию, яже будет не вам только, но и всем людям: яко родися вам днесь Спас, иже есть Христос Господь, во граде Давидове. Знаю, что сердце ваше трепещет желанием видеть его, поклониться Ему. Вы желаете узнать: как и где найти Его в этом переполненном теперь городе? Се, вам знамение: обрящете Младенца повита, лежаща в яслех..." С трепетной радостью внимали пастыри благовестию Ангела Божия. Еще не успели они прийти в себя от изумления и восторга, как вдруг — бысть со Ангелом множество вой небесных, хвалящих Бога; и весь этот хор певцов бесплотных воспевал чудную песнь Творцу: Слава в вышних Богу и на земли мир: во человецех благоволение! Но вот стихла священная песнь небожителей, скрылись в высоте небес Божии Ангелы, и человецы пастырие реша друг ко другу: преидем до Вифлеема, и видим глагол сей бывший, его же Господь сказа нам . И приидоша поспешшеся, и обретоша Мариам же и Иосифа, и Младенца лежаща во яслех... И поверглись они в трепетном чувстве радости пред смиренными яслями Спасителя мира, и поведали Пречистой Матери Его свое дивное видение, и прославили Бога за все, что видели и что слышали от Ангелов, от Марии и от старца Иосифа. И возвратились они к стадам своим с благодатной радостью в сердцах, славяще и хваляще Бога о всех, яже слышаша и видеша.

Так повествует богоглаголивый Лука. Чувствуется, что этот трогательный рассказ он записал со слов самой Матери Божией. Когда

внимаешь ему, то сердце исполняется неземной радостью о Господе, душа стремится к яслям Христовым. Так вот и улетел бы туда, в священный Вифлеем, в его смиренный вертеп, и повергся бы там в чувстве своего ничтожества и смиренного сознания своей несказанной греховности, у этих яслей Агнца Божия, вземлющего на Себя грехи всего мира!

Но, возлюбленные братие! Вифлеем сей гораздо ближе к нам, чем мы думаем, нам нет нужды, подобно волхвам, предпринимать дальний путь, нет надобности, подобно пастырям, искать знамения, как и где обрести Божественное Отроча, чтобы поклониться Ему.

Святая Церковь сегодня сама представляет в каждом храме Вифлеем, она желает, чтобы каждое сердце христианское было чистыми яслями для Бога, Который благоволил ради нашего спасения родиться от Девы, яко Младенец, и смиренно возлечь в яслях скотиных, яко Агнец незлобивый... Что же нужно для этого? Нужно, братие мои, самим нам сделаться детьми. Да, детьми, — этого требует от нас Господь и Спаситель наш. Из Своих яслей Он как бы вещает нам: смотрите, Я для вас Младенцем стал: аминь глаголю вам, аще и вы не обратитесь, и будете яко дети, не увидите в Царство Небесное (Мф. 18; 3), не будете способны и достойны принять Меня в ваше сердце, соделаться Моими верными учениками, Моими присными чадами.

Вразуми же нас, Господи, как достигнуть этого. Как нам сделаться детьми? Глаголет Господь: «Иже убо смирится яко отроча сие, той есть болий в Царствии Небеснем» (Мф. 18; 4). Смирение — вот что для этого нужнее всего. Смири свой ум, чтобы он с детским доверием, с детской простотой усвоил истины Христова учения; смири свою волю, чтобы она с детским послушанием отдалась воле Божественной; смири свое сердце, чтобы оно способно было в детской беззаветной любви к Богу и ближнему искать своего счастья, своего блаженства. Младенец естественно желает только млека материнского, — так и ты постоянно держись учения Христова, которым питает нас Матерь наша, Церковь Православная. Неизменной любовью словесное и нелестное млеко возлюбите сего учения, яко да о нем возрастете во спасение (1 Пет. 2; 2).

Не прельщайся словом человеческим, не увлекайся новыми учениями, которые льстят грешной плоти и нашему грешному самолюбию, как дитя, отвращайся от чужих людей, тебе незнакомых. Когда ребенок видит или слышит что-нибудь для него непонятное, он ни к кому не обращается с своими детскими недоумениями, кроме своей матери, слово матери для него — непреложная истина. Когда и тебя смущает какое-либо недоумение в делах веры и жизни христианской, не обращай с этим недоумением к тем, которые не призваны быть твоими наставниками в вере, они могут подать тебе вместо хлеба камень. Но спеши с детской преданностью, с детским доверием к своей Матери, Церкви Православной, она — столп и утверждение Христовой истины на земле, она — истолковательница Таин Божиих. Младенец мыслит умом своей матери, и ты мысли умом своей Матери, Церкви, потому что ее ум есть ум Христов. Помни, что тайны Царствия

Божия открываются только младенцам, в простоте сердца приемлющим Христову истину, что они утаиваются от премудрых и разумных, от тех, которые много думают о своей мнимой мудрости и хотят исчерпать неисчерпаемую глубину Таин Божиих своим слабым умом, как море — малым сосудцем.

Итак, пусть ум твой забудет себя в благоговейном смирении пред неисповедимыми судьбами Премудрости Божией. Плени его в послушание Христово (2 Кор. 10; 5) и скажи ему: молчи, престани, не мудрствуй паче, еже подобает мудрствовать! Высших себе не ищи и крепльших не испытай; яже ти поведена — в сих поучайся!

Младенец не имеет понятия о тщеславии, не желает и не ищет первенства, никому не завидует, — подражай ему в этих добродетелях. Простосердечие, незлобие, смирение — вот эти святые добродетели. "Когда мы не имеем сих добродетелей, — говорит святой Иоанн Златоуст, — то сколько бы ни были велики наши дела, спасение наше сомнительно". Только святое, хриstopодражательное смирение, святая простота и незлобие дают цену всем прочим добродетелям и делают человека способным к восприятию Царствия Божия в свое сердце: «таковых бо есть, — глаголет Господь, — Царствие Божие» (Лк. 18; 16).

Дитя не оправдывается пред учителями, верно и благопокорно слушает уроки, — будь и ты подобен отрочате. У дитяти все это естественно, а ты стяжи подвигом, самопонуждением, отсечением своих страстей. И чем многотруднее будет твой подвиг в борьбе со страстями, тем выше он будет в очах Господа твоего, тем чище будет сердце твое, тем достойнее ты будешь воспринимать в свое сердце Того, Кто смирился смирению нашему и благоволил в вертепе и во яслех бессловесных возлещи...

Младенец поживает на руках матери, он мыслит ее умом, управляется ее волей, питается ее пищей, живет ее жизнью, — предавай себя и ты в детской простоте в руки Промысла Божия, исполняй волю Божию так, как бы она была твоей собственной волей. О, если бы мы свято исполняли во всем волю Божию! Если бы всегда предавали себя в руки Божии!

Сколько ненужных, напрасных забот исчезло бы тогда из нашего бедного, измученного скорбями сердца, сколько печалей рассеялось бы, подобно туману при сиянии солнца, какой блаженный мир и тишина водворились бы в наших сердцах... "Посмотрите, — говорит Московский святитель Филарет, — посмотрите на младенца, когда он видит свою мать и бросается в ее объятия, не видите ли, что он — весь радость?"

Будьте же и вы, яко дети, так просто, так совершенно предавайтесь Богу, так всецело повергайтесь в объятия Его благодати. И радость Господня, от одного взора Матери Благодати, сама собою рождается в сердце простом и чистом". Аминь.

(Слово, сказанное в Троицкой Сергиевой Лавре 25 декабря 1892 года)

650. Дорожите временем!

«Всем время, и время всякой вещи под небесем» (Еккл. 3; 1)

Ни о чем так не заботятся в свете, как о провозждении времени, и ничем так не злоупотребляют, как провозждением времени. А между тем, всего времени нашей жизни много семьдесят лет, аще же в силах — осмьдесят лет, по слову Пророка. Но и при этой краткости времени за правильное употребление его можно купить целую вечность блаженства, равно как за злоупотребление — целую вечность мучений. Как же драгоценно для нас время и как ужасно злоупотребление им!

Всем время, и время всякой вещи под небесем, — говорит древний мудрец. Следовательно, времени совершенно праздного и пустого нет и быть не должно. В мире, окружающем нас, нет праздного времени, то есть нет совершенного бездействия, ибо всеобщее бездействие было бы всеобщей смертью. И действительно, посмотрим ли на собственное тело, — в нем и во время бодрствования, и во время сна непрерывное движение и непрерывная деятельность. Остановить сие движение значит отнять жизнь. Прислушаемся ли к собственной душе, — в ней непрерывно являются различные представления и образы, движутся мысли, волнуются чувства. Остановить сие движение нельзя ни на одно мгновение без того, чтоб не прекратить жизни души. Значит, совершенного бездействия нет и у человека; каждое мгновение времени наполняется непременно какою-либо деятельностью — полезной или бесполезной, правильной или неправильной, законной или незаконной.

Итак, что же такое так называемое праздное время у человека? Это время, праздное только от добрых и полезных дел, но полное дел пустых и бесполезных. Праздно, говорим мы, проводит время дитя, когда оно занимается игрушками. Но так же праздно проводит время и взрослый, когда проводит его в пустых мечтах, в праздных словах, бесполезных делах, — с тем только различием, что игрушки дитяти не вредят никому, а игрушки взрослых всегда сопровождаются неизбежным вредом как для них самих, так и для других. Ибо между добром, которое одно истинно полезно, и злом, которое всегда вредно, нет середины. Потому-то праздность, уже сама по себе, есть порок, который осуждается и Судом Божеским, и судом человеческим, грех, за который ожидает достойная казнь в жизни будущей.

Первое и главное правило касательно употребления времени то, чтобы оно не улетало праздно — без добрых и полезных дел, что должно проводить его так, как повелевает Закон Божий: Всем время, и время всякой вещи под небесем. Следовательно, для всякого времени есть и должно быть свое дело, и для всякого дела есть и должно быть свое время. Нельзя, поистине, верить тем, кои жалуются на избыток времени, ищут и не находят, как провести, или, как справедливо говорят, "убить время". Эта жалоба не от недостатка дела, а от недостатка усердия к истинно полезным делам. Может ли не быть дела у христианина, который обязан знать все, от Бога дарованное нам,

которому не должно быть чуждо все, «елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродетель и аще кая похвала» (Флп. 4; 8).

Мы не находим дела? Но пред нами книги святых Пророков, о которых многие и понятия не имеют, писания святых Апостолов, из которых мы нечто слышали иногда только в храме. А между тем сии Священные Писания суть глаголы Господа Вседержителя, который Дух суть и живот суть (Ин. 6; 63), завет сладчайшего Искупителя нашего, который нам должно не только знать, но и исполнять. Может ли быть невнимание, виновнее сего? Небрежение, достойнее казни? Мы не знаем, как провести время, и однако же остаемся дома, когда Церковь призывает на молитву, роскошествуем и веселимся, когда повелевает поститься и плакать о грехах своих. Может ли быть злоупотребление временем хуже сего? Равным образом, может ли жаловаться на недостаток дела и добрый гражданин, который сам живет трудами других и который потому самому обязан непрестанно трудиться для блага других. Не трудившись, — говорил Апостол, — ниже да ест. И действительно, справедливо ли человеку, который не делает ничего на пользу ближних, питаться хлебом, который стоит кровавого пота бедному земледельцу, украшаться одеждами, для приготовления которых подобные нам жертвуют трудами и здоровьем, жить в доме, созидание которого стоило пота многим? Может ли, наконец, не быть дела у доброго семьянина, который обязан дать ответ за чад и домочадцев своих и пред обществом, и пред Церковью, и пред Судом Божиим?

С другой стороны, нельзя верить и тем, кои называют себя до того обремененными делами общественными и житейскими, что не находят времени для дел благочестия, для исполнения важнейших обязанностей христианских. Нет должности в обществе, которая поглощала бы, так сказать, все время жизни. Древние христиане, находясь и в римском языческом войске, и при дворе языческих кесарей, умели быть верными исполнителями и христианских обязанностей. И нет дела семейного, которое не позволяло бы доброму семьянину быть вместе и истинным христианином. В противном случае надлежало бы расторгнуть все узы общественные и семейные, чтобы не лишиться единого на потребу — спасения души, те узы, которые освящаются и Словом Божиим, и Святой Церковью, и которые уже поэтому самому не могут и не должны противоречить священнейшим обязанностям христианина. Спросите сами сих многодельных мужей: сколько времени, при всех занятиях своих, проводят они в пустых забавах, которые называют "отдохновением от трудов"? Неужели же усердная молитва, чтение Слова Божия и участие в Таинствах христианских не могли бы доставить истинного наслаждения их сердцу, успокоения духу, укрепления силам? Значит, жалоба их происходит не от недостатка времени, а от недостатка христианского расположения.

Есть всем время, и время всякой вещи под небесем. Нужно только уметь хорошо пользоваться временем. Как пользоваться? По тому же правилу —

всем время, и время всякой вещи под небесем. Следовательно, всякому времени должно быть определено свое дело, и всякому делу свое время. Нет большего и важнейшего дела, как спасение души и приобретение жизни вечной, — потому дело сие и должно быть единственной целью нашей жизни. Не то хотим сказать мы, чтобы для сего должно было оставить совершенно все дела общественные и домашние, но то, чтобы всякое дело освещалось молитвой, предпринималось не по влечению растленного сердца, но по чистому сознанию долга, предписанного Законом Божиим, совершалось не для удовлетворения прихотей и страстей, но во славу Божию, по оному правилу апостольскому: аще ясте, аще ли пиете, вся во славу Божию творите. Дела служения Богу и прославления Его имени по долгу займут первое место, и время, посвященное им, не должно отнимать у них без особенно крайней нужды. Пусть дни святые святятся молитвой, благоговейным чтением и размышлением, делами человеколюбия и благотворения ближним. Пусть дни сетования и покаяния будут посвящены неотложно сетованию о грехах своих, покаянию и воздыханиям о небесном отечестве. Пусть начало, середина, окончание каждого рабочего дня освящаются уединенной молитвой к Отцу Небесному. Пусть ежедневно часть ночного покоя будет посвящена испытанию совести, обозрению дневных дел и грехов. Если во всем и всегда мы пользуемся трудами других, то справедливость требует заслужить право пользоваться чужими трудами: «Вся убо, елика аще хотите, да творят вам человецы, тако и вы творите им... в нюже меру мерите, возмерится вам» (Мф. 7; 12, 2). Словом, пусть во всех делах наших будет всем время, и время всякой вещи. Наука простая для всех и всегда удобоисполнимая! Нужно только помнить то же правило мудрого: всем время, и время всякой вещи под небесем. Смерть большей частью постигает нас тогда, когда всего менее ожидаем ее, принуждены бываем разлучаться с миром тогда, когда всего менее хотелось бы того. Если бы нам сказали, что настоящий день есть последний день нашей жизни, мы, без сомнения, употребили бы его весь на возможно лучшее приготовление к смерти, забыли бы обо всем, окружающем нас. Что же мешает нам представлять себе последним каждый день жизни? Почему же и действительно не быть ему последним? Кто положил завет со смертью? Какой Ангел придет заблаговременно возвестить нам день кончины, когда Сам Господь сказал нам: «Бдите убо, яко не весте дне ни часа, в онъже Сын Человеческий придет» (Мф. 25; 13). «Блюдайте убо, како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри: искупующе время, яко дние лукави суть» (Еф. 5; 15, 16). Аминь.

(Из "Собрания проповедей" Димитрия, архиепископа Херсонского)